Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Гольман Евгения Андреевна

ЖЕНСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель
доктор социологических наук,
профессор А. Б. Гофман

Москва – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК 19
1.1. Специфика изучения телесности в современной социологии 19
1.1.1. Социология тела как область социологического знания 19
1.1.2. Категориальный язык и основные направления изучения телесности в социологии 26
1.1.3. Тело и идентичность в эпоху высокого модерна 32
1.2. «Техники тела», «технологии себя», «телесная педагогика»: развитие представлений о телесных практиках в социальной науке 41
1.3. Женская телесность и телесные практики: проблема соотношения тела, пола и гендера 61

ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК ЖЕНЩИН 84
2.1. От структуралистской традиции в социологии тела к феминистской критике работы над телом 84
2.2. Феноменологическая традиция интерпретации телесных практик женщин 102
2.3. Интегративные подходы к интерпретации телесных практик женщин в современной социологии 124
2.3.1. Женская телесность, телесные практики и оппозиция структура/действие в социологии 124
2.3.2. «Телесный реализм» как попытка решения проблемы структура/действие в изучении телесных практик женщин 136
2.3.3. Состояние эмпирических исследований женской телесности и концепция телесного реализма 147

ГЛАВА 3. ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ТЕЛЕСНОГО РЕАЛИЗМА 159
3.1. Ансамбли телесных практик и интегративный подход: дизайн исследования 159
3.2. Между упорядоченным и проживаемым телесным опытом: женщины о практиках работы над телом 173
3.3. Тело как объект и субъект в личных нарративах женщин 190
3.4. Результаты эмпирического исследования: эвристические возможности и ограничения концепции телесного реализма 208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 213

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 217

ПРИЛОЖЕНИЕ 236
Приложение 1. Список участниц эмпирического исследования 236

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Женская телесность представляет собой одно из актуальных направлений исследований в современной социологии на стыке социологических теорий тела и гендера. Исследования тела являются динамично развивающейся областью социологии: в последние годы растет число публикаций по данной проблеме, что позволило некоторым ученым даже заявить о «телесном повороте» («corporeal turn») в социологии.[1]

В современной социологической теории телесность человека рассматривается как результат преобразования физиологической данности в процессе освоения культуры,[2] и ключевым понятием для анализа данного процесса являются телесные практики как спектр санкционированных культурой способов обращения с телом, его использования и преобразования. Социологические исследования отмечают увеличивающуюся значимость телесной презентации для индивидов в обществах высокого модерна.[3] В результате формирования установки по отношению к телу как к проекту, телесность становится пространством для социального экспериментирования, в то время как культурные модели тела составляют ресурс для построения и закрепления идентичности.[4] При этом для социологических теорий тела как проекта до сих пор характерно игнорирование гендерного фактора, и длительное время социология тела и теории гендера развивались параллельно.[5]

В диссертации показано, что изучение телесности как социокультурного феномена и распространения проектной установки по

[1] Witz A. Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // Body and Society. 2000. 6 (2). P. 1

[2] Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. С.107; Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 195.

[3] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991. P.215; Shilling C. The Body and Social Theory.Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P.6.

[4] Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P.174.

[5] Howson A. Embodying Gender. London: Routledge, 2005. P.54

отношению к телу в современных обществах требует учета гендерного аспекта. Несмотря на общую тенденцию популяризации разнообразных форм «работы над телом» и среди мужчин, и среди женщин (в частности, среди так называемых «социальных инноваторов»[6]) в современном обществе, статистика и данные исследований демонстрируют, что женщины в большей степени вовлечены в телесные практики, чем мужчины.[7]

Актуальность исследовательского фокуса на женской телесности обусловлена тем, что как в традиционном, так отчасти и в индустриальном обществе наблюдалась тенденция к восприятию социальной роли женщин и их личности через призму телесных аспектов человеческого существования,[8] причем преобладала традиция оценивать женскую телесность с точки зрения соответствия стандартам привлекательности.[9] В диссертационном исследовании основным является социокультурный аспект женской телесности – телесные практики женщин как практики целенаправленной работы над изменением своего тела. При этом изучение телесных практик женщин не ограничивается фокусом на канонах сексуализированного тела в потребительской культуре («мире потребления»), а также затрагивает

---

[6] Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С.115.

[7] Например, высокую вовлеченность женщин в телесные практики демонстрирует статистика обращений к пластической хирургии и косметическим процедурам, представленная в официальных отчетах Американской ассоциации пластических хирургов (ASPS) и Международного общества эстетической пластической хирургии (ISAPS). По данным ASPS за 2012 год и ISAPS за 2013 год, женщины составляют основную целевую аудиторию пластической хирургии и малоинвазивных косметических процедур - 91% и 87,2% соответственно (См. ASPS 2012 Quick Facts. Cosmetic Plastic Surgery Demographic Trends // 2012 Plastic Surgery Statisitcs Report [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2012-Plastic-Surgery-Statistics/demographic-trends-quick-facts.pdf, дата обращения 31.03.2014; ISAPS Quick Facts: Highlights of the ISAPS 2013 Statistics of Cosmetic Surgery [Эл. ресурс] Режим доступа:http://www.isaps.org/Media/Default/Current%20News/ISAPS%20Quick%20Facts%20Highlight%20Sheet%20Final.pdf, дата обращения 20.12.2014). Официальная статистика обращения к этим процедурам в России Российского общества пластических, реконструктивных и эстетических хирургов отсутствует в открытом доступе. Женщины также являются основными потребителями фитнес-услуг в последние годы, в том числе в России, появляются клубы, ориентированные исключительно на женщин. Подробнее см. Евпланов А. Готовь фигуру весной. Фитнес-индустрия в России растет на 20 процентов в год // Российская бизнес-газета 20.03.2012 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/03/20/fitnes.html (дата обращения 20.12.2014); Вершинина С. Рынок фитнес-услуг уже пять лет растет гигантскими темпами // Ведомости 28.10.2013 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/realty/news/18026971/zatraty-na-fitnes-centr-okupyatsya-za-2-3-goda (дата обращения 20.12.2014).

[8] Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, Ltd, 1995. P. 5, 204.

[9] Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 29.

специфику социальной регуляции женского тела в аспектах репродуктивных практик («мира репродукции») и практик инструментального использования тела («мира производства»).[10] Распространившийся в современных обществах проектный подход к телу пронизывает управление телесной презентацией в каждой из сфер социальной жизни.

В ситуации методологического плюрализма изучение женской телесности и телесных практик женщин развивается в разных теоретических традициях параллельно, каждая из традиций акцентирует внимание на одном из уровней анализа явления: макроуровне, фиксирующем спектр социальных канонов женской телесности; микроуровне, проблематизирующем социальную ситуацию вовлеченности женщин в телесные практики и креативный потенциал практик как социального действия; мезоуровне, отражающем взаимообусловленность статусной позиции и репертуара телесных практик. Однако, как показано в диссертации, существующие интегративные теории в современной социологии тела представляют собой гендерно-нейтральные концептуальные модели, при этом потенциально содержащие в себе комплексный подход к изучению телесных практик женщин. Одновременно в собственно теориях гендера акцент в изучении телесных практик женщин смещен в сторону исследования практик привлекательности и доминирующих канонов красоты, в то время как практики здоровья и практики самости, актуализируемые в теориях тела как проекта, в меньшей степени представлены в исследованиях. В связи с этим важной теоретико-методологической задачей, решаемой в диссертации, является историко-социологическая реконструкция и критический анализ, а также концептуальная ревизия и интеграция существующих подходов к социологическому изучению женских телесных практик. Решение этой задачи позволит предложить комплексный подход к изучению телесных практик женщин, а также оценить дальнейшие перспективы применения подхода к социологическому исследованию этого явления.

[10] Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. С.18-22.

Научная разработанность проблемы

Диссертационная работа основана на анализе социологических теорий телесности, включая концепции женской телесности и телесных практик женщин. Отличительной чертой литературы по телесным практикам женщин является плюрализм при выборе отправной точки анализа. В то время как одни работы сфокусированы вокруг культурных идеалов феминнной телесности, критике навязываемых женщинам способов заботе о теле в массовой культуре, другие проблематизируют взаимосвязь идентичности женщины и телесных практик, тем самым выходя за пределы практик привлекательности и анализируя значение работы над телом для самости женщины. В целом, в диссертационном исследовании выделено четыре направления исследований.

Во-первых, широкое распространение в зарубежной и отечественной социальной науке приобретают работы, в центре авторов которых находится тело как социокультурный феномен. Среди классических работ следует отметить работы М. Шелера,[11] М. Мосса,[12] Дж.Г. Мида,[13] А. Гелена,[14] М. Мерло-Понти,[15] И. Гофмана,[16] М. Дуглас,[17] М. Фуко,[18] П. Бурдьё,[19] Х.

[11] Шелер. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс. 1988. С. 31-95.
[12] Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. – 416 с.
[13] Мид Дж.Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
[14] Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 152-201.
[15] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 608 с.
[16] Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Главы 3-6. / Перевод М. Добряковой // Социологический форум, 2001[Эл. ресурс] Режим доступа: ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения 31.03.2014); Гофман Э. Символы классового статуса / Перевод В. Николаева // Логос. 2003. 4-5 (39). С.42-53.; Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / Перевод с англ. С.С. Степанова и Л.В. Трубицыной. М.: Смысл, 2009. – 319 с. и др. работы (см. список литературы).
[17] Douglas M. Natural Symbols: Exploration in Cosmology. Third edition. London and New York: Routledge, 2003. – 240 p.
[18] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. – 504 с. и др. работы (см. список литературы).
[19] Бурдье П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики /Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С.286-364; Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с. и др. работы (см. список литературы).

Йоаса.[20] Среди современных зарубежных социологов важно отметить публикации З. Баумана,[21] Э. Гидденса,[22] Р. Кроуфорда,[23] М. Фезерстоуна.[24] Особую значимость для институционализации социологии тела в последние десятилетия XX века приобрели работы Б. Тёрнера,[25] К. Шиллинга,[26] С.Дж. Уильямса и Дж. Бенделоу, [27] А. Ховсон и Д. Инглиса,[28] К. Креган,[29] сборник под редакцией Д.Д. Васкула и Ф. Ванини.[30] В отечественной социальной науке значительный вклад в осмысление тела как объекта исследования сделали И.С. Кон,[31] В.Л. Круткин,[32] И.М. Быховская,[33] Д.В. Михель,[34] С.А. Азаренко,[35] П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова,[36] Н.В. Романовский,[37] Д.Ю. Куракин.[38] В последние годы в России также проводится серия эмпирических исследований телесности, выходят сборники статей по их результатам коллектива авторов, работающего на базе НИЦ «Регион» Центра

[20] Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.
[21] Bauman Z. Survival as a Social Construct // Theory, Culture & Society. 1992. Vol.9. P. 1-36.
[22] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991. – 264 pp.
[23] Crawford R. Cultural Influences on Prevention and the Emergence of a New Health Consciousness // Taking Care: Understanding and Encouraging Self-Protective Behavior / ed. by N.D. Weinstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 95-113. и др. работы (см. список литературы).
[24] Featherstone M. The Body in Consumer Culture // Theory, Culture & Society. 1982. 1 (2). P. 18-33.
[25] Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2008. – 296 pp.; Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994, вып. 6. С.137-167.
[26] Shilling C. The Body and Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. – 336 pp.; Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. – 242 pp. и др. работы (см. список литературы).
[27] Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge, 1998. – 274 pp.
[28] Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4). P.297-317.
[29] Cregan K. The Sociology of the Body: Mapping the Abstraction of Embodiment. London: SAGE Publications Ltd, 2006. – 224 pp.
[30] Body/Embodiment: Symbolic Interaction and the Sociology of the Body / ed. by Waskul D.D., Vanini P. Ashgate, 2006. — 312 p.
[31] Кон И. С. Мужское тело в истории культуры. — М.: Слово/Slovo, 2003. — 432 с.
[32] Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность, 1997. №4. С. 143-151.
[33] Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. – 208 с.
[34] Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. – 172 с. и др. работы.
[35] Азаренко С.А. Сообщество тела. – М.: Академический проект, 2006. – 239 с.
[36] Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 115-137.
[37]Романовский Н.В. Тело человека – новые горизонты социального познания? // Социологические исследования. 2006. № 4. С.16-25.
[38] Куракин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа. // Социологическое обозрение. 2011. 10 (1-2). С. 56-74.

молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург под руководством Е.Л. Омельченко.[39]

Во-вторых, в рамках формирующейся в социологии тела концепции «телесных практик», различные аспекты этого явления раскрываются вокруг понятий «техники тела», «телесная педагогика», «технологии себя» в работах М. Мосса,[40] М. Фуко,[41] Н. Элиаса,[42] Н. Кроссли,[43] Л. Вакана,[44] Б. Ланди,[45] А. Алтен,[46] К. Шиллинга.[47] Развитие представлений о теле и телесных практиках в западной культуре анализируется в историографических и культурологических работах Ж. Вигарелло,[48] А. Корбена и Ж.-Ж.Куртина.[49] В отечественной науке следует отметить публикации по проблематике телесных практик И.М. Быховской,[50] А.Б. Соколова,[51] А.В. Ваньке,[52] В.Л. Круткина.[53]

В-третьих, в диссертации проанализированы также работы по женской телесности, в которых она рассматривается через призму соотношения

---

[39] В тени тела. Сборник статей и эссе / под ред. Н.Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета», 2008. – 208 с.; Pro Тело: Молодежный контекст / под ред. Е.Омельченко, Н.Нартовой. СПб: Алетейя, 2013. – 288 с.

[40] Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. – 416 с.

[41] Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. №2(65). С. 96-122. и др. работы (см. список литературы).

[42] Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. М.: Университетская книга. 2001. – 336 с. и др. работы (см. список литературы).

[43] Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.1-35.

[44] Вакан Л. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров // Логос, 2013. №5(95). С.61-96.

[45] Lande B. Breathing like a soldier: culture incarnate // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwells, 2007. P. 95-108.

[46] Aalten A. Performing the body, creating culture // European Journal of Women's Studies. 1997. Vol.4. No.2. P. 197-215. и др. работы (см. список литературы).

[47] Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.1-18. и др. работы (см. список литературы).

[48] Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 432 с.

[49] История тела: В 3 т. Под редакцией Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. Перевод с французского М. Неклюдовой, А. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 480 с.; Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны / Перевод с французского О. Аверьянова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 384 с.: ил.

[50] Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. – 208 с.

[51] Соколов А.Б. История тела. Предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. 2009. № 26. С. 190-211.

[52] Ваньке А.В. Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. 1. С. 60–83.

[53] Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. №2(73). С.167-179.

категорий «пол» и «гендер», а также через их взаимосвязь с телом. Впервые проблема женской телесности, соотношения пола и гендера, была поставлена в классической работе С. де Бовуар.[54] В дальнейшем соотношение данных категорий переосмыслялось в работах Г. Рубин,[55] К. Дельфи,[56] Э. Гросс,[57] М. Гатенс,[58] Дж. Батлер,[59] Л. Никольсон,[60] С. Бордо,[61] А. Ховсон.[62] Отдельное направление исследований составляют работы, в которых критически оценивается научное знание о поле и физиологических процессах, среди которых статьи и монографии Т. Лакёра,[63] Н. Одшорн,[64] Э. Фаусто-Стерлинг,[65] С. Робертс,[66] Р. Дозье,[67] П. Йонвален.[68] Особое значение в связи с темой диссертационного исследования приобретает социально-конструктивистский подход к определению гендера, сформулированный К. Уэст и Д. Циммерманом[69] и основанный на теории гендерного дисплея И. Гофмана.[70] В отечественной науке проблема аналитического инструментария для изучения взаимосвязи тела, пола и гендера исследуется в работах Е.А.

[54] Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./ Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.

[55] Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.

[56] Delphy C. Rethinking Sex and Gender. // Sex in Question: French materialist feminism / ed by. Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. P. 31–42.

[57] Grosz E. Notes Towards a Corporeal Feminism // Australian Feminist Studies. 1987. Vol.2. No.5. P. 1–16.

[58] Gatens M. A critique of the sex/gender distinction. // A Reader in Feminist Knowledge. London: Routledge. 1991. P. 139–157

[59] Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”. New York and London: Routledge. 1993. – 288 pp.; Butler, J. Undoing Gender. New York and London: Routledge. 2004. – 288 pp. и др. работы, в т.ч. переводы на русский язык (см. список литературы).

[60] Nicholson L. Interpreting gender // Signs. 1994. Vol. 20. No. 1. P. 79–105.

[61] Bordo S. Bringing body to theory // Body and Flesh: A Philosophical Reader. Oxford: Blackwell. 1998. P. 84–97.

[62] Howson A. Embodying Gender. London: Routledge, 2005. – 177 pp.

[63] Laqueur T. Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud. Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 328 pp.

[64] Oudshoorn N. Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones. London: Routledge. 1994. – 208 pp.

[65] Fausto-Sterling A. Sexing the body: gender politics and the construction of sexuality. New York: Basic Books, 2000. – 496 pp. и др. работы (см. список литературы).

[66] Roberts C. A matter of embodied fact: sex hormones and the history of bodies // Feminist Theory. 2002. Vol.3. No.1. P. 7–26.

[67] Dozier R. Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world // Gender & Society. 2005. Vol.19. No.3. P. 297–316.

[68] Jonvallen P. Sex differentiation and body fat: Local biologies and gender transgressions // European Journal of Women's Studies. 2010. Vol.17. No.4. P. 379–391.

[69] Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.193–218.

[70] Goffman E. The Arrangement between the Sexes // Theory and Society. 1977. Vol.4 (3). P. 301–331; West C. Goffman in Feminist Perspective // Sociological Perspectives. 1996. Vol.39. No.3. P. 353-369.

Здравомысловой и А.А. Темкиной,[71] С.А. Ушакина.[72] Специфика методологии гендерных исследований как междисциплинарной области анализируется в работах М.Г. Котовской,[73] Н.Л. Пушкарёвой.[74]

В-четвертых, специфика и мотивация вовлеченности женщин в телесные практики проблематизируется в работах С. Бордо,[75] Н. Вульф,[76] Э. Бальзамо,[77] С. Бартки,[78] С. Джеффрис,[79] Р.С. Джилл,[80] К. Дэвис,[81] Л.Ст. Мартин и Н. Гэви,[82] К.П. Морган,[83] Л. Негрин,[84] А. Стюарт и Н. Донахью.[85] С позиции формирования психологической установки по отношению к собственным телам, обусловливающей вовлеченность в телесные практики, данная тема развивается в работах Дж. Холланд, К. Рамазаноглу, С. Шарп, Р. Томсон,[86] Л. Фрост,[87] Р.М. Калогеро,[88] в отечественной науке – в работах Е.Б. Станковской.[89] Социальные идеалы женской телесности и их трансформация

[71] Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. 2002. [Эл. ресурс] Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/19169912/

[72] Ушакин С.А. Культура пола // Социо-культурный анализ гендерных отношений / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Изд-во Сарат. Университета, 1998. – 208 с. и др. работы (см. список литературы).

[73] Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. Москва: ИЭА РАН, 2004. — 358 с.

[74] Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетейя, 2008. - 495 с.

[75] Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, Ltd, 1995. – 361 pp.

[76] Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 446 с.

[77] Balsamo A. Technologies of the Gendered Body. Reading Cyborg Women. Durham and London: Duke University Press. 1996. – 232 pp.

[78] Bartky S.L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power // Weitz R. (ed.) The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. P.25-45.

[79] Jeffreys S. ‘Body Art’ and Social Status: Cutting, Tattooing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism & Psychology. 2000. Vol.10. No.4. P. 409-429.

[80] Gill R.C. Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and 'Choice' for Feminism: A Reply to Duits and van Zoonen // European Journal of Women's Studies. 2007. Vol.14. No.1. P.69-80.

[81] Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. – 224 pp. и др. работы (см. список литературы).

[82] Martin L.St., Gavey N. Women's Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity's Recuperation? // Body & Society. 1996. Vol.2. No.4. P. 45-57.

[83] Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women’s Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6. № 3. P.25-53.

[84] Negrin L. Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity // Body and Society. 2002. 8(4). P. 21-42.

[85] Stuart A., Donaghue N. Choosing to conform: The discursive complexities of choice in relation to feminine beauty practices // Feminism and Psychology. 2012. 22 (1). P. 98-121.

[86] Holland J., Ramazanoglu C., Sharpe S., Thomson R. The Male in the Head. London: The Tufnell Press, 1998. – 232 pp.

[87] Frost L. Young Women and the Body. A Feminist Sociology. Basingstoke and New York: Palgrave, 2001. – 224 pp.

[88] Calogero R.M. A Test of Objectification Theory: The Effect of the Male Gaze on Appearance Concerns in College Women // Psychology of Women Quarterly. 2004. Vol.28. No.1. P. 16-21.

[89] Станковская Е. Б. "Моё чужое тело": формы современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 4. С. 112-119. и др. работы (см. список литературы).

затрагиваются в работах Дж. Урлы и А.С. Сведлунда,[90] П. Солей-Бертран,[91] К. Клингсайс,[92] в отечественной науке – в работах Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной,[93] И.В. Сохань.[94] Изменения культурных смыслов телесных практик женщин на протяжении истории изучается в работах Ж. Вигарелло,[95] К. Гусаровой.[96] Роль телесного воплощения для идентичности женщины затронута в публикациях Т.Мой,[97] А.Янг,[98] С. Баджеон.[99]

Как подчеркнуто в диссертации, подавляющее число публикаций по данной проблематике, особенно в отношении телесных практик женщин, вышла в европейских странах и в США, в то время как отечественная социология еще только подступает к данной проблематике.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является женская телесность как социокультурный феномен.

Предметом исследования являются теоретические подходы к исследованию и социологической концептуализации телесных практик женщин.

---

[90] Urla J., Swedlund A.C. The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // Shiebinger L. (ed.) Feminism and the Body. New York: Oxford University Press, 2000.

[91] Soley-Beltran P. Modelling Femininity // European Journal of Women's Studies. 2004. Vol.11. No.3. P. 309-326.

[92] Клингсайс К. Власть гламура в современном российском обществе. Значение одежды и внешности в городской культуре. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 1. С.171-177.

[93] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С.299-321; Темкина А.А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С.7-24.

[94] Сохань И.В. Производство женской телесности в современном массовом обществе — культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 68-77. и др. работы (см. список литературы).

[95] Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 432 с.

[96] Гусарова К. Лучшее украшение женщины и гигиенический прогресс // Теория моды. 2011. Вып. 19. С. 115-142. и др. работы (см. список литературы).

[97] Moi T. What Is a Woman?: And Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 2001. – 544 pp.

[98] Young I.M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity // Ratio. 2002. Vol.15. № 4. P.410-428.

[99] Budgeon S. Identity as an Embodied Event // Body & Society. 2003. 9 (1). P. 35-55.

Цель и задачи исследования

Цель диссертации заключается в критическом анализе и концептуальной интеграции существующих подходов к социологическому изучению женских телесных практик.

Для достижения данной цели были поставлены следующие *задачи*:

1. Разработать классификацию концепций телесных практик в социологии;
2. Проанализировать соотношение категорий «тело», «пол» и «гендер», а также их значение для социологического изучения женской телесности;
3. Выделить основные направления интерпретации телесных практик женщин;
4. Разработать интегративный теоретический подход к изучению телесных практик женщин;
5. Для выявления эвристических возможностей и ограничений предложенного подхода осуществить попытку его применения к эмпирическому изучению телесных практик женщин.

Теоретические и методологические основы диссертации

Основными методами теоретического исследования, применяемыми в работе, выступают реконструкция теоретико-методологических оснований изучения женской телесности, классификация существующих подходов, а также синтез теоретических концепций. Основные объекты изучения в диссертации можно классифицировать следующим образом. Во-первых, объектом изучения является группа концепции телесных практик (теории «техник тела», «телесной педагогики», «технологий себя»). Второй объект изучения составляет группа теорий, проблематизирующих соотношение тело/пол/гендер. Исследование данных теорий позволило оценить роль телесных практик в закреплении гендерных стереотипов внешности на поверхности тела. Третьим объектом изучения являются группы теорий, классифицируемые по принадлежности к одной из трех традиций

интерпретации телесных практик женщин: структуралистски ориентированные подходы, феноменологически ориентированные подходы, интегративные социологические теории. Синтез интегративной социологической концепции телесности Криса Шиллинга («телесный реализм») с обозначенными концепциями телесных практик позволил разработать концептуальную схему изучения телесных практик женщин, в которой учитывается многоуровневый характер феномена (технологический, институциональный и ценностно-мотивационный аспекты) и многообразие гендерно специфичных и неспецифичных практик (практик привлекательности, практик здоровья и практик самости). Осуществленный анализ дал возможность сделать выводы по поводу аналитического потенциала подхода по отношению к существующим эмпирическим исследованиям женской телесности в социологии, а осуществленная автором апробация подхода к эмпирическому кейсу ансамблей телесных практик женщин позволила оценить его эвристические возможности и ограничения.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертационной работы состоит в следующем:

1. Впервые проанализированы и систематизированы ключевые категории для описания телесных практик на трех уровнях: «техник тела», «телесной педагогики», «технологий себя»; показана концептуальная взаимосвязь между ними.
2. На основе развития социально-конструктивистского подхода к изучению гендера раскрыта роль телесности в «создании гендера», а также роль телесных практик в воспроизводстве гендерных стереотипов и в сопротивлении доминирующим канонам женственности.
3. В результате теоретического анализа и реконструкции существующих подходов в социологии тела и теориях гендера автором выделено две

традиции интерпретации телесных практик женщин: структуралистски ориентированная и феноменологически ориентированная.

4. Реконструировано место телесности актора и телесных практик в интегративных социологических концепциях. Впервые сформулировано значение данных теорий для интерпретации телесных практик женщин.
5. Впервые осуществлен синтез интегративной концепции «телесного реализма» с категориями, раскрывающими различные уровни телесных практик («техник тела», «телесной педагогики», «технологий себя»). Выявлено значение концепции телесного реализма для изучения распространенности практик работы над телом среди женщин.
6. Апробация интегративного подхода позволила сформулировать познавательные возможности и ограничения модели применительно к изучению ансамблей телесных практик женщин, различные компоненты которых составляют практики привлекательности, здоровья и самости.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Телесные практики представляют собой комплексный феномен, структуру которого позволяют отобразить концепции «техник тела» (технологический аспект использования тела и «работы над ним»), «телесной педагогики» (институциональные каналы передачи и освоения практик), «технологий себя» (ценностно-мотивационный компонент).
2. Выявлено, что в основе соотношения категорий «тело», «пол» и «гендер» лежит конструируемое в обществе знание о взаимосвязи физиологических процессов и социальных ролей. На основании социальных интерпретаций тела женщине приписывается пол, а на основании пола – гендер как специфическая модель поведения и

внешнего вида. Телесные практики выступают как ресурсы, с одной стороны, закрепления гендерных стереотипов в виде определенных канонов женственности, с другой стороны, – сопротивления доминирующим образцам внешней привлекательности.

3. Выделено две теоретические традиции интерпретации телесных практик женщин. *Структуралистски ориентированная традиция* сфокусирована на анализе институциональных каналов трансляции телесных практик (аспекте телесной педагогики). *Феноменологически ориентированная традиция* сосредоточена на изучении проживаемого телесного опыта и специфической ситуации женщины (аспектах технологий себя). Обе традиции в целом отражают социологическую дихотомию структура/действие применительно к исследованию телесных практик, при этом, они взаимно дополняют друг друга, поскольку фокусируются на различных уровнях анализа.
4. Для *социологических теорий, направленных на интеграцию структуры и действия*, характерны либо подчинение телесного выражения социальным диспозициям актора (например, в теории П. Бурдье), либо гендерная нейтральность модели индивида, в которой тело предстает когнитивно контролируемым инструментом действия (например, в теории структурации Э. Гидденса). Интегративная концепция «телесного реализма» К. Шиллинга, включающая структуралистский (макроуровень), феноменологический (микроуровень) и диспозиционный (взаимообусловленность социальных диспозиций и телесного выражения) уровни анализа отношений тело–общество, частично разрешает этот дуализм. Однако в концепции телесного реализма не принимается во внимание гендерный аспект.
5. Дополнение концепции телесного реализма теориями телесных практик и социального конструирования гендера позволило конкретизировать абстрактную схему и открыть возможность ее практического использования для эмпирического исследования

телесных практик. Концепция «техник тела» открывает возможность для изучения телесных практик женщин в структуралистском и феноменологическом ракурсах, «технологий себя» - в феноменологическом и диспозиционном, «телесной педагогики» - в структуралистском и диспозиционном.

6. Применение разработанного интегративного подхода к эмпирической интерпретации взаимосвязанных телесных практик женщин позволило оценить место отдельных телесных практик в стратегиях взаимодействия с телом в целом, проанализировать ценностно-мотивационный компонент и социальный контекст социализации телесных практик. Комплексный характер телесных практик женщин подтверждается выделением практик привлекательности, практик здоровья и практик самости.

Апробация результатов

Результаты диссертационного исследования апробировались на XV Международной научно-практической конференции памяти Л.Н. Когана (г. Екатеринбург, 22-23 марта 2012 г.), XIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 3-5 апреля 2012 г.), 5-й ежегодной конференции исследовательской группы по старению, телу и обществу («Ageing, Body and Society Study Group») Британской Социологической Ассоциации (г. Лондон, Великобритания, 6 июля 2012 г.), 7-й летней школе «Changing Europe Summer School: Central Eastern Europe and the CIS between post-socialist path-dependence, Europeanization and globalization» (г. Москва, 29 июля – 5 августа 2012 г.), IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (г. Уфа, 23-25 октября 2012 г.), научной конференции «Body projects: Body Modification and the Female Body» (г. Йорк, Великобритания, 9 марта 2013 г.), XVI Международной научно-практической конференции памяти Л.Н. Когана (г.

Екатеринбург, 21-22 марта 2013 г.), научной конференции «Body, Public Health and Social Theory» (г. Копенгаген, Дания, 3-4 апреля 2013 г.). Промежуточные результаты диссертации представлялись на рабочих семинарах Академической аспирантуры НИУ ВШЭ 14 июня 2012 г. и 28 мая 2013 г., а также на семинаре исследовательской группы по культурсоциологии Центра Фундаментальной Социологии НИУ ВШЭ 17 сентября 2013 г. На основе результатов диссертационного исследования было опубликовано девять научных статей в российских сборниках материалов научных конференций и научных журналах, четыре из которых - в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования были использованы при разработке программы учебной дисциплины на английском языке «The Body Politics in Contemporary Culture» («Политика тела в современной культуре») для студентов 1 курса магистерской программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (2014-2015 гг.)

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Результаты диссертационного исследования позволяют систематизировать основные теоретико-методологические подходы к интерпретации телесных практик женщин. Предложенный интегративный подход для изучения телесных практик открывает возможность для дальнейших теоретических разработок и эмпирических исследований, операционализации понятий, а также проведения сравнительного анализа существующих эмпирических исследований женской телесности в социологии.

Материалы диссертации могут быть использованы для разработки программ эмпирических исследований, а также подготовки и преподавания

учебных курсов по социологии тела, гендерным исследованиям, истории социологии.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка литературы, насчитывающего 226 источников. Общий объем работы составляет 239 страниц (9,9 п.л.).

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК

1.1. Специфика изучения телесности в современной социологии

1.1.1. Социология тела как область социологического знания

Исследование женской телесности и телесных практик в социологии осуществляется главным образом на стыке социологии тела и теорий гендера. В связи с этим содержание данной главы сконцентрировано на анализе современного состояния социологических теорий тела, контексте их возникновения, и базовых социологических категориях, актуальных для изучения женской телесности - телесность, телесные практики, гендер. В данной главе будут решены две задачи диссертационного исследования. Во-первых, задача по изучению развития представлений о телесных практиках в социальной науке и разработке классификации соответствующих концепций, во-вторых, задача проведения анализа соотношения категорий «тело», «пол», «гендер», и выделения их значения для социологического изучения женской телесности. Однако прежде чем обратиться к непосредственному решению данных задач, остановимся в первом параграфе на кратком изложении контекста и процесса институционализации социологии тела как области социологического знания, категориальном языке данного направления исследований, а также на специфике изучения тела в современном обществе.

Социологическое изучение телесности представляет собой относительно новую область социальной науки. В то время как представители социологии, философии и социальной антропологии обращались к проблематике тела на протяжении XX века, институционализация собственно социологии тела приходится на конец 80-х – начало 90-х годов XX века.

Широкому обращению внимания к телу человека представителей социальной науки и институционализации социологии тела во второй половине XX века способствовал ряд факторов. Мы классифицировали все причины, выделяемые в литературе, сгруппировав факторы, связанные с социальными трансформациями, развитием научного знания и технологий, а также с развитием собственно социологической теории. Эти факторы тесно связаны между собой, поскольку социальные трансформации оказывают влияние на развитие естественнонаучного и социологического знания о теле, а научные разработки, открытия и теории формируют представления индивидов о своей телесности и характере отношений с ней.

Так, среди *социальных изменений*, заставивших социологов обратить внимание на телесность, необходимо выделить усиление значения тела в потребительской культуре. С одной стороны, во второй половине XX века тело подвергается всё большей коммерциализации и становится одним из ключевых образов для продвижения товаров и услуг.[100] С другой стороны, исследователи общества потребления отметили центральность тела, его формы, а также физического контроля над ним, для самоидентичности человека, что и было подхвачено индустрией рекламы и продвижения товаров.[101]

Другой важной причиной обращения социологов к проблематике тела, выступило демографическое старение населения в развитых странах, поставившее новые социальные проблемы и задачи в связи с увеличивающимся вниманием к продолжительности жизни, жизненному циклу, лечению хронических заболеваний, а также изменяющейся природе человеческого тела.[102] При этом, появление новых заболеваний, не поддающихся полному излечению, таких как ВИЧ и СПИД, заставило

[100]Nettleton S. Sociology of Health and Illness.Third edition. Cambridge: Polity Press, 2013. P.95.
[101]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by. C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.7
[102]Nettleton S. Sociology of Health and Illness.Third edition. Cambridge: Polity Press, 2013. P.95.

ученых задуматься над ограничениями современной медицины, и подорвало веру в полный контроль человека над собственным телом.

Отдельного внимания заслуживает и возникновение разнообразных социальных движений и субкультур во второй половине XX века, призвавших к переосмыслению телесности и различия полов.[103] Среди них можно выделить движения new age, хиппи, «зеленые», «современный примитивизм», [104] каждое из которых в том или ином виде поставило вопрос о переосмыслении тела и разума, экспериментировании с разнообразными телесными и духовными практиками. Необходимо отметить и женское движение. Представительницы феминизма второй волны привлекли внимание широкой общественности к проблеме сексуального насилия, неравенства полов и его социального закрепления посредством стигматизации и маргинализации женского телесного опыта, такого как беременность, кормление грудью, менструация и др.[105]

Существенный вклад в интерес к проблеме тела со стороны социальных наук и институционализацию социологии тела внесли *научные разработки и открытия* в области медицинских технологий и биотехнологий, косметической и пластической хирургии, кибертехнологий, сети Интернет и виртуализации. Так, как отмечает ряд социологов, современные технологические возможности расширили представление о телесном опыте и физиологических процессах, а также способствовали размыванию представления о том, что естественно, а что нет.

Анализируя весь спектр новейших разработок в области технологий, целесообразно классифицировать их по влиянию на формирование знания о теле и телесные практики. Во-первых, представления о физиологии и телесных практиках изменяются благодаря диагностическим разработкам в области медицины. Методы визуализации телесных процессов (например,

[103]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by. C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.7
[104]Klesse C. 'Modern Primitivism': Non-Mainstream Body Modification and Racialized Representation // Body & Society. 1999. 5(2-3).
[105]Nettleton S. Sociology of Health and Illness.Third edition. Cambridge: Polity Press, 2013. P.95.

МРТ, КТ) становятся рутиной медицинского обследования, позволяя заглянуть внутрь собственного тела. Отдельно стоит упомянуть проект «Видимый человек» («Visible Human Project»), целью которого является создание подробной анатомической визуализации мужчины и женщины.[106] Во-вторых, развиваются технологии внесения корректив в собственной тело как с практической, так и с эстетической целью. Среди таких разработок можно выделить современные репродуктивные технологии, трансплантацию органов и тканей, успехи генетических исследований, в частности проект генома человека, нацеленный на расшифровку генетического материала, что гипотетически может позволить предсказывать предрасположенность к тем или иным заболеваниям, а то и моделям поведения.[107] Параллельно совершенствуются методы косметической и пластической хирургии, в настоящий момент способные радикально изменить внешность человека. Открытия в области генетики и биотехнологий поставили перед общественностью и социальными исследователями извечный вопрос о природе человека и соотношении природного и социокультурного в его поведении, в то время как способы модификации тела создали иллюзию полной власти человека над собственной телесностью и возможностью манипулировать ею.[108] В-третьих, исследования по созданию киберпротезов внутренних органов и частей тела, способных компенсировать инвалидность, «обещают» расширить границы человеческих возможностей, улучшить эффективность homo sapiens в производственном процессе. Это послужило основой для возникновения движения трансгуманизма за видовое совершенствование. В то же время, столь многообещающие технологии заставили задуматься о том, что делает человека человеком, и какие социальные трансформации способны последовать за их массовым внедрением. Развитие сети Интернет и виртуализация человеческого опыта

[106] Подробное описание проекта можно найти на сайте Американской национальной библиотеки медицины. См. URL: http://www.nlm.nih.gov/research/visible/visible_human.html
[107] LeBreton, D.Genetic Fundamentalism or the Cult of the Gene// Body&Society. 2004. 10(4). P.15.
[108] Shilling C.The Body and Social Theory.Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013.P.6.

поставили вопрос о преодолении телесной природы человека, дематериализации человека, а также возможности «обессмертивания» разума в глобальной паутине.[109] Эти и другие технологии спровоцировали ряд этических вопросов и проблем вокруг тела, касающихся в первую очередь властных отношений (кто определяет, что такое жизнь и смерть, естественное и неестественное) и права вторгаться в биологический организм с целью его модификации.

Третья группа факторов, подтолкнувших институционализацию социологии тела, связана *с развитием собственно социологической науки и академических теорий*. С одной стороны, существенный вклад в возникновение телесно ориентированных теорий внес академический феминизм с исследовательским фокусом на проблемах сексуализации, объективации женского тела в массовой культуре, насилия на сексуальной почве и маргинализации женского телесного опыта. Тем не менее, «исследования женщин» («women's studies») длительное время не пересекались с социологией тела, развивавшейся параллельно, поскольку, как отмечает Александра Ховсон, в меньшей степени фокусировали внимание на социальности тела, нежели социологи.[110] С другой стороны, некоторые социологи обратили внимание на телесность человека с целью преодоления проблемы структура/действие. Как отмечает Крис Шиллинг, среди таких социологов особенно выделяются Ханс Йоас с теорией креативного действия, а также Маргарет Арчер с концепцией человеческих существ («human being»). Следует отметить также теории структурации и высокого модерна Энтони Гидденса. В этих работах была сделана попытка преодолеть парсоновский подход к индивиду как к определяемому ценностями и нормами, а также теорию рационального выбора, не берущую в

[109]Романовский Н.В. Тело человека – новые горизонты социального познания? // Социологические исследования. 2006. № 4. С.10.
[110]Howson A. Embodying Gender. London: Routledge, 2005. P.54. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в третьем параграфе первой главы.

расчет телесность человека как предпосылку и условие совершения действия.[111]

Итак, все эти факторы подтолкнули социальных исследователей к провозглашению нового поля социологического анализа – проблемы телесности. Пожалуй, первой работой, призывавшей к институционализации собственно «социологии тела» выступила монография Брайана Тёрнера «The Body and Society: Explorations in Social Theory» 1984 года. В ней автор поставил целью обосновать, что тело индивида является релевантным объектом социологического исследования. Однако, помимо введения телесности в поле социологического анализа, Тёрнер вызвался предложить «онтологическое основание социологической теории» вообще, критикуя теории социального действия из-за «когнитивной предвзятости» («cognitive bias»), заложенной в них. Именно эта предвзятость, по мнению социолога, привела к длительной традиции «игнорировать «материальность человеческой жизни и воплощенность социального актора» в мейнстриме социологической теории.[112] За этой публикацией последовал ряд сборников статей и монографий на английском языке, включая сборник «The Body: Social Process and Cultural Theory» под редакцией Майка Фезерстоуна (Featherstone), Майка Хепворта (Hepworth) и Брайана Тёрнера и монографию «The Body and Social Theory» Шиллинга, в которой проводился анализ места телесности в теориях классических и современных социальных ученых. С 1995 года на английском языке начинает выходить журнал «Body and Society», который и по настоящее время вносит существенный вклад в формирование области социологических и междисциплинарных исследований тела («body studies»). Социология тела начинает занимать прочные места в системе курсов высшего образования на Западе.

[111]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007.P.9.
[112]Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. ThirdEdition. London: SAGEPublicationsLtd, 2008. P.VIII.

В отечественной науке социология тела остается одним из мало разработанных направлений социологического исследования. В последние десятилетия можно отметить всплеск публикаций по проблематике телесности в рамках философии, культурологии, социально-гуманитарного знания (С.А. Азаренко,[113] И.М. Быховская,[114] В. Л. Круткин,[115] Д.В. Михель,[116] В.А. Подорога,[117] В.П. Руднев[118]). Тем не менее, работы в рамках собственно социологии тела остаются малочисленными, несмотря на увеличивающийся интерес к данному направлению. Количество диссертаций, защищенных по социологическим специальностям на тему телесности, остается незначительным.[119] Из положительных сдвигов следует отметить всплеск эмпирических исследований тела и публикацию первых монографий по данной проблематике.[120] Первые курсы по социологии тела в настоящее время появляются и в российских вузах.[121]

---

[113]Азаренко С.А. Сообщество тела. – М.: Академический проект, 2006. – 239 с.

[114]Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. – 208 с.

[115]Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность, 1997. №4. С.143-151; Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. №2(73). С.167-179.

[116]Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. – 172 с.; Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 204 с

[117]Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992-1994 годов. М.: Ad Marginem. 1995. – 339 с.

[118]Руднев В.П.. Полифоническое тело: Реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис. 2010. — 400 с.

[119] Поиск в базе диссертаций Российской Государственной Библиотеки (http://aleph.rsl.ru) по усеченному слову «телесност*» выдает 38 диссертаций на декабрь 2014 г., при этом одна и та же диссертация в поиске дублируется как кандидатская и докторская, судя по всему, в результате ошибки (О.С. Суворовой, специальность 09.00.01). Из общего числа диссертаций 27 защищены по философским специальностям (20 кандидатских и 7 докторских), 4 кандидатские по культурологическим специальностям, 3 по психологическим специальностям (1 из них докторская), 2 кандидатские по филологическим специальностям и всего 2 кандидатские диссертации по социологическим специальностям. Из них одна была защищена в 1999 г. (Бабич Л.Н.: Социально-пространственные модели телесности: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Саратов, 1999. - 146 с.ил.), вторая в 2013 г. (Ваньке А. В.: Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01. Москва, 2013 - 227 с.ил.). Из всего массива полученных в результате поиска диссертаций только одна была защищена по женской телесности по специальности 19.00.01 (Станковская Е.Б.: Структура и типы отношения женщины к себе в аспекте телесности: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01.Москва, 2011 - 231 с.ил.).

[120] Первый социологический сборник работ по проблематике тела был издан НИЦ Регион: В тени тела. Сборник статей и эссе / под ред. Н.Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета», 2008. В 2013 г. увидел свет новый сборник коллектива под руководством Е. Омельченко и Н. Нартовой: Pro Тело: Молодежный контекст / под ред. Е.Омельченко, Н.Нартовой. СПб: Алетейя, 2013.

[121] Первые курсы по проблеме тела в российской образовательной практике были разработаны для бакалавриата и прочитаны Н. Нартовой в 2012-2013 учебном году на факультете свободных искусств и наук СПбГУ и факультете социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге: «Политики тела: биовласть, новый

Таким образом, социология тела представляет собой одну из относительно новых и перспективных областей социологического знания в зарубежной и отечественной науке. Социология тела относительно недавно институционализировалась на Западе, в то время как в России институционализация данной области социологического исследования еще продолжается. Возникновение и институционализация данного направления тесно связано с рядом факторов в конце XX века, включая социальные изменения, научные разработки и открытия, а также развитие собственно социологической теории и концептуального аппарата социологии. Как показали последние десятилетия развития науки и технологии, а также социальные трансформации, телесность индивида представляет собой не просто биологическую данность, а сложный феномен, укорененный в определенном социальном порядке. Охарактеризовав контекст и особенности институционализации данной области, обратимся к её категориальному языку, теоретическим основаниям и направлениям исследований.

1.1.2. Категориальный язык и основные направления изучения телесности в социологии

Базис социологического изучения тела человека впервые был сформулирован Тёрнером в 1984 году в его монографии «Body and Society: Explorations in Social Theory». В основу социологии тела исследователь выдвинул следующие постулаты[122]:

1. Тело одновременно является и частью внешней, природной среды, и частью культуры, представляя собой проводник самости во внешний

социальный порядок и правовое регулирование», «Тело и (био)технологии» (СПбГУ, для профиля «Социология и антропология»), «Современные социологические подходы к исследованию тела и телесности» (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). В 2014-2015 учебном году в НИУ ВШЭ (Москва) введены два учебных курса по выбору по проблеме телесности в рабочие учебные планы магистерских программ по социологии. Оба курса преподаются на английском языке. В рамках магистерской программы «Комплексный социальный анализ» читается курс «Sociology of the body» (автор и преподаватель - к.с.н. А.В. Ваньке), а в рамках магистерской программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» преподается дисциплина «The Body Politics in Contemporary Culture» (автор и лектор – преподаватель департамента социологии Е.А. Гольман).

[122]Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2008. P.40-41

мир. В связи с этим, тело - первичный объект, преобразуемый человеком с помощью письма, языка, религии, различных культурных артефактов. Таким образом, тело одновременно предстает поверхностью для интерпретаций и средой воплощения социальных норм и регуляции;

2. Необходимо различать индивидуальное тело и «тело популяции». Тело индивида подвергается социальной регуляции в интересах целой популяции. Регуляция «тела популяции» осуществляется в двух плоскостях: воспроизводство поколений (контроль над сексуальностью) и распределение в пространстве. Этот постулат, по мнению Тёрнера, тесно связывает социологию тела с политической социологией;
3. Тело занимает центральное положение в политической борьбе. Представления о телесной норме, юности и старении, гендерных различиях, вписанных в тела, являются социальными конструктами, варьирующимися на протяжении истории и от общества к обществу, и являются результатами определенной «политики тела» («body politics»);
4. Представление себя в повседневной жизни тесно связано с телесностью и телесным перфомансом. Управление телом является ключевым фактором в формировании впечатления в коммуникации лицом-к-лицу. Таким образом, тело индивида играет важную роль как в макро-, так и в микро- порядке общества. Данное положение тесно связано с наследием социального интеракционизма, в частности, работами Ирвинга Гофмана.

Формулируя данные принципы социологии тела, Тёрнер отмечает, что в большинстве ранних социальных теорий тело индивида не выступало в качестве непосредственного объекта исследования. По мнению Шиллинга, в классических социологических теориях тело все-таки не отсутствовало вовсе,

а характеризовалось «рассеянным присутствием» («absent presence»).[123] Современные социологи и феминистские исследователи обращаются к классике с целью её реинтерпретации и прочтения в «в категориях телесного».[124] Как отмечает Шиллинг, в работах таких классиков, как Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм и Георг Зиммель, тело, не являясь главным предметом интереса, выступало многомерным посредником устроения общества, являясь одновременно его источником (креативное включение в социальную жизнь), местоположениям (сосредоточение социальных норм и структур) и средством (двухсторонняя связь индивидуального и коллективного).[125] При этом, пытаясь переосмыслить место тела в работах «отцов-основателей» социологии, современные исследователи не забывают обращаться к отдельным работам, являющимся скорее исключением для своего времени. Например, к эссе Марселя Мосса о техниках тела, опубликованном в 1936 году на стыке социологии и социальной антропологии. К данной теории нередко обращаются при анализе дисциплинарного и технологического аспектов освоения тела.[126]

Как видно из постулатов Тёрнера, социология тела стремится обосновать право на изучение телесности как социального, а не сугубо биологического феномена. Социальные нормы оказываются инкорпорированными в тела, социальные действия совершают телесно воплощенные индивиды; так и или иначе, тело является объектом социальной регуляции и в то же время проводником социальных инноваций посредством включения индивидов в социальную жизнь.

Отдельного внимания заслуживает категориальный язык социологии тела. В русскоязычной традиции в философских и социальных науках

[123]Shilling C.The Body and Social Theory.Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P.12

[124]Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4) P.301.

[125]Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005.P.19. Подробнее авторскую концепцию Шиллинга, построенную на классических основаниях, мы рассмотрим в третьем параграфе второй главы, в котором речь пойдет о современных интегративных теориях.

[126]Shilling C. The Body and Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P.24,137. Теория М. Мосса будет подробно рассмотрена во втором параграфе первой главы.

закрепилось использование понятия «телесность» в противовес «телу», которому приписывается биомедицинское значение. Материальность тела преобразуется в результате социокультурного бытия, поскольку специфика среды, условий существования индивида оказывает влияние на характер использования тела и его качества, как подчеркивает Ирина Марковна Быховская. В результате этого процесса и формируется телесность как «очеловеченное» тело».[127] Однако и понимание категории «телесность» разнится в литературе. Так, Виктор Леонидович Круткин раскрывает разницу между телом и телесностью следующим образом: в то время как тело представляет собой пространственную характеристику индивида и выступает антагонистом души, телесность выступает тем, «что характеризует значимым образом мир человека и до разделения его на внутренний и внешний»[128], т.е. до разделения духа, разума, и тела. Несколько иначе понимает телесность философ Сергей Александрович Азаренко: «телесность – продукт социального конструирования, несущий на себе запись норм и законов своего общества».[129] Данное определение близко понятию тела в работах Дмитрия Викторовича Михеля: «всякое тело – это всегда производная соответствующей формы контроля, превращающей тело в поверхность, на которой культура записывает свои самые главные смыслы».[130] Последние определения телесности подчеркивают социальное давление или даже «формование и переработку»[131], осуществляемые по отношению к индивидуальным телам со стороны культуры.

Итак, определение Круткина сосредоточено на уровне индивидуального чувствования и освоения мира, а определение Азаренко - на социальных нормах, вписанных на поверхности тела. Разница в подходах к пониманию телесности определяется тем, в какой из традиций работает тот

[127] Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. С.107.
[128]Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. 4. С.144
[129]АзаренкоС.А. Сообщество тела. – М.: Академический проект, 2006.С.6.
[130]Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 195.
[131]Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. С.8.

или иной философ и социальный ученый. Первый подход тесно связан с феноменологией, фокусирующей внимание на интенциональности индивида и личном опыте включения в мир, его освоения, в то время как второй больше склоняется в сторону структуралистской традиции понимания тела как объекта социального влияния. В английском языке разница между этими подходами закреплена за терминами «body» и «embodiment» - тело и телесное воплощение. Под воплощением понимается «физический и ментальный опыт существования – условие возможности нашего отношения с другими людьми и миром».[132] Эти два подхода к телесному измерению человеческого существования не являются противоречащими друг другу, скорее взаимодополняющими, одновременно раскрывая всю сложность данного феномена. Однако параллельное развитие структуралистских и феноменологических теорий в социологии на протяжении длительного времени привело к попыткам отделить от собственно социологии тела («sociology of the body»), как ориентированной на анализ структур и на структуралистскую перспективу, телесную социологию («corporeal sociology»), ориентированную на феноменологию тела.[133] Вторая глава диссертации посвящена сравнению данных подходов применительно к объекту нашего исследования – телесным практикам женщин, поэтому в данном параграфе мы ограничимся констатацией разницы в словоупотреблении. Тем не менее, в собственно социологических исследованиях, вышедших на русском языке в последние годы, тело и телесность, как правило, употребляются в качестве синонимов, вслед за англосаксонской традицией социологии тела. Уже не телесность, а тело становится «глубоко инкорпорировано в «обыденную» жизнь и во многом культурно ребиологизировано и ренатурализировано».[134] В связи с этим, в

[132]Cregan K. The Sociology of the Body: Mapping the Abstraction of Embodiment. London: SAGE Publications Ltd. 2006. P.3.
[133]Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4) P.313-314.
[134]Pro Тело: Молодежный контекст / под ред. Е.Омельченко, Н.Нартовой. СПб: Алетейя, 2013. С.13

дальнейшем мы будем использовать понятия «тело» и «телесность» в качестве синонимов.

В настоящее время существует множество направлений социологического исследования телесности. Разнообразие теоретических традиций и направлений изучения тела позволило некоторым ученым подчеркнуть, что «как не существует единственной (singular) социологии, не существует и единственной (singular) социологии тела», потому имеет смысл говорить о последней во множественном числе как о «социологиях тела».[135] Саймон Дж. Уильямс и Джиллиан Бенделоу выделили шесть телесно-ориентированных дискурсов в науке, которые в настоящее время объединяют представителей разных наук, включая социологов.[136] Среди обозначенных авторами направлений проблема генетического и эволюционного развития, объединившая этологов, социобиологов и других ученых, включая представителей естественных наук; социокультурное конструирование детства и телесная социализация; социология спорта и физической культуры; социология здоровья, болезни и медицины, критически переосмысляющая понятия нормы и патологии; дилеммы технологического развития и киборгизации. Каждое из выделенных направлений образуется вокруг «миров политик тела», используя терминологию Михеля, «особых пространств манипуляций телами».[137]

В свете заявленной темы диссертации особый интерес представляет направление, проблематизирующее телесное воплощение в плоскости гендерного деления, конструирования феминности и маскулинности и их закрепления на поверхности тел. Проблематика телесных практик, распространенных среди женщин, затрагивает самые различные направления и области исследования. С одной стороны, она сближает социологию тела с гендерной теорией, с другой, включает в себя и исследовательские тематики

[135]Body/Embodiment: Symbolic Interaction and the Sociology of the Body / ed. by Waskul D.D., Vanini P. Ashgate, 2006. P.2.
[136]Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge. 1998. P.17-23.
[137]Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. С.7.

здоровья и болезни, спорта, технологических инноваций в совокупности оказывающих влияние на тело женщины.

Как мы видим, социологическое изучение тела связано как с макро-структурами общества, которые так или иначе участвуют в формировании тел, так и с микропорядком взаимодействий, на уровне которых телесность предстает универсальным воплощением и проводником самости. Разнообразие социологических направлений изучения тела обусловлено комплексностью и многообразием телесного опыта. Тем не менее, несмотря на сосуществование различных телесно-ориентированных дискурсов в социологии, большинство исследователей сходятся во мнении относительно значения телесного воплощения для идентичности индивида и специфики положения тела в современном обществе в отличие от общества традиционного. В следующем разделе данного параграфа остановимся более подробно на значимости тела и телесных практик для индивида в современных обществах, а также рассмотрим связь телесного воплощения и идентичности.

1.1.2. Тело и идентичность в эпоху высокого модерна

Как мы уже отметили ранее, повышенное внимание к телесности и ее преобразованию, широкое распространение телесных канонов в массовой культуре и внедрение в повседневную жизнь новейших технологий мониторинга и заботы о теле в современном мире заставили академическое сообщество обратить внимание на тело индивида как социокультурный феномен и способствовали институционализации социологии тела во второй половине XX века. По замечанию Шиллинга, «в настоящее время западные общества изобилия обладают знаниями и технологиями достаточными для того, чтобы вмешаться в тело, и значительным образом изменить его; и всё большее число людей озаботилось своим телом как объектом незаконченным, который формируется и отчасти находит свое «завершение»

в результате выбора между стилями жизни».[138] Такого рода социальные изменения, по мнению ряда социологов, являются неотъемлемой частью общества высокого модерна – общества, пожинающего плоды индустриализации.

Однако центральное место тела для идентичности индивида не является исключительной характеристикой общества высокого модерна. И прежде чем обратиться к теориям, переосмысляющим значение тела для индивидов в современном контексте, остановимся на проблематике взаимосвязи тела и идентичности.

Высокая значимость тела индивида для его самости и самопрезентации была сформулирована еще в трудах Ирвинга Гофмана, посвященных порядку взаимодействия на уровне лицом-к-лицу. Согласно социологу, тело предстает важным фактором включения в социальное взаимодействие и формирование социальной идентичности: «для индивида чрезвычайно важно, что именно его внешность постоянно сообщает о его социальной идентичности всем, с кем он пересекается».[139] Телесные проявления индивида, от внешнего вида до жестикуляции, являются основой для выстраивания коммуникации с ним со стороны других участников интеракции, служат базисом для формирования впечатления окружающих, как о его статусной принадлежности, так и о его «нормальности», способности определять ситуацию и свое место в ней. Во-первых, манеры вести себя определенным образом, жесты и телодвижения являются неотъемлемой частью социального стиля, демонстрирующего окружающим определенную статусную позицию.[140] Через манеру вести себя индивиды создают образ своего Я, предназначенный в первую очередь для других, но, тем не менее, придающий индивидам уверенность в собственной значимости

[138]Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P.174.
[139]Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Главы 3-6. / Перевод М. Добряковой // Социологический форум, 2001 [Эл.ресурс] Режим доступа: ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения 31.03.2014) С. 30.
[140]Гофман Э. Символы классового статуса / Перевод В. Николаева // Логос, 2003. 4-5 (39). С.49.

и ценности.[141] Во-вторых, внешность индивида (его одежда, прическа, макияж) представляет собой некую экипировку идентичности («identity kit»), в то время как её лишение в ряде санкционирующих институтов (таких как тюрьма, психиатрическая лечебница, армия и др.) приводят к символическому «осквернению» самости индивида и страху перед угрозой целостности собственной идентичности.[142]

Итак, внешность выступает как один из факторов категоризации, осуществляемой людьми по отношению друг к другу, а нарушение целостности тела и телесные дефекты могут стать основой для стигматизации индивидов, т.е. их определения в качестве постыдного («discredited»). Стремясь выставить себя в лучшем свете и избежать стигматизации, индивид может прибегать не только к сознательному управлению собственной телесностью – жестами, выражением эмоций на лице, но и осуществлять различные манипуляции со своим телом, преобразовывать его путем обращения к пластической хирургии, занятиям спортом, диетам и другим средствам.[143] Внешность и телесное поведение служат для оценки «благонадежности» индивида. Те, чей внешний вид и поведение в силу различных причин не соответствуют принятым конвенциям, могут быть подвергнуты стигматизации, а в некоторых случаях и заключению, в частности, в клиники, которые, ограничивая телесность пациентов и лишая их стандартного набора инструментов для воспроизводства идентичности на уровне тела (одежды, косметики и т.п.), препятствуют восстановлению соответствия между двумя аспектами социальной идентичности – виртуальным (то, какие характеристики

[141]Гофман Э. Природа почтительности и умения вести себя. //Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / Перевод с англ. С.С. Степанова и Л.В. Трубицыной. М.: Смысл. 2009. С.99.
[142]Goffman E. On the Characteristics of Total Institutions //Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New Brunswick: Aldine Transaction. 2007. P.16-28.
[143]Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Главы 3-6 / Перевод М. Добряковой // Социологический форум, 2001 [Эл.ресурс] Режим доступа: ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения 31.03.2014) С. 8.

приписываются индивиду) и истинным (черты, которыми человек обладает в действительности).[144]

Таким образом, внешность значима для индивида с точки зрения его социальной идентичности и восприятия другими людьми в процессе взаимодействия. При этом индивиды корректируют телесность с целью выставить себя в лучшем свете, подтвердить или опровергнуть свою принадлежность к тому или иному социальному слою. Вещная и предметная среда обладает высокой значимостью для огранки идентичности.[145] Однако теоретики высокого модерна отметили, что в современных обществах частота обращения к разнообразным средствам преобразования телесности постепенно увеличивается. Значимость тела для представления себя выходит за рамки микропорядка взаимодействия и постулируется современной потребительской культурой. Именно на современном этапе социального развития наука сделала доступной способы радикального преобразования и трансформации телесности (вплоть до смены пола). К тому же, общества позднего модерна отличаются сосуществованием различных телесных канонов, в отличие от традиционных обществ и племен, в которых модификации тела унифицированы в рамках одного сообщества и статусной структуры и служат способом символической классификации в рамках того или иного миропонимания и космологии.

Почему же телесность и ее изменение представляют собой важную часть жизни индивидов в современном мире? Среди ключевых факторов социологи называют такие явления общества высокого модерна как процессы индивидуализации, увеличение рисков в результате индустриального и технологического развития, секуляризация и исключение природных и космических процессов из жизни современного горожанина. Так, процессы индивидуализации, приводят к постепенной трансформации

[144]Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Главы 3-6 / Перевод М. Добряковой // Социологический форум, 2001 [Эл.ресурс] Режим доступа: ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения 31.03.2014). С.2.

[145] Иконникова Н.К. Человек в мире вещей: проблема присвоения вещной среды // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С.346.

традиционных социальных форм (гендерных ролей, класса, социального статуса, семьи и др.) и новым реалиям, требующим от индивидов расширения горизонтов планирования и выстраивания жизненных стратегий (к их числу относятся пенсионные законодательства, образовательные гранты, страхование жизни и др.). Всё это способствует смене «нормальной» биографии на избирательную, «сделай-сам-биографию» («do-it-yourself biography»),[146] в результате чего перед индивидом открывается перспектива рефлексивного самонаблюдения, самораскрытия и изобретения себя.[147] И поскольку телесность, как мы уже отметили, является важной частью социальной идентичности человека, управление внешним видом становится элементом построения биографии и самоопределения перед лицом различных сценариев жизненного пути.

Современная озабоченность контролем над собственной жизненной стратегией, самостью и телом выступает результатом разрушения традиционных ритуалов перехода («rites de passage»), которые четко разделяли фазы жизни, рождения и смерти как элементы природного, космического порядка, в то время как страх бессмысленности собственного бытия возник в результате процессов секуляризации и деморализации социальной жизни.[148] В такой ситуации фокус индивидуального внимания перемещается на выбор стиля жизни и, соответственно, телесности как неотъемлемой части этого решения и последнего материала, который предлагает иллюзию контроля ситуации.[149] В обществе высокого модерна «тело представляет собой метафору; это природа в тех пределах, которые могут быть приспособлены и трансформированы в соответствии с осознанно выбранными нами дизайнами».[150]

---

[146]Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: SAGE Publications Ltd.2002. P.3

[147]Ibid. P.18-19.

[148]Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991. P.201.

[149]Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P.188

[150]Crawford R. Cultural Influences on Prevention and the Emergence of a New Health Consciousness // Taking Care: Understanding and Encouraging Self-Protective Behavior / ed. by N.D. Weinstein. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. P.106. В своих работах Роберт Кроуфорд предлагает концепцию «нового понимания здоровья» («new health consciousness») для обозначения появления в публичном дискурсе западных стран

По выражению Энтони Гидденса, тело представляет собой неотъемлемую часть рефлексивного проекта самости – изобретения себя, в то время как самоидентичность индивида в настоящее время выступает рефлексивным достижением, результатом определенной жизненной стратегии и политики.[151] Под влиянием социальных трансформаций высокого модерна, физиологическая заданность телесности стирается, уступая место сознательной работе над телом и его преобразованию: «тело, как и самость, становятся областью взаимодействия, приведения в соответствие (appropriation), переопределения (reappropriation), связывающей рефлексивно организованные процессы и систематически упорядоченное экспертное знание».[152] В результате тело и идентичность индивида подвергаются взаимообусловленной корректировке в соответствии с тем или иным стилем жизни, культивацией того или иного телесного режима как сознательного выбора.[153] Широкое распространение диет, публикаций по здоровому питанию, рост обращений к пластической хирургии и включений в регулярные физические тренировки в таком случае иллюстрируют возрастающую значимость тела для индивида и его идентичности, изобретения себя и сознательного построения биографии в развитых странах. В условиях множественных рисков и неопределенности телесность становится, с одной стороны, последним «сырым материалом», находящимся во власти человека, с другой, «последним прибежищем» для построения идентичности.[154] При этом проектный подход к телесности исходит из представления о последней как о пластичном материале: «тело есть всего лишь сумма параметров и функциональных способностей, которые можно

акцента на значимости самосохранительного поведения и переносе ответственности за здоровье с институтов здравоохранения на индивида. Становление обществ высокого модерна и проектного подхода к телесности, укорененного, по мнению социолога, в протестантской этике дисциплины и самоконтроля, является одним из факторов появления нового понимания здоровья, помимо экономических и политических факторов. Для обозначения тенденции к морализации здорового образа жизни и негативной оценке действий тех, кто не соответствует навязываемому образу здорового гражданина, Кроуфорд предлагает использовать термин «хелсизм».

[151]Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991. P.215.

[152]Ibid. P.218

[153]Ibid. P.7.

[154]Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P. 158

настраивать, использовать в определенном режиме, а затем подвергать регулярному тестированию и доработке».[155]

Итак, для многих индивидов в развитых странах тело становится проектом, подразумевающим, что внешний вид, форма и размер представляются открытыми для сознательного преобразования, и в то же время сообщают окружающим об идентичности человека. Как отмечает Шиллинг, ярким примером проектного подхода к телесности является озабоченность здоровым образом жизни. Негативные последствия индустриализации порождают глобальные риски для здоровья, в то время как основанная на них социальная политика и реклама в развитых странах увещевают индивидов взять ответственность за собственное здоровье путем включения в различные практики заботы о теле.[156] По мнению Михеля, данные тенденции означают беспрецедентное расширение медицинского контроля в современной западной культуре.[157]

Тем не менее, распространившийся в развитых странах проектный подход к телу оказывается под сомнением. Во-первых, научные разработки и технологические интервенции поставили под вопрос, что же представляет собой телесность и каковы ее границы. Во-вторых, тело человека не вечно и подвержено старению и болезням (в том числе тем, «спасение» от которых современная наука еще не нашла, например, ВИЧ).[158] Обеспокоенность заботой о теле и его преобразованием в условиях секуляризированного социума знаменует страх индивидов перед «бессмысленностью» смерти, не подкрепленной моральным объяснением, которое в традиционных сообществах предоставляют религии. Еще Филипп Арьес отметил, что современное общество «ведет себя так, как будто смерти не существует».[159] По мнению Шиллинга, болезнь и смерть стали фундаментальной

[155]Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. С. 136.
[156]Shilling C. The Body and Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P.8.
[157]Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С.16.
[158]Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P.158.
[159]Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 506.

экзистенциальной проблемой для индивидов лишь в условиях высокого модерна и не являются универсальными проблемами человеческого существования вне социального контекста, эпохи, времени.[160]

Несмотря на то, что смерть до настоящего момента неизбежна, риторика социальной политики и рекламы развитых стран, а также массовая культура «наводнены» образами смерти как чего-то противоестественного: «никто не умирает (сам по себе); он умирает из-за заболевания или в результате убийства».[161] Подобные изображения смерти стимулируют всеобщий интерес к работе над телом: индивиды не могут побороть смерть, однако могут попытаться побороть причину смерти, будь то инфаркт, тромбоз и т.п., путем превентивного вторжения в собственные тела и регулярной работы над ними. Однако даже это не способно в полной мере гарантировать успех в борьбе за долгожительство и молодость ввиду непредсказуемости наших тел и невидимых биологических процессов, протекающих в нем. Человек не может проконтролировать всё, но может увеличить свои шансы на успех в борьбе со смертью путем следования стратегиям выживания («survival strategies») - попытками отрицания смерти путем включения в проекты по повышению собственной выживаемости, контролю и управлению здоровьем тела в ситуации, когда отсутствие религиозных стратегий обращения со смертью заменяется политикой заботы о теле.[162] В таком контексте научно-медицинское знание приобретает догматический и ритуальный характер: «мы сегодня руководствуемся аксиоматикой медицинских утверждений так же, как раньше прибегали к системе религиозных представлений».[163] Здоровье же предстает «земным спасением общества, которое или не верит в вечную жизнь, или выставляет

[160] Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P.153.
[161] Bauman Z. Survival as a Social Construct // Theory, Culture & Society. 1992. Vol. 9. P.5.
[162] Ibid. P. 18.
[163]Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С.17.

ее вторичной (residual) по отношению к существованию во плоти, общества, в котором только жизнь сама по себе становится всем».[164]

Одновременно здоровье в потребительской культуре начинает ассоциироваться с привлекательным внешним видом и повышенной дисциплиной в отношении тела.[165] «Выглядеть привлекательно означает чувствовать себя хорошо»[166] - таков лозунг культуры, ориентированной на работу над телом, подвергнувшей последнюю коммерциализации. Привлекательное здоровое тело выступает символом самоконтроля, дисциплины и силы воли, что придает ежедневным выборам пищи, форм физической активности моральный аспект.[167] Как отмечает Фезерстоун, потребительская культура оперирует двумя базовыми категориями – категориями внешнего и внутреннего тела. В то время как внутреннее тело отсылает нас к функционированию органов и здоровью, внешнее ассоциируется с привлекательностью. В современном мире две эти категории сливаются воедино, и главной целью заботы о здоровье, т.е. о внутренних, не видимых глазу физиологических процессах, становится улучшение внешней привлекательности.[168]

Подведем итог. Во второй половине XX века социальные ученые обратили внимание на трансформации, заставившие индивидов обратиться к собственной телесности и телесным практикам с целью рефлексивной работы над своим Я. Несмотря на то, что тело выступает универсальным проводником идентичности индивида как в традиционных, так и в современных обществах, для высокого модерна характерно переосмысление пластичности телесного воплощения ввиду относительно возросшего уровня свободы в построении собственной биографии и выбора жизненной стратегии. Именно для современной западной культуры характерен акцент на личной ответственности за внешний вид, тесно связанный с концепцией

[164]Crawford R. Health as a meaningful social practice // Health. 2006. 10 (4). P. 404.
[165]Shilling C. The Body and Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. P.7.
[166]Nettleton S. Sociology of Health and Illness. Third edition. Cambridge: Polity Press, 2013. P.45.
[167]Ibid. P.46.
[168]Featherstone M. The Body in Consumer Culture // Theory, Culture & Society. 1982.1 (2).P.18.

здоровья. Включаясь в различные практики работы над телом, индивиды стремятся к поддержанию или преобразованию собственного Я и его узнаваемости в глазах других людей, при этом стараясь улучшить свои шансы на выживание – отсрочивание смерти путем профилактики её возможных причин – различных заболеваний. Однако тесная связь внешнего вида и здоровья в потребительской культуре вполне может оказаться ложной в связи с широким обращением к пластической хирургии – достижением привлекательности путем создания дополнительных рисков для здоровья.

1.2. «Техники тела», «технологии себя», «телесная педагогика»: развитие представлений о телесных практиках в социальной науке

В предыдущем параграфе мы кратко рассмотрели специфику социологического изучения телесности в современном контексте: предпосылки институционализации социологии тела, категориальный язык и направления социологического изучения тела, связь тела и идентичности индивида в условиях высокого модерна. Проанализировав социальный и научный контекст изучения тела, обратимся к категориям, которые используются для описания вовлеченности индивидов в телесные практики. Таким образом, в данном параграфе мы проанализируем развитие представлений о телесных практиках в социальной науке и разработаем классификацию соответствующих концепций.

В настоящее время одним из важных направлений социологического осмысления тела является поиск категорий для описания взаимообусловленности телесного и социального, способных наладить связь между теоретическим анализом и эмпирическими исследованиями. Наиболее актуальной становится разработка категорий для описания положения тела в традиционных обществах и в современных обществах высокого модерна, исследования как способов использования тела, так и рефлексивной работы над телесностью, обучения и отбора практик. На наш взгляд, обращение к

понятиям «техник тела», «телесной педагогики» и «технологий себя» представляется перспективным для анализа телесных практик на трех уровнях – технологическом, институциональном и индивидуальном. Вначале, остановимся на классической концепции «техник тела».

Марсель Мосс одним из первых осмыслил тело индивида как социологическую проблему. Концепция «*техник тела*» была предложена французским социологом и антропологом еще в 1935 году для обозначения традиционных способов, «посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом».[169] Внимание к телесности и способам использования тела во многом было неотъемлемой частью задачи по изучению тотального человека - человека как существа биологического, психологического и социального. Одним из важных достижений на данном этапе развития социологического интереса к телу стало осознание социальной природы телесности индивида: для каждого общества характерны свои способы обращения с телом, как и каналы передачи данного знания, осуществляемого посредством воспитания и подражания.[170] В результате такие акты, как ходьба, бег, сон и даже роды представляется возможным исследовать как акты социальные, по форме варьирующиеся от общества к обществу, от одной социальной группы к другой группе. В представлении Мосса, техники тела - это, прежде всего, традиционные действенные акты. Поскольку тело является «первым и наиболее естественным инструментом человека»[171], оно же представляет собой одновременно технический объект, преобразуемый обществом в процессе социализации, а также средство освоения мира и включения в социальную жизнь. Как отмечает Виктор Леонидович Круткин, «тело есть способ, каким природа становится человеком. В основе этого процесса — развитие техник тела и движений человека, именно благодаря им процесс стал возможен,

[169]Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. С.304.
[170]Там же. С.308.
[171]Там же. С.311.

благодаря им он никогда не завершается».[172] Помимо указания на социальную природу техник тела, Мосс разработал и первую классификацию, фиксировавшую гендерные и возрастные различия, эффективность и способы передачи техник, а также техники, которые сопровождают индивида в различные периоды его жизни (см. таблицу 1). Так, например, среди гендерных различий в использовании тела социолог выделял способы сжатия кулака – феминный большим пальцем внутрь и маскулинный большим пальцем наружу. Позднее Айрис Мэрион Янг обратилась к выражению «бросать как девчонка» с целью подробно разобрать, действительно ли существуют некие различия между способами броска у мужчин и женщин. Как отмечает американская исследовательница, мужчины, совершая бросок, используют все свое тело, в то время как женщины остаются относительно неподвижными, используя лишь руку. Объясняя эти различия, Янг отсылает к специфике социализации мальчиков и девочек и утверждает, что именно в результате воспитания девочкам не хватает веры в собственное тело, способность выполнить цель, а также более выраженный страх пораниться.[173]

С одной стороны, в концепции техник тела Мосса прослеживается влияние дюркгеймианской традиции в отношении взаимосвязи социального и индивидуального. С другой стороны, французский социолог и социальный антрополог значительно расширяет дюркгеймианский подход к человеку как к существу «двойственному» («homo duplex»)[174], сочетающему индивидуальное и социальное, и постулирует «тройственность» человеческого существования.[175] В концепции техник тела социальные факты предстают тесно взаимосвязанными с фактами биологическими и психологическими: будучи социальными фактами, техники тела

[172]Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. №2(73). С.178

[173]Young I. M. Female Body Experience: “Throwing Like a Girl” and Other Essays. Oxford and New York: Oxford University Press. 2005. P.33-34.

[174]Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. №2 (12). С.143.

[175]Гофман А.Б. Социальная антропология Марселя Мосса // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. С.16.

неотъемлемо включают в себя как биологический компонент в качестве предварительного условия, так и психологические состояния, связанные с телесно воплощенным знанием и пониманием. При этом, техники можно рассматривать и как «коллективные представления», практико-ориентированные и воплощенные знания и навыки.[176]

Тем не менее, в теории Мосса внимание уделяется главным образом структурным и культурным факторам, влияющим на способы использования тела, в то время как активная позиция индивида по отношению к освоению техник и их рефлексивному отбору не является главным предметом анализа. Как отмечает британский социолог Ник Кроссли, социальный характер техник тела для Мосса заключается в их групповой специфичности, в то время как не менее важно проследить и то, каким образом исполнение определенных техник корректируется индивидом в соответствии с той или иной социальной ситуацией.[177] Помимо этого, Мосс подробно не останавливается на каналах передачи, а также на опыте научения и освоения техник.[178]

Основываясь на феноменологическом подходе и наследии французского философа Мориса Мерло-Понти, Кроссли предлагает понятие «*рефлексивные техники тела*» для описания таких техник, «чье главное назначение состоит в обратной работе над телом, с целью его модификации, ухода (maintain) и тематизации в определенном ключе».[179] В отличие от концепции Мосса, подчеркивающей объектность тела, данный подход стремится к объяснению телесных практик, принимая во внимание воспринимающего субъекта, переживающего тело как свое[180] и, следовательно, подвергающего его изменениям в соответствии с чувством

[176]Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.8.
[177]Crossley N. Reflexive embodiment in contemporary society. Berkshire: Open University Press. 2006. P.104.
[178]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007.P.13.
[179]Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P .9.
[180]Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С.135.

самости. Понятие «рефлексивных техник тела» отчасти перекликается с понятием «*телесной работы*», предложенной Лоик Ваканом применительно к изучению становления боксеров, для обозначения «напряженной и тонко упорядоченной манипуляции организмом» с целью запечатлеть в телесной схеме определенный набор движений, позиций, эмоциональных состояний для достижения успеха в бою.[181]

Концепция Кроссли является ответом на социальные изменения и всплеск сознательных обращений индивидов в развитых странах к способам преобразования внешности – пластической хирургии, косметическим процедурам, татуированию, шрамированию и т.д. Социолог отмечает, что понятие рефлексивных техник тела подходит как для описания способов использования тела (техник, исполняемых им самим), так и техник в отношении тела – его преобразования в соответствии с тем или иным каноном.[182] Среди достоинств этой концепции – фокус на телесно воплощенных компетенциях и усилиях, предпринимаемых для преобразования внешности. Помимо этого, данная теория не сводит техники к механическому поведению, принимая во внимание осознанность действий. Более того, она является удобной для операционализации и проведения как качественных, так и количественных эмпирических исследований на основе разработанных типов техник.[183] Однако данный подход, на наш взгляд, сфокусирован в первую очередь на способах работы над телом, в то время как степень собственно рефлексивности включения в телесные практики отходит на второй план. Это представляет проблему для оценки сознательности обращений к самым разнообразным методам преобразования тела, тем более что многие из них (такие как татуирование) являются неотъемлемой частью групповой принадлежности и могут практиковаться в результате социального давления. Таким образом, использование данного

[181]Вакан Л. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров // Логос, 2013. №5(95). С.74.
[182]Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.10.
[183] Ibid. P.11.

понятия в меньшей степени продуктивно для оценки собственно мотивов работы над телом.

Тем не менее, Кроссли предлагает всесторонне разработанную классификацию техник, которая включает в себя такие основания, как количество вовлеченных агентов, регулярность воспроизводства техник, отношение к другим техникам тела, символическое значение (см. таблицу 1). Наибольший интерес для последующего анализа представляет классификация по уровню распространенности в обществе. Основываясь на нерепрезентативном опросе и кластерном анализе для иллюстрации концепции, социолог выделяет три группы техник. *«Ядро»* («core zone») всех техник составляют в статистическом смысле «нормальные» телесные практики – распространенные у большей части общества. Они являются неотъемлемым компонентом конструирования самости, однако в то же время и непроблематизируемым элементом повседневности (в частности, к ним относятся различные гигиенические процедуры и манеры вести себя) и входят в состав базовых социальных ожиданий. Следовательно, при несоблюдении этих практик, возможны социальные санкции, преимущественно связанные с неформальными нормами группы.[184] Исторически, виды такого рода телесных практик варьировались, а одним из ключевых факторов влияния на их трансформацию выступало развитие индустрии гигиены, медицинского знания и различных профессиональных культур. Довольно много ярких примеров подобных непроблематизируемых техник и их исторических трансформаций мы можем найти в области манер вести себя. Например, Норберт Элиас проследил изменение социальных норм публичного сплевывания от обычая плевать под стол в феодальных обществах, через использование специальной плевательницы в монархических, к удерживанию слюноотделения в современных парламентарных социумах. Это привело социолога к мысли о том, что

[184]Crossley N. Reflexive embodiment in contemporary society. Berkshire: Open University Press. 2006. P. 124.

сплевывание является не биологической потребностью, а социальной традицией.[185]

За «ядром» следует *«промежуточная» зона*, техники которой фиксируют ключевые категориальные деления в обществе, главным образом, гендерные и классовые различия. С одной стороны, техники данной зоны в большей степени отражают внутригрупповые нормы, существующие в рамках одного общества, с другой стороны, они включают в себя и б*о*льшую степень рефлексивности – пространства для личного выбора, например, в отношении бритья и украшения тела.[186] К этому типу техник можно отнести и характерные способы обращения с телом в различных профессиональных культурах. Пожалуй, одними из самых ярких примеров выступают военные техники и техники танца: повышенное внимание к координации и управлению телом в пространстве и времени является ключевой задачей как в армии (например, в связи с техниками марширования[187], дыхания, бега и стрельбы[188]), так и в танцах, в частности, в балете.[189]

Техники третьей зоны - *«маргинальной»* - являются наименее распространенными и могут представлять собой способ сопротивления доминирующим телесным канонам. В связи с этим они характеризуются в наибольшей степени как результат личного выбора. В данной зоне Кроссли выделяет практики представителей движения современного примитивизма, зародившегося в конце 1980-х годов в США. Участники данного движения прибегают к радикальным методам преобразования тела, нередко заимствованным у традиционных обществ (среди них татуирование всего тела, выжигание рисунков на теле, хирургические вмешательства, например,

---

[185]Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. М.:Университетскаякнига. 2001.С.229-233; Elias N. Civilisation and psychosomatics // Essays III. On Sociology and Humanities. The Collected works of Norbert Elias. Dublin: University College Dublin Press. 2009. P.180-183.

[186]Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.28.

[187]Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. С.306.

[188]См. Lande B. Breathing like a soldier: culture incarnate // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007.

[189]См. Aalten A. Listening to the dancer’s body // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007; Aalten A. Performing the body, creating culture // European Journal of Women’s Studies. 1997. Vol.4. No.2.

разрезание языка). Одновременно, к маргинальным техникам социолог относит и такие нелегальные практики, как прием стимулирующих веществ и стероидов среди бодибилдеров для преобразования тела. Часть данных техник может быть официально запрещена, другие подвержены стигматизации и медикализации, в связи с чем они даже могут быть широко интерпретируемы как результат психических заболеваний (в случае экстремальных и болезненных техник, связанных с нанесением вреда телу с точки зрения доминирующей медицинской модели). Радикальные преобразования тела, в особенности в культуре современного примитивизма, оказываются всегда тесно связанными со стратегией идентичности и сознательным построением аутентичного тела.[190] Некоторые социологи переосмысляют и практики членовредительства (в частности, самопорезы) как «форму «работы» с телом», эмоциональную работу, рационализированный и целенаправленный способ контроля эмоций и работы со своим Я.[191] Важно еще раз подчеркнуть, что все три группы техник тела не представляют собой статичные структуры, а изменяются на протяжении истории.

Как мы видим, классификация техник, предложенная Кроссли, является детальной, однако, на наш взгляд, следовало бы добавить еще несколько оснований. Так, помимо перечисленных оснований, нам представляется целесообразным разделить техники, направленные на само тело, его преобразование, и техники, направленные на внешние объекты, овладение ими. При сравнении классической и современной концепций, становится заметно, что Мосс фокусировал внимание преимущественно на способах использования тела как инструмента, предпосылки человеческого действия, в то время как Кроссли, привнося элемент рефлексивности в теорию, переносит основной акцент с тела как орудия на тело как средство

[190]Klesse C. 'Modern Primitivism': Non-Mainstream Body Modification and Racialized Representation // Body & Society. 1999. 5(2-3) P.19.

[191] Симонова О. А. Чэндлер Э. Членовредительство в отношении себя как телесная эмоциональная работа: Управление разумом, эмоциями и телом // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2014. Т. -. № 1. С. 70-79.

выражения самости и закрепления идентичности. Не менее важен для анализа и темпоральный аспект: техники воздействия на тело могут иметь как незамедлительный результат, в случае нанесения макияжа, облачения в одежду, татуирования и др., так и отсроченный эффект - прием лекарственных средств, БАД, физические упражнения

На основании работ Мосса, Кроссли, а также других социологов, мы составили таблицу с целью наглядно представить весь спектр возможных классификаций техник тела. Детальные классификации техник представляются важными для дальнейшей операционализации понятия и эмпирических исследований.

Таблица 1. **Типы классификаций техник тела, выделенные на основании различных теоретических источников**

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ	**ТИПЫ ТЕХНИК ТЕЛА**	**ПРИМЕЧАНИЯ И ПРИМЕРЫ**
I. В зависимости от гендера[192]	1. Женские техники.	Нанесение помады, ношение бюстгальтера и т.д Техники, с точки зрения гендерных стереотипов, конструирующие фемининность; Фемининные способы использования тела (например, способы сжатия кулака – большим пальцем внутрь, способы броска, не задействующие всё тело).
	2. Мужские техники.	Техники, конструирующие маскулинность; Маскулинные способы использования тела (например, сжатие кулака большим пальцем вовне, бросок с задействованием всех частей тела).

[192]Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. С.312.

II. В зависимости от возраста[193]	Различные техники детства, юности, старшего возраста.	«Нормальные» (в значении статистической распространенности и социальных норм) для каждого возраста манеры поведения и внешнего вида, как и наиболее типичные способы использования тела (например, приемлемость присаживаться на корточки для детей)
III. Классификация по эффективности[194]	Вариации техник от низкой до высокой эффективности. Инструментальный аспект использования тела.	Классификация в зависимости от результата обучения человека человеком. Социальные нормы «дрессировки» индивида, в терминологии Мосса. Сравнивая эти техники и методы их передачи, можно оценить их с точки зрения эффективности.
IV. Классификация по способу передачи формы техник[195]	Выделение техник в зависимости от традиции, к которой они принадлежат, например, религиозной (христианской, мусульманской, иудейской и т.п.) или светской.	Анализ техник на основании особенностей воспитания и «дрессировки». Например, правило использования исключительно правой руки во время поглощения пищи у мусульман.
V. Биографический перечень техник[196]	1. Техники родов и акушерства.	Как правило, включают более одного человека. Варьируются в зависимости от культуры (роды в положении стоя, в воде, в специальных клиниках, с использованием вспомогательных средств - обезболивающие, кесарево сечение). Некоторые относятся к самой матери, другие - к участникам процесса родов.
	2. Техники периода детства.	Характеризуются близкими отношениями между матерью и ребенком, двумя телами как единым целым.
	3. Техники юности.	Связаны с инициацией, посвящением во

[193]Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. С.312.
[194]Там же. С.313.
[195]Там же. С.314.
[196]Там же. С.315-322.

		взрослую жизнь
	4. Техники взрослого периода.	Техники сна, бодрствования и отдыха, ухода за телом, лечения, движения, насыщения и воспроизводства.
VI. В зависимости от количества и типа агентов, вовлеченных в техники[197]	1. Техники, включающие физическое соприсутствие и взаимодействие двух или более телесно воплощенных агентов.	Проведение стрижки, массаж, стоматологические процедуры, косметическая и пластическая хирургия. В результате, над одним «телом» физически трудится другое или же целая группа телесно воплощенных агентов.
	2. Техники, являющиеся результатом опосредованных и дистанционных интеракций.	Например, прием лекарств или витаминов как результат опосредованного взаимодействия фармакологических компаний и потребителей.
	3. Отдельное «тело» совершает действие в отношении одной или нескольких частей своего тела.	Одна часть тела используется для модификации или ухода за другой частью тела. Например, чистка зубов.
	4. Все части тела включены в деятельность по отношению ко всему телу как к целому.	Задействовано всё тело. Например, бег.
VII. Регулярность воспроизводства техник[198]	1.Техники, являющиеся частью повседневной рутины.	Чистка зубов, расчесывание волос, надевание одежды, бритье, макияж.
	2. Еженедельные/ежемесячные.	Бритье отдельных частей тела, стрижка, маникюр.
	3.Время от времени/единоразовые.	Такие модификации тела как пирсинг, татуировки, шрамирование, пластическая хирургия.

[197]Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.9-10.
[198]Ibid. P.10.

VIII. По отношению к другим техникам[199]	1. «Ансамбли» техник.	Набор техник, которые практикуются совместно в связи с общим назначением: физические тренировки, техники надевания одежды, наложения макияжа.
	2. Единичные техники	Не входят в определенные «ансамбли» техник.
IX. По различию в символическом значении[200]	1.«Трансформирующие» техники – модификации тела.	Используются для подчеркивания определенной трансформации («transformation»). Трансформируют воображаемые и аффективные структуры интенциональности, а также символическое значение тела. Татуировки, шрамирование, пластическая хирургия.
	2. Рутинные техники – уход за телом.	Повторяющиеся регулярные практики, ориентированные на выработку и сохранение относительно устойчивой презентации самости. Например, техники, связанные с гигиеной.
X. В зависимости от уровня распространенности в обществе[201]	1. Техники, относящиеся к основной («core») зоне.	Техники, «нормальные» в статистическом смысле (распространены у большей части населения). Воспроизводство этих техник преимущественно непроблематизируется в повседневной жизни, т.е. воспринимается как само собой разумеющееся, но отражает текущие культурные нормы. Например, различные процедуры гигиены, ношение одежды, манеры вести себя и т.п.
	2. Техники, относящиеся к промежуточной («intermediate») зоне.	Варьируются в различных группах населения. Не являются статистически ни нормальными, ни девиантными. Обозначают ключевые категориальные разделения в обществе – гендерные, статусные, профессиональные и т.п. В большей степени объясняются

[199]Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.10.
[200]Ibid. P.14.
[201]Ibid. P.26-30.

		результатом личного выбора и рефлексивности относительно самости и тела.
	3. Техники, относящиеся к маргинальной («marginal») зоне.	Девиантные со статистической точки зрения. Не распространены у большинства людей. Пространство инноваций. Отражают текущее противостояние доминирующим телесным образцам и нормам телесной презентации – в частности, техникам основной зоны. Например, техники движения современного примитивизма.
XI. В зависимости от конечной цели техники	1. Техники, нацеленные на само тело.	Преимущественно рефлексивные техники тела – ухода и модификации – нацеленные на приведение телесности в соответствие с определенным образом/нормой (макияж, одежда, тату, пластические операции).
	2. Техники, нацеленные на внешние объекты.	Способы использования тела для достижения любых целей, не обязательно связанных с телесностью как таковой (ходьба, сон, спорт - бросание ядра и т.п.).
XII. Темпоральный аспект воздействия техник на само тело	1. Техники, имеющий незамедлительный эффект.	Мгновенные перемены, например, макияж, инъекции ботокса.
	2. Техники с отсроченным эффектом.	Прием лекарств и витаминов, физические упражнения.
XIII. Техники, связанные с профессиональной культурой[202]	Различные техники, в зависимости от рода деятельности и профессиональной культуры, варьируются от военных техник до техник танца, балета и др.	Например, в армии: техники дыхания, бега, стрельбы; В балете: танец на пуантах, поворот ноги от бедра (техника «turn-out»), техники прыжков («sissonne»); В боксе: позиционные установки в бою, украшение тела для устрашения соперника и др.

[202]Lande B. Breathing like a soldier: culture incarnate // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007; Aalten A. Listening to the dancer's body // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007; Aalten A. Performing the body, creating culture // European Journal of Women's Studies. 1997. Vol. 4. No.2; Вакан Л. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров // Логос, 2013. №5(95). С.61-96.

Классическая и современная концепция техник, таким образом, не противоречат друг другу: в то время как одна фиксирует преимущественно способы использования тела (ходьбы, бега, держания столовых приборов и т.п.), другая описывает способы работы над телом (его модификации, например, макияж, фитнес, пластическая хирургия и др.). Попытка же привнести рефлексивность в проблематизацию телесных практик является закономерной реакцией на социальные изменения, затронувшие тело в эпоху высокого модерна, которые мы рассмотрели во втором разделе первого параграфа – тела как ключевого компонента рефлексивного проекта самости, тела как проекта.[203] Концепция «рефлексивные техники тела» и классификация, предложенная Кроссли, открывает простор для эмпирических исследований, однако она в меньшей степени сфокусирована, как и классическая теория, на социальных каналах передачи техник и обучении им.

Крис Шиллинг предложил понятие «*педагогики тела*» («body pedagogics») для переноса исследовательского внимания на освоение техник.[204] Под телесной педагогикой понимаются «педагогические средства, посредством которых культура стремится передать основные телесные техники, навыки и диспозиции, телесные опыты, связанные с овладением или неудачей в овладении этих свойств, и фактические телесно воплощенные перемены, возникающие в результате данного процесса».[205] Основная идея подхода заключается в том, что культура санкционирует определенные техники тела, телесные диспозиции, а также способы чувственного

[203]Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991. P.7.;Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P.157.

[204]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007; Shilling C., Mellor P.A. Saved from pain or saved through pain? Modernity, Instrumentalization and the religious use of pain as a body technique // European Journal of Social Theory. 2010. 13(4); Shilling C. Changing bodies: habit, crisis and creativity. London: SAGE Publications Ltd, 2008; Shilling C. Body pedagogics, society and schooling // Education, Disordered Eating and Obesity Discourse / ed. by J. Evans, E. Rich, B. Davies, and R. Allwood. London: Routledge; Mellor P.A., Shilling C. Body pedagogics and the religious habitus: A new direction for the sociological study of religion // Religion. 2010. 40(1).

[205]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.13.

включения в окружающую среду.[206] В таком смысле социализация обязательно включает в себя соматический компонент. «Соматическая социализация»», как подчеркивает Ирина Марковна Быховская, представляет собой «целенаправленный процесс трансляции, освоения и развития ценностей, знаний и навыков, связанных с телесным бытием человека».[207] Фокус на телесной педагогике позволяет совершить аналитический переход между социальными нормами, а также каналами социального контроля, и «проживаемым опытом» («lived experience») телесности, телесно обусловленными факторами социального порядка и социальных изменений.[208] Так, например, педагогика тела является категорией, с помощью которой можно проанализировать то, каким образом технологическая культура и инструментальная рациональность, доминирующие в современном обществе, устанавливают нормы объектных отношений с телом – телом как инструментом и в то же время предметом работы, от которого требуется максимальная производительность и эффективность, а также соответствие канонам привлекательности.[209]

Данная категория является продуктивной и для изучения освоения техник тела в отдельных профессиональных культурах. В частности, в исследовании армейских техник дыхания, бега и стрельбы Брайана Ланди, подчеркивается ключевая роль взаимосвязи таких педагогических элементов, как подражание, непосредственный физический контакт «учителя» и «ученика», комплекс визуальных и текстуальных артефактов, а также дисциплинирующих техник, включающих в себя элементы поощрения за успешное исполнение, формальные и неформальные санкции. Немаловажной

[206]Shilling C. Body pedagogics, society and schooling // Education, Disordered Eating and Obesity Discourse / ed. by J. Evans, E. Rich, B. Davies, and R. Allwood. London: Routledge. P.IX.
[207] Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. С.97.
[208]Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.14.
[209]Shilling C., Mellor P.A. Saved from pain or saved through pain? Modernity, Instrumentalization and the religious use of pain as a body technique // European Journal of Social Theory. 2010. 13(4). P.536.

при обучении техникам является готовность к восприятию и подражанию их исполнению другими людьми.[210]

Другим важным аспектом, который в меньшей степени является предметом внимания в концепциях техник тела и телесной педагогики, является мотивационный и ценностный компоненты телесных практик. Если способы использования тела и телесные привычки нередко являются частью непроблематизированной сферы повседневного, то целенаправленное воздействие на тело, рефлексивные техники, являющиеся результатом личного осознанного выбора, непременно включают в себя ценностный компонент. Для его описания целесообразно обратиться к понятию Мишеля Фуко «*технологии себя*» («technologies of the self»; в другой формулировке «техники себя/своего Я» - «techniques de soi»[211]), под которыми понимается «определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, <…> ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия».[212] Данные технологии предполагают не только обучение определенным навыкам, но в первую очередь обретение соответствующих установок с целью превращения собственной жизни в «произведение, несущее в себе определенные эстетические ценности и отвечающее определенным критериям стиля».[213] При описании феномена технологий себя, Фуко интересовало в первую очередь развитие «герменевтики себя» в контексте и противопоставлении античной философии и ранних христианских принципов. При этом существенным элементом концепции выступает текстуальная культура – культура написания и трактовки текстов и трактатов, способствующих заботе о себе, которая, в свою очередь, неотъемлемо связана с конкретными

[210]Lande B. Breathing like a soldier: culture incarnate // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / ed. by C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.102.
[211]Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Том 2. СПб.: Академический проект. 2004. С.18.
[212]Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. №2(65). С.100.
[213]Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Том 2. СПб.: Академический проект. 2004. С.18.

способами познания, а также обработки знаний.[214] При расширении исторических рамок и выходе за границы исключительно текстуальной культуры, заключенной в изначальном понятии, концепция технологий себя представляется перспективной для анализа телесных практик и в современном контексте, поскольку она значительно дополняет понимание техник тела. Технологии себя позволяют принять во внимание ценностно-мотивационную составляющую рефлексивных техник, что дает возможность избежать интерпретации последних как исключительно способов работы над телом и заботы о нем, вне всякого осознания «высшей» цели. И обращение к пластической хирургии, и шрамирование (нанесение на тело шрамов в виде узора), могут нести в себе ценностный компонент – стремление к физической и духовной красоте, совершенству, воспитание духа. Боль – неотъемлемая часть радикальных вторжений в тело – также может быть проанализирована как специфическая техника тела, укорененная в длительной истории религиозных, в частности, христианских, самоистязаний как пути к духовному спасению.[215]

Таким образом, концепции техник тела, телесной педагогики и технологий себя раскрывают различные аспекты телесных практик, при этом последние представляются наиболее общим и абстрактным понятием, включающим все три. В то время как «техники тела» являются категорией, позволяющей изучать конкретные навыки и способы одновременно использования тела и работы над ним, «педагогика тела» релевантна для исследования социальных каналов передачи и обучения техникам, «технологии себя» описывают ценностный компонент индивидуальных практик.

При рассмотрении техник тела, телесной педагогики и технологий себя во взаимосвязи, становится возможным выстроить иерархию между ними. Так, среди трех понятий, техники тела выступают наиболее широким, в

[214]Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Том 3. Киев: Дух и Литера. 1998. С.53.
[215]Shilling C., Mellor P.A. Saved from pain or saved through pain? Modernity, Instrumentalization and the religious use of pain as a body technique // European Journal of Social Theory. 2010. 13(4). P.527.

которое входит весь спектр существующих в обществе и доступных для индивидов способов обращения с телом. Телесная педагогика фиксирует институциональные каналы передачи и освоения конкретных техник. Этот уровень маркирует ключевые социальные различия, социальные фильтры передачи, освоения и практики конкретных техник. В свою очередь, технологии себя описывают индивидуальный опыт включения в освоение тех или иных техник.

Все три подхода фиксируют различные элементы одного и того же предмета – тела как социального, биологического и психологического феномена. С принятием во внимание рефлексивной, педагогической и ценностной компонент, исследование телесных практик открывает возможность для раскрытия соотношения социального и индивидуального на уровне тела, как и перформативного аспекта телесности в повседневной жизни. Выступая, с одной стороны, как результат влияния социальных структур и институциональных каналов передачи, способы использования тела – походка, техники сна, поглощения пищи и др. – могут быть подвержены рефлексивному отбору со стороны индивида с целью представить себя в лучшем свете, достичь того или иного рода социального признания или поставленной «высшей» цели. И в то же время работа над телом может одновременно входить и в непроблематизированную сферу повседневности (в случае с «ядром» техник тела), и быть сознательным, целенаправленным выбором индивида.

Рис. 1. Взаимосвязь трех аспектов телесных практик

Таким образом, использование трех концепций во взаимосвязи – техник тела, телесной педагогики, технологий себя - для описания различных уровней телесных практик, является перспективным для современных социологических исследований телесности. Во-первых, внимание к рефлексивной, педагогической и ценностной компонентам телесных практик позволяет одновременно учесть спектр социально санкционируемых способов обращения с телом, институциональные каналы их передачи, а также личный опыт освоения и отбора техник тела. Во-вторых, такой подход принимает во внимание необходимость различения практик использования тела как инструмента человеческой деятельности и практик работы над телом как целенаправленного воздействия на телесность с целью её преобразования. Это дает возможность аналитически разделить механическое воспроизводство телесных практик в повседневной жизни, являющихся нормативным элементом общества, и рефлексивный, сознательный подход к отбору телесных навыков и к работе над телом. В-третьих, выступая как идеальные типы, «техники тела», «технологии себя» и

«телесная педагогика» позволяют исследовать и современные общества, и традиционные, анализируя типичные для каждого из них способы обращения с телом, телесные практики и каноны, а также социальные каналы их передачи. В-четвертых, такой тройственный подход к анализу телесных практик обладает аналитическим потенциалом для социологических исследований гендера и способов его закрепления на поверхности тела. Специфические техники тела могут не только конституировать фемининность и маскулинность, но и бросать вызов доминирующим гендерным стереотипам. Различие в институциональных каналах передачи и педагогиках гендерно специфических техник может вести к одновременному сосуществованию различных культур фемининности и маскулинности в рамках одного общества.

Более того, сочетание ранее обозначенных уровней анализа открывает возможность для эмпирических исследований телесных практик. Это относится как к количественным исследованиям - для оценки уровня распространения техник, их кластеризации, и корреляции с полом, классом, статусом и другими элементами социальной стратификации, так и к качественным – с целью раскрытия «проживаемого» опыта передачи и освоения техник, а также их ценностного наполнения. Рассмотрев категориальный язык социологии тела, обратимся к гендерному аспекту телесных практик

1.3. Женская телесность и телесные практики: проблема соотношения тела, пола и гендера

Как мы проанализировали в предыдущих параграфах, тело индивида тесно связано с его идентичностью, а включаясь в телесные практики, индивид может так или иначе сознательно подвергать ее трансформации. Однако в современном обществе женщины чаще мужчин оказываются вовлеченными в телесные практики, что демонстрируют различные исследования и статистические данные.[216] При этом достижения современной науки предоставили возможность индивидам преобразить не только внешний вид, но и кардинальным образом изменить свое тело – пол.

В данном параграфе мы обратимся к изучению соотношения категорий «тело», «пол», «гендер», а также сформулируем практические выводы об их значении для изучения телесных практик женщин. Для того чтобы понять, каким образом тело, пол и гендер соотносятся между собой и какое место в обращениях к телесным практикам занимают социальные представления о женщине, кратко обратимся к истории социологического изучения женской телесности.

---

[216] Так, например, женщины составляют основную целевую аудиторию пластической и косметической хирургии. По данным Американской ассоциации пластических хирургов (ASPS), представляющим гендерную картину, из всех хирургических и малоинвазивных косметических процедур (корректирующие уколы), выполненных 2012 году в США, 91% пришелся на женщин (См. ASPS 2012 Quick Facts. Cosmetic Plastic Surgery Demographic Trends // 2012 Plastic Surgery Statisitcs Report [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2012-Plastic-Surgery-Statistics/demographic-trends-quick-facts.pdf (дата обращения 31.03.2014). Гендерная асимметрия проявляется не только в числе процедур, но и в их специфике – наиболее часто проводимая операция среди женщин (да и в целом, как можно пронаблюдать на данных ASPS и Международного общества эстетической пластической хирургии ISAPS, среди всех операций в силу гендерного перевеса потребителей этого вида услуг) – увеличение груди (См. ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2010 [Эл. ресурс] Режим доступа:http://www.isaps.org/files/html-contents/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202010.pdf (дата обращения 31.03.2014); ISAPS Quick Facts: Highlights of the ISAPS 2013 Statistics of Cosmetic Surgery [Эл. ресурс] Режим доступа:http://www.isaps.org/Media/Default/Current%20News/ISAPS%20Quick%20Facts%20Highlight%20Sheet%20Final.pdf, (дата обращения 20.12.2014); ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2011 [Эл. ресурс] Режим доступа:http://www.isaps.org/files/html-contents/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202011.pdf (дата обращения 31.03.2014)). Причем, по сравнению с 2000 годом, в США число проводимых операций по увеличению груди выросло на 37% (См. ASPS 2013 Cosmetic Plastic Surgery Statistics. Cosmetic Procedure Trends // 2013 Plastic Surgery Statisitcs Report [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2013-statistics/cosmetic-procedures-national-trends-2013.pdf (дата обращения 31.03.2014)).

Женская телесность стала объектом исследования еще с момента возникновения феминизма второй волны[217], представителей которого волновали не только вопросы правовой дискриминации женщин, но и распространенные в культуре представления и стереотипы о «женской природе». Несмотря на то, что социология тела развивалась примерно в одно время с академическим феминизмом второй и третьей волны и гендерной теорией, наладить диалог между ними получилось не сразу в силу методологической проблемы различения тела и гендера, о которой пойдет речь чуть ниже. Однако в настоящее время «для теории гендера отношение между телом и социальной практикой является решающим вопросом»;[218] следовательно, прежде чем исследовать женскую телесность, а также интерпретировать роль телесных практик в воспроизводстве гендерных норм, необходимо прийти к некому методологическому консенсусу относительно взаимосвязи тела и гендера.

Вопрос о том, какими смыслами наделяется категория «женщина», каким образом производится знание о женском, феминином, а также, какие агенты участвуют в этом производстве, является актуальным с момента становления академического феминизма и гендерной теории до сих пор. Множество теоретических традиций, а также не утихающие дискуссии по данному вопросу, свидетельствуют, с одной стороны, о значимости данной проблематики, с другой стороны, об её неоднозначности.

Что же делает женщину женщиной? Дискуссия на данную тему, как и специализированные тесты на половую принадлежность, не часто становятся достоянием общественности, однако за последние несколько лет широкий

[217]Принято выделять три волны феминистского движения в западных странах. Первая волна связывается с движением за гражданские права (в частности, избирательное право) во второй половине XIX – начале XX века. Вторая волна – с борьбой против дискриминации женщин, гендерных стереотипов и неравенства в различных сферах жизни, начиная приблизительно с 1960-х гг. Третья волна феминизма, датируемая ориентировочно 1980-1990-ми гг., связана с признанием множественностей женского опыта, возникновением «черного феминизма», а также развитием постстуктуралистских и постмодернистских феминистских концепций. Подробнее об истории и волнах феминизма см. Айвазова С.Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153-168; Тартаковская И.Н. Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С.267-279.

[218]Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.278.

резонанс получили случаи гермафродитизма и «сбоев» в определении пола участников международных спортивных состязаний, где проблема отнесения человека к одной из категорий бинарной классификации полов проявилась особенно остро. Согласно некоторым исследователям, тестирование на половую принадлежность в спорте проводилось с незапамятных времен. Так, неким прообразом теста являлось требование выступать на первых Олимпийских играх в обнаженном виде, чтобы не допустить к соревнованиям женщин.[219] Как только женщины были допущены до участия в современных Олимпийских играх, назначением тестов стало исключение возможной подмены участницы на участника (что само по себе есть проявление эссенциалистских допущений о приоритете мужской силы и выносливости над женской), в то время как способом проверки был утвержден гинекологический осмотр участниц.[220] Лишь в 1967 году осмотр был заменен на тестирование набора хромосом посредством соскоба со щеки, который через два десятилетия был подвергнут критике за нечувствительность к атипичным хромосомным наборам и расстройствам людей, принадлежность которых к женскому полу на основании других характеристик «не вызывает сомнений».[221] Это привело к утверждению «комплексных обследований», которые в настоящий момент проводятся по запросу спортивных ассоциаций и комитетов. При этом в истории не раз были выявлены случаи несоответствия участниц спортивных соревнований представлению о женщине ввиду «атипичных» набора хромосом, строения эндокринной системы, реже, ввиду наличия обоих половых органов. Иногда эти открытия становились абсолютной неожиданностью для самих участниц, и им приходилось доказывать обратное – что они все-таки женщины. В подобных ситуациях в разное время находились такие спортсменки, как Ева Клобуковска, Мария Патино, Санти Сундаражан, Кастер Семеня и другие.

[219]Wackwitz L.A. Verifying the myth: Olympic sex testing and the category «woman» // Women's Studies International Forum. 2003. 26(6). P.553.
[220]Vannini A., Fornssler B. Girl, Interrupted: Interpreting Semenya's Body, Gender Verification Testing, and Public Discourse // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. 2011. 11(3). P.245.
[221]Ibid. P.245.

Так, относительно недавний случай Кастер Семеня продемонстрировал, как несоответствие внешности общепринятым стандартам фемининности вкупе с таким выдающимся спортивным достижением, как победа на чемпионате мира по легкой атлетике с высоким показателем (на 2 секунды отстающим от мирового рекорда на момент соревнования) могут стать основанием для проверки принадлежности к женскому полу. Как отмечают исследователи данного случая, сразу же после победы Семеня на дистанции в 800 метров в 2009 году в СМИ стали появляться комментарии, как других участниц соревнований, так и зрителей, ставящие под сомнение половую принадлежность спортсменки из-за её низкого голоса и мускулистого телосложения. Еще до широкого освещения случая в прессе Международная ассоциация легкоатлетических федераций уже инициировала тестирования под предлогом «неоднозначности» пола участницы также из-за слишком выдающихся результатов на предварительных этапах соревнования и из-за строения тела.[222] Тем не менее, после ряда тестов спортсменка была признана женщиной, а Международная ассоциация легкоатлетических федераций выпустила документ, согласно которому женщины с диагнозом гиперандрогения (повышенная выработка гормонов андрогенов, считающихся «мужскими») могут участвовать в соревнованиях на определенных условиях.[223]

Как показал этот и другие яркие случаи в спорте, социальные представления о женщине носят комплексный характер, а при отнесении человека к тому или иному полу имеет значение ряд факторов. Категория «женщины» включает как минимум три составляющие: тело как набор признаков, интерпретируемых в рамках бинарной классификации мужчина/женщина, пол как присвоение места в бинарной классификации и гендер как социальные ожидания соответствующего полу поведения.

[222]Cooky C., Dycus R. and Dworkin S.L. «What Makes a Woman a Woman?» Versus «Our First Lady of Sport»: A Comparative Analysis of the United States and the South African Media Coverage of Caster Semenya // Journal of Sport and Social Issues. 2013. 37(1).P. 39.
[223]Ibid. P.49.

Если обратиться к классической работе Симоны де Бовуар «Второй пол», которая дала толчок развитию феминизма второй волны, то в ней отождествляемое с полом тело впервые постулировалось в качестве источника подчинения женщины, как в связи с контролем ее репродуктивной функции со стороны семьи и мужа, так и в результате осуществляемой в обществе интерпретации биологических особенностей и поверхности женского тела. В концепции де Бовуар тело предстает одним из главных элементов, определяющих место, которое женщина занимает в мире: изначально подчиненное положение женщины, её социальная репрезентация в качестве пассивного и принимающего субъекта, не имеющего активного начала, кроется в восприятии строения половых органов и самого полового акта, поскольку тело женщины рассматривается во время коитуса как сопротивление, которое мужчина должен сломить, применив активную силу. Однако, делая упор на критике социальной интерпретации женской телесности, С. де Бовуар не подвергала сомнению само существование бинарной классификации полов и «статичность» тела. В своем письме П. Демени, вошедшем в книгу, автор подчеркивает, что «представление о женственности формируется искусственным образом с помощью обычаев и моды, оно навязывается женщине извне»[224], но в то же время де Бовуар отмечает, что «отказ от особенностей своего пола — тоже увечье».[225] Несмотря на проблематизацию взаимосвязи женского тела и его социальных интерпретаций – представлений о женственности, «Второй пол» послужил укреплению академической традиции различения тела как фиксированной данности и гендера как социального «наполнения» пола, укорененного в теле.[226]

Многие последующие феминистские теории, концентрируя внимание на гендере как социальном конструкте, обходили стороной вопросы тела и

[224] Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./ Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С.762.
[225] Там же. С.762.
[226] Chambers S.A. «Sex» and the Problem of the Body: Reconstructing Judith Butler’s Theory of Sex/Gender // Body & Society. 2007. 13. P.54.

его роли в конструировании социальных представлений о женщине и феминином. Отчасти причиной данной тенденции было то, что задачей исследователей-феминистов было подчеркнуть социальную природу гендера – однажды возникшие и в дальнейшем воспроизводимые представления о женственном и мужественном, и основанные на них предписания нормативного поведения. Как подчеркивает американский историк и специалист по женским исследованиям Линда Никольсон, термин «гендер», сконцентрированный вокруг поведения и черт характера, маркируемых как фемининные или маскулинные, четко отграничивался от пола, который изначально понимался гендерными теоретиками в русле биологического детерминизма. Во-первых, такая позиция воспроизводила классические представления о делении тел на сугубо мужские и женские, во-вторых, она игнорировала, что тела также находятся под влиянием социально-нормативных представлений о них, в том числе в категориях женственности и мужественности.[227]

В результате, несмотря на то, что один из исходных критических постулатов академического феминизма заключался в том, что гендерная оппозиция отражает известную оппозицию тела и разума, природы и культуры, в силу чего женщина объективируется и отождествляется с телом, и, как следствие, этим в официальном дискурсе легитимируется локализация ее опыта в приватной и домашней сфере, в ряде публикаций феминистов второй волны, по сути, нередко завуалированно воспроизводились эссенциалистские взгляды на женщину и ее телесность.

И даже несмотря на то, что предметом феминистских исследований были и остаются такие телесно воплощенные феномены социальной жизни, как порнография, домашнее насилие, модификации тела, беременность, исследовательский интерес многих авторов был сконцентрирован на материальном аспекте опыта женщины («the materiality of experience»), а не на материальности тела как такового («the body’s materiality»), которое

[227] Nicholson L. Interpreting gender // Signs. 1994. Vol. 20. No. 1.P.79.

оставалось за скобками данных теорий в качестве универсальной и фиксированной биологической данности.[228]

Французский социолог и феминистка, совместно с де Бовуар стоявшая у истоков издания «Nouvelles questions féministes», Кристин Дельфи, интерпретирует пол в классических гендерных теориях в качестве *сосуда*, который заполняется гендером – варьирующимся в зависимости от культуры *содержанием*, т.е. согласно данной латентной позиции пол предшествует гендеру, он первичен. Пытаясь объяснить истоки данного методологического допущения, автор выделяет две логических предпосылки, лежащие в основе него. Согласно первой, разделение труда рассматривается в гендерных теориях как следствие различий в реализации репродуктивной функции, способности к деторождению, мужских и женских тел. Согласно второй, которую Дельфи назвала когнитивистской, деление на два пола рассматривается как следствие присущей человеку потребности в классификации явлений в процессе своего развития и познания мира.[229]

В качестве примера воспроизводства эссенциалистских взглядов на телесность академическим феминизмом, Никольсон приводит классическую работу американского феминистского антрополога Гейл Рубин «Обмен женщинами», в которой вводится понятие «система «пол/гендер»(«the sex/gender system»), определяемое как ряд конвенций, с помощью которых общество трансформирует биологический пол и сексуальность в плоды человеческой деятельности.[230] Таким образом, в концепте «системы «пол/гендер» пол и тело используются в качестве синонимов, а телесность принимается за фиксированный биологический факт. Для описания классических теорий гендера в противовес метафорам Дельфи о сосуде и содержании, Никольсон предлагает метафору «вешалки»: тело

[228]Howson A. Embodying Gender. London: Routledge, 2005. P.54.
[229]Delphy C. Rethinking Sex and Gender. // Sex in Question: French materialist feminism / ed. by Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. P.34-35.
[230] Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.91.

рассматривается как каркас, на который в процессе социализации навешивается поведение, характер. В результате проводится четкое различение природы и культуры в человеке и, как следствие, тела, понимаемого как пол, и гендера.[231]

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что абсолютно все представители гендерной теории и академического феминизма не уделяли внимание телесности в ее соотношении с гендером, поскольку данная область исследования на протяжении истории отличалась множеством теоретических подходов, отчасти, поскольку формировалась как область междисциплинарная. В связи с этим, различные концепции можно условно расположить на континууме, в зависимости от того, насколько в них учитывается влияние телесного на социальные отношения и конструирование гендера: от «слабого» социального конструкционизма, признающего влияние биологической природы на социальные отношения, до «радикального», по сути, отрицающего материальность тела посредством утверждения, что любой феномен возникает в результате социальных процессов.[232]

Пожалуй, одним из теоретических оснований, подтолкнувших феминистов-теоретиков к переосмыслению деления пол/гендер, выступило творческое наследие Мишеля Фуко. Следуя за идеей Фуко о дисциплинарной власти и дискурсивном производстве различных социальных феноменов, в том числе телесности и пола[233], такие исследователи как Сьюзан Бордо[234], Мойра Гатенс[235], Элизабет Гросс[236], Джудит Батлер[237] и многие другие,

[231]Nicholson L. Interpreting gender // Signs. 1994. Vol.20. No.1. P.82.
[232]Turner B.S. Regulating bodies. Essays in medical sociology. New York and London: Routledge, 1992.P.48; Friedman A. Toward a Sociology of Perception: Sight, Sex, and Gender. // Cultural Sociology. 2011. 5(2). P.195.
[233] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem». 1999. С.199; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. С франц.- М.: Касталь, 1996.
[234]Bordo S. Bringing body to theory // Body and Flesh: A Philosophical Reader. Oxford: Blackwell. 1998. Pp. 84–97.
[235]Gatens M. A critique of the sex/gender distinction. // A Reader in Feminist Knowledge. London: Routledge. 1991.Pp. 139–157.
[236] Grosz E. Notes Towards a Corporeal Feminism // Australian Feminist Studies. 1987. Vol.2. No.5.Pp. 1-16.
[237]Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”. NewYork and London: Routledge. 1993; Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297–346; Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. 2(76). С. 11-29.

подвергли сомнению натурализированную концепцию пола, т.е. пола как естественного, природного феномена. При этом, исследовательский фокус сместился от пола и телесности как таковой к дискурсивному аппарату производства бинарной классификации полов, в то время как связь между полом и гендером подверглась проблематизации в обратном порядке – от гендера к полу: «производство пола в качестве додискурсивного должно быть рассмотрено как следствие действия культурного механизма, обозначаемого как гендер».[238] Теоретический поиск, таким образом, сместился преимущественно в сторону обличения отношений власти и подчинения, заложенных в культурно принятом знании о телесном как двуполом. Пол же перестал, в противовес теоретической позиции де Бовуар, выступать в качестве природного, телесного и внеисторичного[239], что послужило аналитическому разделению телесности и пола: «гендер не следовало бы понимать просто как культурное наслоение значения на биологически предзаданный пол (юридическое толкование); он должен также указывать на аппарат производства, посредством которого были созданы оба пола».[240] Однако, как уже было отмечено ранее, степень оценки природной составляющей этих феноменов, как и их влияния на социальные отношения, разнилась. И если, например, в социологической теории Бордо основной фокус сделан на преодолении дихотомии пол/гендер как дихотомии тело/разум при общем признании конечной материальности телесного[241], то философия Батлер стремится к радикальной оценке телесного как сугубо дискурсивного, лишенного материальности как таковой, а рассуждения о теле заканчивает анализом дискурсов и языковых структур.[242] Соответственно, ответ на вопрос о роли телесного в конструировании

[238]Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000.С.307.
[239] Chambers S.A. «Sex» and the Problem of the Body: Reconstructing Judith Butler's Theory of Sex/Gender // Body & Society. 2007. 13. P.57.
[240]Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. С.307.
[241]Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, Ltd. 1995.P.5.
[242] Butler, J. Undoing Gender. New York and London: Routledge. 2004. P.198; Chambers S.A. «Sex» and the Problem of the Body: Reconstructing Judith Butler's Theory of Sex/Gender // Body & Society. 2007. 13.P.48.

социальных представлений о женщине будет зависеть от того, какую теоретическую позицию мы примем за исходную.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XX века случился поворот к проблематизации соотношения тела, пола и гендера; при этом гендер стал отправной точкой в анализе представления о бинарной классификации полов и теле как средоточии пола. Однако разнообразие теоретических подходов не дает однозначный ответ на вопрос о значении телесного в конструировании гендера, а возможные ответы варьируются от признания роли биологических фактов в конструировании фактов социальных до практически полного отрицания существования природных явлений и сведения всех феноменов к дискурсивному производству. При всем различии подходов, их объединяет исследовательский фокус на анализе властных отношений и стратегиях натурализации пола и тела.

Причины эссенциалистских взглядов первых феминисток и теоретиков гендера на тело и пол многие авторы призывают искать в недостатке проблематизации современной гендерной теорией науки, процесса производства научного знания о телах и роли этого знания в осуществлении социального контроля. Рассмотрение пола в качестве социального конструкта подразумевает, что представления о биологии и физиологии человека также являются социальными репрезентациями. Принятие данного утверждения отнюдь не означает аналитического лишения тела его реальности, материальной воплощенности, конечных биологических черт. Оно означает лишь то, что необходимо признавать социальную природу процесса производства научных фактов о теле и поле – знание о них всегда есть социальное знание.

Так, например, по мнению американского историка Томаса Лакёра, пол, в том понимании, в каком он существует в настоящий момент, был изобретен в 19 веке, до этого существовала модель одного пола: женское тело проблематизировалось как «вывернутое наизнанку» тело мужское, что подтверждается изображениями анатомии тел, представленными в

медицинской литературе того времени. В то же время, не существовало и лингвистического разделения на мужские и женские репродуктивные органы, как и специфических наименований составных частей женской половой системы, например, яичники рассматривались как женский вариант яичек.[243] Постепенное различение женского и мужского тела началось с поиска отличий в строении скелета, а к концу 19 века, половое различение уже затрагивало все возможные части тела, разве что, за исключением глаз.[244] При этом медицинский поиск не ограничился констатацией базовых различий. Ученые начали поиск того органа, который бы стал «вместилищем» «женской природы», определял бы основные черты характера и поведения, предписываемые женщинам. Таковым «вместилищем» в разное время становились матка, затем яичники, пока не была разработана модель гормонального тела – женского тела, находящегося всецело под управлением гормональных процессов, в отличие от тела мужского.[245] При этом, научные исследования и открытия были всегда в тесной связи с гендерной политикой – эксперименты с органотерапией, пересадкой мужских и женских половых органов животным с последующим наблюдением за их поведением, массовое лечение женщин с отклоняющимся поведением путем хирургического удаления яичников – всё это происходило на фоне движения за права женщин, трансформации гендерных ролей и постепенной ломки патриархатных устоев. В результате в научной сфере развернулась «битва» за обоснование или же опровержение старого гендерного порядка.[246]

Проводя реконструкцию истории эндокринологии на основании различных исследований, британский специалист по гендерным исследованиям и критическому изучению науки Силия Робертс отмечает, что

[243]Laqueur T. Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud. Cambridge: Harvard University Press, 1990.P.96.
[244]Oudshoorn N. Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones. London: Routledge. 1994.P.7.
[245]Ibid. P.8.
[246]Fausto-Sterling A. Sexing the body: gender politics and the construction of sexuality. New York: Basic Books, 2000.P.151.

до 20-х годов ученые в данной области отказывались признавать схожесть химического состава эстрогена и тестостерона, веря в то, что половые гормоны являются химическими «посыльными» маскулинности и фемининности. Переворотом стало открытие присутствия «женских» и «мужских» гормонов в особях обоих полов, а также феномена, при котором тестостерон в определенных условиях может трансформироваться в эстроген и наоборот.[247] В настоящее время гормональная терапия включает в себя лечение «мужским» тестостероном женщин во время менопаузы. В то же время, эстроген оказывается необходим для развития самых различных органов у мужчин.[248] Таким образом, постепенно было установлено, что различия между полами есть результат сравнительного количества конкретных химических элементов, что говорит о том, что пол, по сути, представляет собой континуум между мужским и женским полюсами, но не два взаимоисключающих полюса.[249] В связи с этим Энн Фаусто-Стерлинг, будучи биологом и специалистом в области гендерных исследований, на основании изучения различных форм гермафродитизма, говорит о возможности различать как минимум пять полов, в каждом из которых присутствует различный набор репродуктивных органов и специфика функционирования гормональной системы.[250]

Тем не менее, современная западная культура находится во власти идеи существования всего лишь двух полов, несмотря на то, что ряд последних исследований в области физиологии и эндокринологии поставили под сомнение четкое разделение тел на мужские и женские. Фактически, как отмечает американский социолог Рэйни Дозье, до сих пор определение пола основано на визуальном осмотре гениталий новорожденного; при этом,

[247]Roberts C. A matter of embodied fact: sex hormones and the history of bodies // Feminist Theory. 2002. Vol.3. No.1. P.14.
[248]Fausto-Sterling A. Sexing the body: gender politics and the construction of sexuality. New York: Basic Books, 2000.P.147.
[249]Roberts C. A matter of embodied fact: sex hormones and the history of bodies // Feminist Theory. 2002. Vol.3. No.1. P.14.
[250] Fausto-Sterling A. The Five Sexes: Why Male and Female Are Not Enough // The Sciences. 1993. March/April. P.21.

биологический пол включает в себя не только их, но сочетание таких факторов как набор хромосом, гормональный фон, наличие репродуктивных органов и специфика их функционирования (способность к деторождению).[251] Помимо случаев очевидного гермафродитизма, зафиксированных при рождении, нередко встречаются и такие, когда один из биологических факторов определения положения человека в бинарной классификации полов «дает сбой», что наглядно демонстрируют упомянутые в начале работы примеры из спорта. Более того, поскольку медицина оперирует преимущественно идеальными типами, нередко не принимаются в расчет «отклонения» от моделей в различных странах и среди разных этнических групп – так называемые «локальные биологии», специфические для определенной местности и среды.[252] В частности, одной из тем для обсуждения после истории со спортсменкой Семеня, стала информация о том, что среди африканок уровень тестостерона может быть выше планки, разрешенной спортивными комитетами.[253] Однако, как уже было отмечено ранее, подобные случаи не часто являются предметом достояния публики, так как специфические тестирования на принадлежность к женщине или мужчине не являются общепринятой практикой.

Вместе с тем, главный вывод, который интересен при аналитическом углублении в вопросы пола, заключается в том, что бинарная классификация полов, существующая в обществе, обладает принудительной силой по отношению к телесно воплощенным индивидам. На основании упомянутых ранее исследований становится возможным констатировать обратную связь от гендера к полу, от социальных представлений о женщине и фемининности к телесности и биологическим процессам: «в той мере, в какой гендерные нормы воспроизводятся, они активизируются и воплощаются в телесных

[251] Dozier R. Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world // Gender & Society. 2005. Vol.19. No.3. P.298).
[252]Jonvallen P. Sex differentiation and body fat: Local biologies and gender transgressions // European Journal of Women's Studies. 2010. Vol.17. No.4.P.380.
[253]Бурмакова О. Самый простой способ быть олимпийским атлетом – это не быть при этом женщиной. Обзор американских феминистских блогов // [Эл.ресурс]Неприкосновенный запас. 2012. 5(85). Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/2814 (дата обращения 31.03.2014)

практиках».[254] Данный вывод вполне синонимичен традиции Фуко в феминизме, для которой характерно рассмотрение пола как нормативной категории и регулятивного идеала.[255] Тело предстает «политическим объектом»[256], интерпретируемым и конструируемым в интересах власти. Для обозначения принудительности натурализированной концепции двух полов Батлер вводит понятие «гетеросексуальной матрицы» в значении «сетки культурной интеллигибельности, в которой тела, гендеры и желания приобретают статус естественных».[257] Назначением данной матрицы выступает редукция всех возможных проявлений сексуальности с одновременным закреплением за индивидом конкретного пола: идентифицируемый гендер приписывает место в бинарной классификации полов, предписывающее и нормативное сексуальное желание – желание по отношению к человеку противоположного пола.[258]

Несмотря на то, что физиология и биохимические процессы, протекающие в организме неоднозначны, культура способна навязывать биполярную модель как в отношении интерпретации наукой фактов о телах, так и в отношении моделей взаимодействия и паттернов поведения, маркируемых как феминнные и маскулинные. Транссексуальность и гермафродитизм именно потому так интересны представителям гендерной теории, что они позволяют, с одной стороны, бросить вызов существующему положению вещей, с другой стороны, «вскрыть» принудительный характер бинарной классификации. Случаи гермафродитизма и анализ интерпретаций данных явлений в медицинской литературе показывают их медикализацию в официальном дискурсе, попытки навязать представление о невозможности достижения ни личного счастья, ни сексуального удовлетворения, принуждение к хирургическому и медикаментозному исправлению

[254]Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. 2(76). С.25.
[255]Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”.New York and London: Routledge. 1993. P.XI.
[256]Grosz E. Notes Towards a Corporeal Feminism // Australian Feminist Studies. 1987. Vol.2. No.5.P.2.
[257]Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000.С.341.
[258]Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”. New York and London: Routledge. 1993. P.183.

«мутаций». Однако биографии некоторых гермафродитов доказывают, что они могут жить полноценной жизнью, не ставя перед собой необходимость делать выбор, и получать удовольствие попеременно живя сексуальной жизнью то женщины, то мужчины.[259] При этом, исследования транссексуалов, сменивших пол с мужского на женский, доказывают, что прохождение всех медицинских процедур (от приема гормональных препаратов до хирургических вмешательств) недостаточно для того, чтобы «стать женщиной», в любой момент транссексуал может испытывать страх быть принятым за трансвестита. В результате этого особое внимание уделяется манере вести себя, а также соответствию общепринятым ожиданиям по отношению к женщине.[260] Бросая вызов полу, приписанному от рождения, многие трансженщины, при следовании стереотипам фемининности в поведении и внешнем виде после завершения трансформации, одновременно меняют свою сексуальную ориентацию с гетеросексуального мужчины на гомосексуальную трансженщину, и наоборот.[261] Такие случаи, с одной стороны, подтверждают пластичность и независимость друг от друга пола и сексуальной ориентации (в противовес тому, что диктует гетеросексуальная матрица), с другой стороны, противоречивы в своем смешении ненормативных элементов с элементами патриархатного представления о женщине.

Критический подход к научным исследованиям демонстрирует, как отношения власти могут вторгаться в производство знания о телах и конструирование различий между женщинами и мужчинами, однако, его не достаточно для того, чтобы выяснить, какое значение телесность и телесные практики занимают в воспроизводстве представления о женщине здесь и сейчас. Анализ дискурсов и гендера как регулятивной нормы,

[259]Fausto-Sterling A. The Five Sexes: Why Male and Female Are Not Enough // The Sciences. 1993. March/April.P.23.
[260]Eyre S.L, Guzman R., Donovan A.A., Boissiere C. «Hormones is not magic wands» Ethnography of a transgender scene in Oakland, California. // Ethnography. 2004. Vol.5. No.2. P.162.
[261]Dozier R. Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world // Gender & Society. 2005. Vol.19. No.3. P.303; Hines S. Intimate Transitions: Transgender Practices of Partnering and Parenting // Sociology. 2006. Vol.40. No.2.P.357-358.

предписывающей интерпретацию телесных различий, нередко уходит собственно от тела и от телесного опыта, специфического для женщин, такого как менструация, беременность и роды. Действительно, культурная подача и интерпретация данных феноменов в обществе может быть пропущена через фильтр той или иной гендерной политики – констатация, которая, однако, не должна лишать тела конечной материальности. В то же время, подобный подход к телу как к результату интерпретации биологической природы на основе гендера ведет к оценке первого в качестве пассивного объекта, иллюзии, рожденной благодаря структурам дискурса. Чтобы проследить соотношение телесности, пола и гендера, при этом не лишая ни один из этих элементов значимости, необходимо обратиться к ситуации взаимодействия, перформативному аспекту.

Случаи транссексуальности и гермафродитизма выявили проблему принудительной силы гендерного различения по отношению к телу – то, что не вписывается ни в одну из двух категорий, должно быть приведено в соответствие с одной из них. И, поскольку деление полов не столь очевидно с точки зрения биохимических и физиологических процессов в организме, устоявшаяся бинарная схема оказывает «давление» на телесность, вынуждая подгонять ее под стандарты женского и мужского тел. В противовес идее о том, что пол предшествует гендеру, гендер становится первичным по отношению к полу, а, точнее, по отношению к дефиниции тела в категориях пола. Однако тело и телесные практики способны бросать вызов гендерным нормам в ходе взаимодействия.[262] Проследить, как телесность, будучи материально воплощенной, включается в производство знания о женщине/мужчине возможно, если обратиться не столько к дискурсам и регулятивным нормам, но тому, как они воспроизводятся и конструируются в повседневном взаимодействии. Значимость такого подхода подтверждает то,

[262] Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. 2(76). С.25.

что телесность представляет собой универсальный гендерный дисплей для считывания информации участниками взаимодействия.[263]

Как справедливо отмечают американские социологи С.Л. Кроули и К.Л. Броуд, перформативный подход к изучению пола и гендера в социально-конструктивистских социологических теориях был распространен задолго до появления концепции Батлер.[264] Символический интеракционизм и этнометодология являются релевантными социологическими перспективами для изучения роли телесности в производстве и поддержании категории «женщина», так как фокусируются на материальном, т.е. телесном, как равноправном компоненте взаимодействия. В то же время, философский подход Батлер к перформативности тесно связан с анализом языка и дискурсов, а сама перформативность трактуется в качестве цитирования.[265] В результате ситуация взаимодействия и телесность исчезают из внимания. Для того, чтобы вернуть телесность в поле социологического анализа и ответить на вопрос о ее месте в поддержании социальных представлений о женщине, будет релевантным обратиться к классической социально-конструктивистской концепции Кэндес Уэст и Дона Циммермана.

Телесность как материальность не существует вне восприятия – она постоянно подвергается интерпретации и классификации, если говорить о поле, то в рамках бинарной системы. В межличностном взаимодействии содержится как потенциал для воспроизводства гендера, так и для вызова доминирующим гендерным стандартам. Препятствием для такого вызова может стать гендерный конфликт и «подстройка» говорящего под ожидания слушающего с целью представить себя в лучшем свете. Будучи основанной на отмеченных ранее социологических традициях, концепция Уэст и Циммермана не обходит вниманием обратное влияние гендера на поведение.

[263] Goffman E. The Arrangement between the Sexes // Theory and Society. 1977. Vol.4 (3).P.323; Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000.С.194; Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. 2002. С.10-11.

[264] Кроули С.Л., Броуд К.Л. Конструирование пола и сексуальностей // Гендерные исследования. 2010. №20-21. P.15.

[265] Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”. New York and London: Routledge. 1993.P.XII.

Говоря о возникновении гендерного конфликта в ряде ситуаций взаимодействия (в частности, когда поведение, а то и положение, роль, исполняемая женщиной, не соответствует фемининному паттерну), социологи отмечают, что для его разрешения осуществляется замещение вносящего «помехи» в гендерное различение исполнения другим исполнением, соответствующим фемининным образцам действия. По сути, это явление говорит о принудительности коррекции поведения, когда принадлежность к одному из полюсов оказывается под сомнением. Подобная ситуация характерна и для транссексуалов, желающих, чтобы их воспринимали как женщин с первого взгляда – перед ними стоит задача скорректировать не только свои внешние характеристики, в том числе и тело, но и поведение. Чтобы объяснить отношения между полом и гендером, Уэст и Циммерман предложили аналитически различать пол, категорию пола и гендер. В данной трактовке пол предстает как презумпция определенности, основанная на классификации людей в соответствии с бинарной системой. Одновременно, категория пола отсылает к ситуации его приписывания, как на основании биологических критериев пола, так и на основании социально фиксированных дисплеев – средств его выражения и проявления. Гендер же становится эмерджентной характеристикой, образцом организации поведения в конкретных ситуациях взаимодействия в соответствии со стереотипами, приписываемыми тому или иному полу.[266]

Однако в работе Уэст и Циммермана недостаточно внимания уделено проблеме того, как гендерное различение влияет не только на взаимодействие, но и на практики самопрезентации и «преподнесения» телесности в категориях бинарной классификации полов. Если оригинальная теория фокусирует внимание на создании гендера в ситуациях взаимодействия, в первую очередь лицом-к-лицу, то в контексте темы нашей диссертации фокус закономерно переносится на вопрос, каким образом

[266] Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.195.

поверхность тела включается в «создание гендера», и, как следствие, возможно ли «создание гендера» путем его закрепления на поверхности тела.

В качестве исходного постулата примем, что отношения гендер/пол/тело характеризуются не односторонней связью (от пола к гендеру или от гендера к полу), а отношением взаимообмена значений и символов. Однако тогда понятие тела представляется шире понятий пола и гендера. Тело и его физиологические и биохимические процессы представляют собой спектр, континуум для интерпретаций, задаваемых культурой. В результате социальных интерпретаций происходит категоризация тела по отношению к полу – в условиях бинарной классификации приписывание телу мужского или женского пола. А уже категоризации по полу соответствует социально конструируемое гендерное различение.

Таким образом, телесное воплощение, с одной стороны, выступает как ресурс поддержания представлений о женщине, с другой стороны, социальные представления о женском, фемининном, выступая неким нормативом, откладывают отпечаток на преподнесение тела. Случай с Семеня продемонстрировал, как в совокупности несоответствие внешности, тела и поведения (спортивные достижения) стереотипизированным ожиданиям публики стало источником сомнения в половой принадлежности спортсменки.

В таком контексте особую значимость приобретают телесные практики, модификации и работа над телом, поскольку они становятся одним из источников закрепления гендера на поверхности тела, что демонстрируют и случаи транссексуализма. Ситуация взаимообмена и обратной связи означает, что гендерное различение через категоризацию по полу обладает принудительной силой по отношению к телу. Любые «помехи», гендерный конфликт, на всех уровнях взаимосвязи гендер/пол/тело требуют их устранения. Практики работы над телом, таким образом, могут стать ответом на возникающие «помехи». В таком случае становится возможным

рассматривать их как способы вписывания гендера в тело, гендеризации тела. В то же время телесные практики являются ресурсом для сопротивления доминирующим гендерным стереотипам внешней привлекательности путем закрепления на поверхности тела оппозиционного канона.[267]

Данная теоретическая позиция, основывающаяся на признании высокой роли телесности в конструировании категории «женщина», может служить объяснению гендерных различий в практиках работы над телом и гендерной асимметрии обращения к новейшим технологиям вмешательства в тело. Одной из возможных интерпретаций растущего числа обращений женщин, приученных культурой объективировать себя и определять себя в категориях тела, к косметической хирургии, становится гендерный конфликт, а телесные практики выступают как способ его разрешения, закрепления гендера на поверхности тела, приведение себя в соответствие с культурными представлениями о женственности и красоте. Меняющиеся социальные позиции женщины, ее вхождение в публичную сферу, в которой установлены маскулинные образцы взаимодействия, порождают конфликт между представлением о фемининных образцах поведения, женственности (укорененной в теле) и практикой деятельности. Современный мир бросает множество вызовов гендерной идентичности, среди которых – гендерная лиминальность, т.е. размывание границ между мужской и женской сферами деятельности, способами общения, моделями сексуальности, телесными практиками. С одной стороны, конфликт ведет к стремлению достичь определенности путем закрепления приписываемой гендерной идентичности на поверхности тела, с другой стороны, современные технологии предоставляют возможность смены пола и, как следствие, предписываемого гендера, путем преобразования телесности. Таким образом, гендер превращается из предписанной роли в достигаемую путем систематической работы на телом.

[267] Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6. № 3.P.45-47.

Итак, резюмируем вышесказанное. В ряде классических гендерных теорий, наследовавших биологический детерминизм предшествовавших концепций в отношении тела, не принимались во внимание неоднозначность деления полов на два, как и влияние культуры на интерпретацию, репрезентацию и модификацию тел. В противовес исходному постулату о первичности пола (определяемого синонимично телу) по отношению к гендеру, в конце XX века было предложено принять обратную схему взаимосвязи пола и гендера, согласно которой второй первичен по отношению к первому. В такой интерпретации гендерные нормы подкрепляются стратегией натурализации различий по полу. Современные работы в области эндокринологии, физиологии и биохимии тела продемонстрировали, что пол следует представлять в виде континуума между двумя полюсами, но не как два взаимоисключающих полюса. Показано, что распространенная в современной западной культуре вера в два пола есть результат культурных интерпретаций, но не фактических биологических процессов и физиологического развития организма. На основании данных исследований становится возможным пересмотреть связь между гендером и полом не как одностороннюю (пол-гендер или гендер-пол), но как двустороннюю, как постоянный символический взаимообмен. Используя понятие гендерного конфликта, возникающего во взаимодействиях лицом-к-лицу, можно проанализировать высокий уровень вовлеченности женщин в телесные практики в качестве способа устранения рассогласованности между телом, категорией пола и гендером в условиях современной лиминальности.

Таким образом, телесность играет существенную роль в конструировании социальных представлений о женщине в двух аспектах. Во-первых, в результате интерпретации тела и биологических процессов проводится культурное различение по полу в соответствии с бинарной классификацией. При этом данное различение укоренено в текущей гендерной политике, в результате чего научное знание может становиться

источником легитимации не только существующего неравенства между мужчиной и женщиной, но и «пресечения» любых отклонений от бинарной классификации полов. Во-вторых, управление телом, как и телесные практики, с одной стороны, могут выступать как способ закрепления гендера на поверхности тела, с другой стороны, как ресурс сопротивления гендерным нормам.

Сформулируем вывод на основании теоретического анализа, проведенного в первой главе. Как было показано, тело представляет собой не просто биологическую данность, а сложный феномен, в котором сочетаются социальные, биологические и психологические аспекты жизни индивида. Тело выступает проводником самости, и, включаясь в работу над телесностью, индивид может трансформировать представление о собственном Я, и даже достичь определенного статуса демонстрируя телесную принадлежность к референтной группе. Начиная с раннего возраста и на протяжении жизни, индивид обучается использовать свое тело определенным образом у различных агентов телесной социализации в ходе социального взаимодействия посредством воспитания и подражания. Целенаправленная работа над телом может нести в себе как определенное ценностно-смысловое наполнение и быть средством самосовершенствования, так и быть способом вхождения в ту или иную социальную группу. При этом телесные практики закрепляют на поверхности тела не только принадлежность к определенной группе и социальный статус, но и половую принадлежность. Манеры держаться, одежда и внешний вид, формы тела сообщают окружающим информацию об индивиде. Женственность, как и маскулинность тела, не является исключительно биологической данностью, заложенной с полом, а выступает как результат определенной телесной социализации и рефлексивной работы над телом.

Итак, сформулируем выводы по задачам диссертационного исследования, которые были решены в данной главе. Во-первых, телесные практики представляют собой сложный феномен, а существующие теории

делают акцент на том или ином аспекте этого многогранного явления. Классифицировать аспекты телесных практик позволяют концепции «техник тела» (технологический аспект использования тела и «работы над ним»), «телесной педагогики» (институциональные каналы передачи и освоения практик), «технологий себя» (ценностно-мотивационный компонент). Во-вторых, в основе соотношения категорий «тело», «пол» и «гендер» лежит конструируемое в обществе знание о взаимосвязи физиологических процессов и социальных ролей. На основании социальных интерпретаций тела женщине приписывается пол, а на основании пола – гендер как специфическая модель поведения и внешнего вида. Телесные практики выступают как ресурсы, с одной стороны, закрепления гендерных стереотипов в виде определенных канонов женственности, с другой стороны, - сопротивления доминирующим образцам внешней привлекательности.

ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК ЖЕНЩИН

2.1. От структуралистской традиции в социологии тела к феминистской критике работы над телом.

В предыдущей главе диссертации мы рассмотрели историю развития представлений о телесных практиках в социальных науках, выделили три ключевые концепции, описывающие различные аспекты телесных практик – техники тела, технологии себя, телесная педагогика. Отталкиваясь от социально-конструктивистского подхода к определению гендера и его созданию, мы также подчеркнули, что техники тела обладают как потенциалом воспроизводства гендерных стереотипов, закрепления гендера на поверхности тела, так и потенциалом бросать вызов доминирующим гендерным нормам самопрезентации. Во второй главе мы рассмотрим основные направления концептуализации телесных практик женщин, т.е. теоретические модели интерпретации высокой вовлеченности женщин в работу над своим телом, предложим интегративный подход к изучению данного феномена на основе концепции «телесного реализма» К. Шиллинга и оценим состояние эмпирических исследований телесных практик женщин с позиции данной концепции. Содержание данной главы построено в соответствии с решением следующих задач диссертационной работы: во-первых, задачи по изучению центральных концепций социологии тела и выделению основных направлений интерпретации телесных практик женщин; во-вторых, задачи по разработке интегративного теоретического подхода к изучению телесных практик женщин.

Как мы уже отметили в первом параграфе первой главы, в социологии тела сосуществует как минимум две традиции, и в то время как одна из них ориентирована на анализ структур, оказывающих принудительное действие по отношению к телесному выражению индивидов, вторая – на внимание к

личному опыту переживания и освоения тела. Несмотря на то, что данное деление условно, аналитическое выделение двух теоретических традиций в целом отражает базовую социологическую проблему структура/действие. В этом параграфе мы остановимся на первой традиции – структуралистски ориентированной.[268] При этом первоначальный проект социологии тела Брайана Тёрнера, о котором уже шла речь в первой главе, в большей степени ориентирован на изучение «тела упорядоченного» («ordered body») в противовес «проживаемому телу» («lived body»).[269] Так, социолог применил «нео-гоббсову проблему порядка» к проблематике телесности, отличающуюся от оригинальной проблемы включением регулируемых тел в анализ упорядоченности социальных отношений. Поскольку тело предстает метафорой общества, «режим политического общества требует системы управления телами и, в частности, управления телами, для которых характерны многочисленность и многообразие».[270] Тёрнер выделяет 4 аспекта телесного существования индивидов, подвергаемых в той или иной степени социальному влиянию. Данная схема получила обозначение «4R», по первым буквам названий явлений на английском языке. Итак, согласно концепции социолога, в сфере социального контроля оказывается воспроизводство («reproduction») населения на протяжении времени, регулирование («regulation») распределения популяции в пространстве, ограничение («restraint») и контроль сексуального желания (внутренний аспект телесности), репрезентация («representation») тел в пространстве (внешнее воплощение тела).[271] Согласно данному подходу, общество контролирует различные формы телесного выражения. Находясь на таких

[268] Под термином «структурализм» мы понимаем вслед за И.Ф. Девятко модели объяснения, стремящиеся «обнаружить в поведении людей смысл, который скрыт от непосредственного восприятия с точки зрения самих действующих», в то время как двигателями поведения индивидов предстают структурные детерминанты, в том числе социальные институты и нормы (См. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. Москва: Ин-т социологического образования Российского центра гуманитарного образования - Программа Европейского сообщества TEMPUS/TACIS - ИС Рос АН., 1996. С. 66-67).

[269] Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.47.

[270] Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2008. P.99.

[271] Ibid. P.81-82

теоретических позициях можно сделать вывод о том, что специфические техники тела, усваиваемые в процессе социализации, отражают степень и формы социального контроля. При этом по Тёрнеру, женщины занимают наиболее подчиненное положение в обществе в виду репродуктивной функции, являющейся одной из ключевых сфер контроля.[272]

Концепция Тёрнера отражает доминировавшую в оформлявшейся в 80-90-х гг. социологии тела ориентацию на анализ структур. Однако еще до ее создания и популяризации в социальных науках уже сформировались структуралистски ориентированные теории тела в антропологии и социальной философии. Для того чтобы проиллюстрировать общие тенденции изучения тела «упорядоченного», а также проанализировать значение данных теорий для социологического изучения телесных практик женщин, обратимся к авторским концепциям Мэри Дуглас и Мишеля Фуко.

Социальный антрополог Дуглас одной из первых указала на то, что тело предстает «микрокосмом общества».[273] Тело, согласно её концепции, находится в центре власти и социального влияния, а контроль телесного выражения есть проявление социального контроля.[274] Аналитически различая тело физическое (воплощение самости) и социальное (воплощение социума), антрополог отмечает, что физический опыт индивида корректируется социальными категориями. Так, автор формулирует правило чистоты («purity rule»), согласно которому социализация индивидов сопровождается обучением контролю над всеми физиологическими процессами.[275] Степень «близости» этих двух тел зависит от специфики социальной системы, что вписывает данную концепцию тела в более широкий проект Дуглас по созданию теории «разметки и группы», классифицирующую все общества по степени выраженности социальной солидарности (слитности или

[272]Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2008. P.101.
[273]Douglas M. Natural Symbols: Exploration in Cosmology. Third edition. London and New York: Routledge, 2003. P.80
[274]Ibid. P.78.
[275]Ibid. P.80

раздельности эго и группы) и жесткости структуры ролей и различий (системы разделяемых классификаций).[276] Идея тела как метафоры культуры оказала влияние на проблематизацию высокой вовлеченности женщин в телесные практики в гендерной теории и феминистской перспективе. Если характер социальной системы отпечатан на поверхности тела, то телесные практики, будь то диеты, фитнес, обращение к пластической хирургии, обретают символическое, более того, политическое значение в контексте более широких культурных норм.[277]

Однако более заметное и активно постулируемое влияние на структуралистски ориентированную традицию в социологии тела и гендера оказали работы Фуко. В них, с одной стороны, раскрывается, каким образом отношения власти закрепляются на поверхности тела, с другой стороны, показано исторически обусловленное дискурсивное производство сексуальности и женской телесности как объектов знания и контроля с целью обеспечения «упорядоченной плодовитости».[278] В настоящем параграфе мы сфокусируем свое внимание преимущественно на первом аспекте – дисциплинарной власти и производстве послушных тел, поскольку концепция пола как дискурсивной категории, «приобретающей свое значение в процессе коммуникативного, диалогического производства смыслов»,[279] уходит от проблематики тела как такового и затрудняет анализ собственно телесных практик.[280]

Итак, для перспективы Фуко характерно изучение тела как объекта власти: «в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него

[276]Douglas M. Natural Symbols: Exploration in Cosmology. Third edition. London and New York: Routledge, 2003. P.64

[277]Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. P.168

[278] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996. С. 206.

[279]Ушакин С.А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С.96.

[280]Данная проблема уже была обозначена в третьем параграфе первой главы при рассмотрении соотношения категорий пола, тела и гендера, особенно в связи с теорией гендерной перформативности Дж. Батлер, которая открывает возможность для анализа дискурсивного производства знания о телах (поле и гендере), при этом вычеркивая из области анализа телесную материальность как таковую.

принуждение, запреты или обязательства».[281] Однако, как показало исследование французского философа, масштаб и детализация контроля над телом, а также формирование биополитики в современных европейских обществах связаны с открытием тела как мишени власти в классический век. Распределение индивидов в пространстве (в особенности, спецификация места), контроль над деятельностью путем распределения рабочего времени, детализации действий во времени, налаживания связи между телом, жестом и объектом, а также сложение сил разнородных индивидов на благо единой «эффективной машины» маркируют этапы конструирования «послушных тел». При этом Фуко не выделяет единого субъекта отправления данного типа власти над индивидами. Вместо этого, философ настаивает на «рассеянном» и нерепрессивном характере дисциплинирующего механизма. Как следствие, «возникает особое политическое пространство, которое лишено центра и в котором во множестве существуют особые «очаги власти» - дисциплинарные институты».[282] Воплощением такой модели всепроникающего дисциплинирующего механизма, по мнению Фуко, является паноптикон, архитектурный проект тюрьмы И. Бентама, организованный в виде кольцеобразного здания, просматриваемого насквозь. Такая организация пространства позволяет не прибегать к насильственным средствам принуждения: «сила власти заключается в том, что она никогда не вмешивается, а отправляется самопроизвольно и бесшумно, она образует механизм, чьи действия вытекают одно из другого».[283]

«Рассеянное» понимание дисциплинирующего механизма посредством проникновения в повседневную организацию движений, положения и действий тела, оказалось созвучным феминистской критике подчиненного

[281]Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В.Наумов под ред. И.Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С.199.
[282]Михель Д.В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. №1. С.94; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В.Наумов под ред. И.Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С.316.
[283]Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В.Наумов под ред. И.Борисовой. М.: «Ad Marginem», 1999. С.302.

положения женщины, разделяемого ими самими, и послужило отправной точкой для ряда теоретиков академического феминизма в интерпретации ежедневного воспроизводства женщинами специфических техник тела. Так, по мнению Сандры Бартки, «женщина, которая проверяет свой макияж полдюжины раз за день, чтобы увидеть, не потрескалась ли основа под макияж или не потекла ли тушь, та, кто волнуется, что ветер или дождь может испортить ее прическу, становится никем иным как заключенным паноптикона, самоконтролирующим (self-policing) субъектом, лично преданным беспрестанному самонаблюдению (self surveillance)».[284]

Поскольку с момента своего возникновения феминизм ставил во главу угла смену навязываемых женщинам ценностей, а также репрезентаций женщины, сформированных в процессе патриархатной истории,[285] структуралистски ориентированные типы интерпретаций были заложены уже в самой идеологии данного движения, впоследствии оформлявшегося в академическую традицию. Изучение системы отношений, способствовавших закреплению подчиненного статуса женщины по отношению к мужчине, стало ключевой задачей феминизма второй и третьей волны.[286] Фокус внимания на понятии социальной структуры как отражающей «ограничения, заключающиеся именно в определенном способе социальной организации»,[287] подтолкнул феминистов к анализу труда, власти и катексиса (реализации чувств и желания; сексуальности) и функционирующих в их рамках институтов как основных структур, легитимирующих подчиненное положение женщины.[288] При этом, ключевым понятием для разнородного типа теорий, стремящихся открыть глаза читателям на структурные причины угнетения женщин, является понятие патриархата как «сходных социальных

[284]Bartky S.L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power // Weitz R. (ed.) The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. P.42.
[285]Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.239.
[286] Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.89.
[287]Коннел Р.У. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. 2012. №3(83). С.12.
[288]Там же. С.17-18

практик, в которых мужчинам отводится систематическая возможность в виду своего положения продвигать собственные интересы в различных областях, пагубных и опасных для интересов женщин, даже при согласии последних».[289] Таким образом, главной чертой патриархатного типа социальных отношений является подчинение интересов женщин интересам мужчин. Патриархатная власть же оказывается основанной на социальной интерпретации и переносе биологических различий между мужчиной и женщиной в сферу социальных задач особей обоего пола.[290]

Как мы уже отмечали в первой главе, длительное время развитие гендерной теории, академического феминизма и социологических подходов к телу происходило параллельно. Академический феминизм стремился к исключению из анализа телесности как таковой, что приводило к переносу внимания с собственно материального опыта (такого как насилие, проституция, порнография) на его обусловленность дискурсивным производством, или же на экономические и политические структуры, легитимирующие положение женщины в качестве «прислуги». Тем не менее, большинство структуралистски ориентированных типов интерпретации подчиненного статуса женщины и её повышенной вовлеченности в те или иные телесные практики, делает акцент на явной или неявной, но все же репрессивной системе отношений патриархатного толка. Даже с появлением телесности в поле феминистского анализа интерпретация телесных практик преимущественно сводится к описанию и критике некой социальной матрицы, «тотальной системы доминирования, в которой феминное определено в значениях нарциссической маскулинной (воображаемой) картине себя (self-image)».[291]

[289] Howie G. Between Feminism and Materialism: A Question of Method. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P.200.
[290] Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С.124.
[291] Howie G. Between Feminism and Materialism: A Question of Method. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P.160.

В связи с этим, подход Фуко к интерпретации тел в качестве «послушных», дисциплинированных не обязательно с помощью внешнего принуждения, но самонаблюдения и самоконтроля, получил широкое распространение в феминистском анализе вовлеченности женщин в телесные практики. Молчаливое и активное согласие женщин со стандартами феминнной самопрезентации и, как следствие, интерес к регулярной работе над телом с помощью фитнеса, диетарных практик, макияжа и др., нередко интерпретируется как интериоризация «мужского взгляда» («male gaze»), объективирующего женщину и сводящую ее к телесной оболочке.[292] При этом подчеркивается связь интериоризированного женщинами «мужского взгляда» с гетеросексуальной ориентацией, или тем, что в различных феминистских работах получило название «гетеронормативность»[293], «принудительная гетеросексуальность»[294], «гетеросексуальная матрица».[295] Так, ряд эмпирических исследований в рамках данной перспективы подтвердил высокую значимость приведения своего тела в соответствие с нормативами тела сексуально привлекательного (в первую очередь в глазах мужчины). Ситуация же, когда тело не соответствует нормативам сексуально привлекательной феминнности, приводит к репрессивным мерам по отношению к нему: «Несмотря на то, что тело, включающееся в сексуальную активность, всегда социально конституируемо и управляемо, оно также всегда и материально, покрыто волосами, предстает извергающимся, испускающим звуки, и восприимчивым к наслаждению и боли. Эта материальность рискует вторгнуться в пространство мужчины и потому должна тщательно регулироваться».[296] Обеспокоенность, негативные эмоции и стыд по отношению к собственному телу, возникающие в результате

[292]Brook B. Feminist Perspectives on the Body. London and New York: Longman. 1999. P.66.
[293] Nielson J. M., Walden G., Kunkel C.A. Gendered Heteronormativity: Empirical Illustrations in Everyday Life // The Sociological Quarterly. 2000. Vol. 41. № 2.P.286,290; Ward J., Schneider B. The Reaches of Heteronormativity: An Introduction// Gender and Society. 2009. Vol. 23. № 4.P.434.
[294] Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. 1980. Vol. 5.№ 4. P.637.
[295]Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: «Пропилеи», 2000.С.341; Butler J. Bodies That Matter. On the Discursive Limits of “Sex”. New York and London: Routledge, 1993. P.183.
[296]Holland J., Ramazanoglu C., Sharpe S., Thomson R.The Male in the Head. London: The Tufnell Press, 1998 P.8., Цит. по: Brook B. Feminist Perspectives on the Body. London and New York: Longman. 1999. P.66.

усвоения женщинами объективирующей установки по отношению к самим себе,[297] рассматриваются в данной перспективе как импульс к регулярной работе над собственной телесностью, а в более широком смысле, как причина высокой вовлеченности женщин в разнообразные телесные практики. По мнению Лиз Фрост, данная ситуация приводит к парадоксальным отношениям женщины со своим телом: с одной стороны, она отождествляет себя с ним в результате влияния доминирующих гендерных стереотипов и образов массовой культуры, с другой стороны, женщина дистанцируется от собственной телесности, отстраняясь от своего тела как всегда не соответствующего императивам красоты.[298] Данный феномен ведет к формированию негативной установки к своему телу, телу как объекту ненависти («body-hatred»).[299]

В более широком смысле феномен интериоризации мужского объективирующего взгляда и негативной установки по поводу собственной телесности рассматривается как результат существования культурных норм и стереотипов презентации женского тела в качестве тела женственного и сексуально привлекательного. В данной традиции «мужской взгляд» предстает составной частью культурно навязываемого женщинам ложного сознания, в результате чего последние включаются в работу над своим телом и даже получают от этого удовольствие. Как отмечает Кэтрин Паули Морган, сознание женщины, делающей выбор в пользу ухода за телом или пластической операции, отличается наличием «гипотетического мужчины», существующего в ее эстетическом воображении. Это подразумевает, что для того, чтобы усвоить культурные нормы тела женственного и сексуально привлекательного, женщине не обязательно обладать реальным опытом критики со стороны знакомого мужчины, партнера, мужа или коллеги, достаточно существование «призраков» сексуализирующей культуры в

[297]Calogero R.M. A Test of Objectification Theory: The Effect of the Male Gaze on Appearance Concerns in College Women // Psychology of Women Quarterly. 2004. Vol.28. No.1. P.19
[298]Frost L. Young Women and the Body. A Feminist Sociology. Basingstoke and New York: Palgrave, 2001. P.194.
[299]Ibid. P.10,198.

женском сознании.[300] По выражению Наоми Вульф, «сегодня женщина не должна обращать внимания на свое отражение в глазах любимого – она должна искать восхищения во взгляде бога красоты, для которого она никогда не будет полноценной».[301]

Отличительной чертой патриархатной культуры предстает установка, что «женские тела всегда недостаточно женственные, что они должны быть сознательно подвержены нередко болезненной переделке в соответствии с тем, что было задумано «природой».[302] В работе Вульф данный феномен получил название «мифа о красоте». Согласно мифу, поддерживаемому не реальными партнерами, но социальными институтами, обеспечивающими мужское господство,[303] красота понимается как объективно существующий феномен, в соответствии с которым осуществляется ранжирование женщин по степени их привлекательности для мужчин. При этом автор определяет стандарт «красоты» в качестве валютной, экономической системы, тесно связанной с политическими интересами: «в современном западном мире это последняя и самая совершенная мировоззренческая доктрина, способная сохранить незыблемость мужского господства».[304] С выходом женщины из приватного в публичное пространство, всё больше социальных ограничений стало налагаться на ее лицо и тело,[305] однако, социум интересует не красота женщины как таковая, а постоянный контроль её поведения.[306] Результатом данного контроля и самоконтроля становится низкая самооценка и, как следствие, низкая социальная и политическая активность.

Более того, миф о красоте разобщает женщин, превращая их в соперниц и препятствуя объединению в единое женское движение.[307] Как подтверждает ряд интервью и фокус-групп в отечественной и зарубежной

[300] Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6. № 3. P.36.
[301] Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С.361.
[302] Urla J., Swedlund A.C. The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // Shiebinger L. (ed.) Feminism and the Body. New York: Oxford University Press, 2000. P.397.
[303] Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С.419.
[304] Там же. С.25-26.
[305] Там же. С.393.
[306] Там же. С.149.
[307] Там же. С.413.

литературе, соревновательный аспект действительно сопутствует регулярной работе над телом. Так, включение в разнообразные практики красоты может рассматриваться как стремление заслужить признание среди других женщин, которые, по мнению участниц австралийского исследования, обладают наиболее критическим и осуждающим взглядом, нежели мужчины. Активное включение в воспроизводство культурно-стереотипных стандартов красоты рассматривается информантками как способ избежать негативных суждений со стороны и достичь определенного статуса в глазах других женщин.[308] В одном из исследований на постсоветском пространстве данный феномен получил название «гонки вооружений».[309]

Обозначая в качестве исходной теоретико-методологической рамки подход Дуглас к телесности как к микрокосму общества и определение власти Фуко как «рассеянной» и формирующей «послушные тела», Сьюзан Бордо анализирует повышенную включенность женщин в практики красоты в свете специфики культуры общества потребления. По мнению социолога, озабоченность худобой, телом и работой над ним является общей чертой современного общества, вне зависимости от пола. В данном постулате Бордо следует за теоретиками высокого модерна, сформулировавшими особое положение тела в настоящую эпоху, как поверхности для воплощения личной идентичности и объекта сознательного дизайна.[310] Однако женщины в большей степени оказываются вовлеченными в телесные практики, связанные с культом худобы, ввиду исторически подчиненного положения и культурного сведения к телу, соответственно, к идеалам красоты.[311] Фокусируя внимание в большей степени на культурных императивах худобы и привлекательности, нежели рефлексивности «дизайна» телесности, Бордо отмечает, что современная потребительская культура формирует

[308] Stuart A., Donaghue N. Choosing to conform: The discursive complexities of choice in relation to feminine beauty practices // Feminism and Psychology. 2012. 22 (1). P.104.
[309] Клингсайс К. Власть гламура в современном российском обществе. Значение одежды и внешности в городской культуре. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 1. С. 175.
[310] Подробнее данная перспектива была рассмотрена во втором параграфе 1 главы.
[311] Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. P.204.

«булимический» тип личности.[312] Вслед за Робертом Кроуфордом, автор подчеркивает противоречивость призывов консьюмеристского общества. С одной стороны, призыв к всеобщему потреблению и бесконтрольной реализации собственных желаний, с другой стороны, акцент на этике потребления и самоконтроле, в том числе контроле границ тела.[313] Говоря о «булимическом» типе личности Бордо не подразумевает исключительно широкое распространение булимии как медицинского диагноза нашего времени, но распространенную установку на чередование свободного потребления и радикального самоограничения, например, в случае с популярными «недельными» диетами, обещающими резкую потерю веса в кратчайший срок.

Тем не менее, идеал худого тела предстает гендерно маркированным, женщины в большей степени подвержены социальному давлению, притом, что самоконтроль и самоограничение исторически маркировались как мужские качества. Вхождение женщин в публичную сферу, построение карьеры способствовали тому, что женщины одновременно находятся во власти двух императивов: фемининного императива отождествления женщины и тела и маскулинного императива самоконтроля. Таким образом, целенаправленная работа над телом при одновременном освоении публичной сферы рассматривается Бордо как процесс усвоения и нормализации в среде женщин мужских профессиональных стандартов культуры.[314] Любопытно, что абсолютно противоположную интерпретацию данный феномен получает у Вульф, которая рассматривает требования внешней привлекательности при приеме на работу и продвижении на службе как форму сексуальной дискриминации и существования так называемой «профессиональной квалификации красоты»,[315] заставляющей женщину отвлечься от реальных успехов в карьере в пользу работы над телом.

[312]Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. P.201.
[313]Ibid. P.198.
[314]Ibid. P.208.
[315]Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С.47.

Как мы проследили, общей чертой структуралистски ориентированных подходов является интерпретация вовлеченности женщин в телесные практики как результата существования некой угнетающей социальной матрицы. При этом для данных подходов характерно рассмотрение феномена «закрепощения» женщины в ее теле в динамике, на протяжении истории. Рассмотренные ранее социологические концепции подчеркивают роль современной культуры консьюмеристского толка в формировании идеалов худобы, при этом связывая следование им среди женщин с вхождением последних в публичное пространство и обретение новых гражданских прав. Если согласно Вульф следование стандартам привлекательности и работа над телом предстает последним оплотом патриархатной власти над женщинами, то согласно Бордо, распространенность телесных практик среди женщин является следствием слияния фемининнных и маскулинных канонов внешнего вида и поведения в контексте общей ориентации потребительской культуры и формирования «булимического» типа личности.

Несмотря на общую тенденцию патриархатного типа культуры отождествлять женщину с ее телом, социальные значения, каноны телесной привлекательности и способы регулирования женских тел претерпевали изменение на протяжении истории. Культурный канон сексуально привлекательного женского тела, сложившийся в современных обществах под давлением массовой культуры и капиталистической экономики, вышел на передний план по сравнению с моделью женского тела как ресурса для воспроизводства населения, доминировавшей в обществах традиционных и индустриальных. Однако и по сей день можно обнаружить два противоположных императива внешней привлекательности и физической культуры женщины: в то время как первый лежит в плоскости потребительской культуры, второй связан с рамкой социальной политики и регулированием репродуктивного поведения. Условно обозначим эти два культурных императива женской телесности «репродуктивным телом» (телом матери) и сексуализированным, но в то же время худым телом.

Краткое обращение к рассмотрению данных идеалов интересно для нас в первую очередь не в свете контроля репродуктивного поведения женщины как такового, но в свете соответствующих ему телесных практик, способов работы над телом и трансформации их символического значения.

Как отмечает ряд социологов, на протяжении истории здоровье и, как следствие, физическая культура, являлись одним из приоритетных направлений социальной политики.[316] Более того, экономические и идеологические особенности того или иного периода развития государства оказывают принудительное воздействие по отношению к репродуктивному поведению.[317] Так, на протяжении XX века в обществах советского типа государство выступало «гегемонным агентом контроля гендерных отношений»,[318] а женщина позиционировалась «как гражданка, чей долг не только производить [товары и услуги], но и воспроизводить население».[319] И по сей день одной из первостепенных задач демографической политики России остается увеличение рождаемости, что подразумевает установление биополитических средств контроля над женскими телами и трансляции определенных нормативных телесных практик в сфере сексуального и контрацептивного поведения.[320] Однако проблема «репродуктивного тела» характерна и для капиталистических обществ того же исторического периода. В западных обществах викторианские идеалы женственности, по выражению Бордо, то возникали, то уходили на второй план на протяжении XX века в связи с чередованием экономически нестабильной обстановки (на переднем плане репродуктивное тело), в частности, периодом второй мировой войны, и стабильных, «сытых» десятилетий (идеалы худобы).[321]

---

[316] Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. №1. С.32.

[317]Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С.118.

[318]Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С.299.

[319]Там же. С.307.

[320]Темкина А.А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С.8.

[321] Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. P.159, 185, 208.

Жаклин Урла и Алан С. Сведлунд отмечают, что воплощением противоположных идеалов «репродуктивного тела» и худого сексуализированного тела в американской культуре может служить Норма и Барби. Под именем Норма подразумевается статуя, совместно созданная в 1945 году американским акушером-гинекологом Р.Л. Дикинсоном и скульптором А. Бельски, на основе антропометрических данных участвовавших в обследовании женщин (белых американок англо-саксонского типа внешности), призванная увековечить телесность среднестатистической американской женщины. При этом в дискурсе СМИ и на повседневном уровне «среднестатистическое» стало отождествляться с нормативным и идеальным. Более того, Норма предстала «идеальной женщиной, такой, какой должна быть американская женщина во время войны: подтянутая, с сильным телом и на пике репродуктивного потенциала».[322] Соответственно, репродуктивный потенциал женщины ассоциировался с определенной физической формой и заботой о здоровье посредством физических упражнений и спорта. Противоположным императивом телесной формы предстает Барби как идеализация канона самоограничения и «тирании худобы», характерной для современной культуры. Обладая нереалистично худыми формами, данная кукла в то же время предстает чрезмерно сексуализированной за счет выделяющихся на фоне тонкой талии груди и бедер. Одновременно телесность Барби можно рассматривать и как отказ от репродуктивной судьбы, навязываемой женщинам первой моделью.[323]

Таким образом, с обретением женщинами б*о*льших прав и свобод, в том числе в области репродуктивного поведения, дисциплинирование телесности и формирование «послушных женских тел» в рамках репрессивной «социальной матрицы» переориентируется с канона

[322] Urla J., Swedlund A.C. The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // Shiebinger L. (ed.) Feminism and the Body. New York: Oxford University Press, 2000. P.412.
[323] Ibid. P.420; Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. P.206.

репродуктивного тела на канон худого и сексуализированного. Как отмечает Бартки, по мере того как женщины оказывают всё большее сопротивление патриархатному порядку выходом в публичную сферу, построением карьеры, отказом от материнской судьбы, происходит разрушение старых форм доминирования над ними. Однако возникают новые формы: «нормативная фемининность все больше концентрируется (centered) вокруг тела женщины – не в плане его долга и обязанности или даже способности вынашивать ребенка, а в плане его сексуальности, говоря более точно, его предполагаемой (presumed) гетеросексуальности и его внешнего вида».[324] При этом, согласно Бартки, новизной данной формы доминирования над женщинами предстает не то, что женщины стали озабочены собственной красотой и привлекательностью как таковыми, а то, насколько образы нормативной женственности наводнили современную культуру. В массовой культуре нормативным образцом становятся модели, телесно воплощающие идеалы красоты, социального совершенства и ценности культуры.[325]

Соответственно, происходит изменение и в культурно легитимируемых телесных практиках для достижения поставленных канонов. Меняется направленность данных практик от воспитания здорового тела для вынашивания новых членов общества к формированию тела худого и сексуально привлекательного посредством самодисциплины (фитнес), самоограничения (диета), а также радикальных хирургических вмешательств (пластическая хирургия). При этом лидирующее положение среди агентов телесной педагогики переходит от государства и его социальной политики к массовой и потребительской культуре.

Итак, структуралистски ориентированные модели интерпретации высокой вовлеченности женщин в различные телесные практики главным образом фокусируют внимание на исследовании и критике некой социальной

[324] Bartky S.L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power // Weitz R. (ed.) The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. P.41-42.
[325] Soley-Beltran P. Modelling Femininity // European Journal of Women's Studies. 2004. Vol.11. No.3. P.317.

матрицы, оказывающей репрессивное и угнетающее воздействие на женщин всех возрастов. Согласно данной теоретической модели, телесные практики предстают навязываемыми патриархатной культурой технологиями контроля женщин, их заключения в собственное тело и исключения из сферы социальной и политической активности. По мере развития общества и формирования потребительской культуры, происходит смещение от канона репродуктивного тела к канону худого сексуализированного тела, хотя в современных обществах они продолжают сосуществовать. В результате культурного давления и образов «идеальных» тел, наводняющих массовую культуру, юные девушки усваивают негативную установку по отношению к собственной телесности и в дальнейшем включаются в различные практики по преобразованию своего внешнего вида в соответствии с интериоризированным «мужским взглядом», критически оценивающим каждую часть тела как недостаточно совершенную.

Таким образом, данные теории сконцентрированы преимущественно на каналах телесной педагогики, транслирующих женщинам негативистскую ориентацию по отношению к телу. Главными агентами «патриархатной» телесной педагогики предстают в первую очередь современная массовая и потребительская культура, а также государственные институты, выступающие проводниками специфической дисциплинарной социальной политики. При этом из поля анализа нередко пропадают собственно техники тела (конкретные способы работы над телом), их социальное и символическое значение, а также индивидуальные смыслы и рефлексивный компонент включения в работу над телесностью. Говоря кратко, в радикальных версиях структуралистски ориентированной феминистской критики телесных практик, женщины предстают «культурными простаками» («cultural dope»), легко подверженными любым манипуляциям со стороны институтов патриархатной культуры, а также не способными проблематизировать воспроизводство техник работы над телом.[326] По

[326] Crossley N. Reflexive embodiment in contemporary society. Berkshire: Open University Press, 2006. P.56.

выражению Валери Стил, в своих крайних проявлениях такой подход имплицитно содержит модель поведения индивида по принципу «обезьяна увидела – обезьяна сделала», абсолютно нивелирующую сознательность членов общества.[327] Наиболее ярким примером этого может служить позиция Вульф, которая полностью слагает ответственность с девушек, ограничивающих свое питание и страдающих «нарушениями пищевого поведения», чтобы обвинить в их поведении исключительно «бесчеловечный общественный порядок».[328] Данный порядок в некоторых работах получает эмоционально окрашенные названия, такие как «тирания худобы», «фашизм худобы», а женщина позиционируется по отношению к нему как «заложница», жертва сформированных в результате социокультурного давления «негласных и функционирующих на полубессознательном уровне стереотипов».[329] Ценностно-мотивационные компоненты включения в телесные практики, их связь с чувством самости, то есть тот комплекс смыслов, который мы вслед за Фуко обозначили в первой главе как «технологии себя», пропадают из структуралистского анализа в социологии тела и гендерной теории.

Более того, поскольку в данной группе теорий речь идет о принудительной силе, оказываемой специфическим патриархатным гендерным порядком по отношению к женщинам посредством телесных практик, структуралистская модель склонна интерпретировать последние исключительно как способы закрепления на поверхности тела идеалов женственности и сексуальной привлекательности с точки зрения доминирующего культурного канона. В меньшей степени в поле внимания оказывается обращение к телесным практикам и работе над телом как к способу конструирования альтернативного канона привлекательности или же

[327] Стил В. Фетиш: мода, секс и власть. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.157.
[328] Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С.300, 304.
[329] Сохань И.В. Производство женской телесности в современном массовом обществе — культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С.68-69, 75.

как к попытке бросить вызов гендерным стереотипам тела женственного (например, в случае женского бодибилдинга).

Тем не менее, серьезным вкладом структуралистской традиции в социологическое изучение телесных практик, распространенных среди женщин, является доказательство того, что тело предстает не просто биологическим, но социальным фактом. Нормы общества оказываются «вписаны» в тела и способы обращения с ними, более того, предписания данных норм отражают определенный гендерный порядок. Благодаря структурализму был осуществлен анализ культуры и специфических социальных институтов, транслирующих нормативные техники тела, а также их гендерная специфика. Согласно сложившимся структуралистским подходам в рамках академического феминизма и гендерной теории, высокий уровень включенности женщин в различные способы работы над телом, отражает их подчиненное положение в патриархатной по своей сути современной культуре, дисциплинирование посредством широко транслируемых канонов сексуально привлекательного тела. В следующем параграфе мы рассмотрим иной ракурс исследования тела и телесных практик женщин – феноменологически ориентированную группу теорий, построенных вокруг личного опыта и смыслов, которыми сами женщины наделяют телесные практики.

2.2. Феноменологическая традиция интерпретации телесных практик женщин

Ранее мы уже отмечали, что в настоящий момент в социологических исследованиях телесности наметилось две методологические тенденции, в целом не противоречащие друг другу, но изучающие феномен тела в двух противоположных ракурсах. Во-первых, это анализ социальных структур, оказывающих принудительное воздействие по отношению к индивиду (ракурс исследования, который мы рассмотрели в первом параграфе второй

главы), во-вторых, изучение сферы индивидуального опыта освоения тела и работы над ним. Ко второй методологической установке относятся феноменологически ориентированные теории и теории действия, преимущественно сфокусированные на проживаемом теле, точнее на том, «как индивиды, будучи телесно воплощенными агентами, начинают заново устанавливать контроль над (материализованными) социальными институтами, которые сами создали».[330] В этом параграфе мы сфокусируем внимание на последнем направлении теоретизирования телесных практик. Для начала рассмотрим общие постулаты проблематизации проживаемого тела в социологических теориях телесности, затем выделим ключевые элементы и концепции феноменологически ориентированной перспективы и уже далее обратимся к интерпретации вовлеченности женщин в телесные практики с позиции этой теоретической традиции. Однако нам представляется важным отметить еще на данном этапе, что феноменологически ориентированные подходы мало представлены в современной гендерной теории и академическом феминизме. Причина этого, как мы отмечали в предыдущем параграфе, состоит в том, что изначально академический феминизм был ориентирован на анализ репрессивной социальной матрицы патриархатного толка, навязывающей женщинам заботу о теле с целью отвлечения их от социально значимой деятельности.

Несмотря на общепринятый характер деления теорий на структуралистские и феноменологические в социологии тела, отнесение разного рода концепций к одной из этих перспектив весьма условно, что особенно заметно в отношении теорий проживаемого тела. Среди отдельных направлений философской и социальной мысли, внесших вклад в данную перспективу, можно выделить и философскую антропологию (М. Шелер, А. Гелен), и феноменологию (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти), и экзистенциалистские теории (Ж.-П.Сартр, С. де Бовуар), а также

[330] Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge, 1998. P.49.

социологические теории действия (Дж. Г. Мид, Х. Йоас и др.). При значимых различиях данных концептуальных направлений, всех их объединяет внимание к микропорядку конституирования социального тела и его переживанию на индивидуальном уровне. В связи с этим Джоан Энтуисл справедливо предлагает использовать для обозначения феноменологической перспективы термин «парадигма телесного воплощения» в противовес «парадигме тела», составляющей ядро структуралистски ориентированных теорий.[331] Как мы уже отмечали в первой главе, «телесное воплощение» («embodiment»), в противовес телу как таковому, предстает ядром феноменологических теорий, маркируя слияние субъективного опыта индивида и его телесного измерения – один из постулатов данной традиции, который мы подробнее рассмотрим далее. В целом, категориальный язык данного направления стремится к закреплению «онтологического превосходства социальных акторов над социальными системами».[332]

В то время как изначально проект социологии тела был сфокусирован на исследовании тела как социального объекта, являющегося результатом взаимодействия различных факторов макропорядка, в дальнейшем в ряде социологических работ была подчеркнута необходимость создания альтернативной программы – программы «телесной социологии» (в разных работах «carnal sociology»[333], «embodied sociology»[334] «corporeal sociology»[335]). Данная программа предполагает создание теории, ориентированной не столько на модель накопления знания *о* телах, сколько получения знания *с точки зрения* тел, субъективного опыта включения в социальные отношения.[336] И если социология тела в первую очередь сконцентрирована на изучении пассивных тел - объектов внешнего контроля,

[331]Энтуисл Дж. Мода и плоть: одежда как воплощенная телесная практика // Теория моды. 2007. №6 (4). С.110.
[332] Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge, 1998. P.49.
[333] Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol.1. No.1. P.43.
[334] Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge. 1998. P.3.
[335]Burkitt L. Bodies of Thought: Embodiment, Identity and Modernity. London: Sage. 1999. P.93.
[336] Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge. 1998. P.3, 24.

то телесная социология проблематизирует активную роль тела в создании социальной жизни.[337] Основным объектом критики структуралистских теорий социологии тела представителями «телесной социологии» выступает латентное воспроизводство в первых картезианского дуализма тело/разум, как следствие, и других фундаментальных оппозиций, таких как объект/субъект, природа/культура.[338] По мнению ряда исследователей, воспроизводство оппозиции тело/разум характерно и для теорий высокого модерна и проекта тела, рассмотренных в первой главе, в которых телесность предстает исключительно объектом влияния социально обусловленных рефлексивных действий индивида в соответствии с личностным проектом, вне зависимости от фактической физиологической данности, способной налагать ограничения на преобразование внешности.[339]

Итак, для того чтобы проанализировать специфику феноменологически ориентированной традиции интерпретации работы над телом, мы аналитически выделили три ключевых категории, вокруг которых выстраивается понимание телесных практик в данной перспективе:

1. *Тело-субъект*. Данный термин используется, чтобы подчеркнуть, что тело и разум, точнее, Я, неразрывно слиты в проживаемом опыте воспринимающего субъекта;
2. *Ситуация* как специфическое соединение психофизиологических, пространственных, исторических, социальных и других факторов среды, в которой укоренен индивид, обусловливающее специфический телесный опыт последнего;
3. *Действие* как реализация преобразующего потенциала тела-субъекта в социальном мире по отношению к относительно устойчивым социальным структурам.

[337] Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol.1. No.1. P.43.
[338] Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4) P.298.
[339] Budgeon S. Identity as an Embodied Event // Body & Society. 2003. 9 (1). P.37.

Рассмотрим по порядку каждый из взаимосвязанных элементов. Утверждая неразрывность тела и сознания, феноменологически ориентированные теории фокусируют внимание на телесных основаниях опыта, отмечая, что познающий субъект всегда есть телесно воплощенный субъект. Картезианское разделение тела и разума, представление об организме как машине, обслуживающей потребности сознания, впервые было широко подвергнут критике в философской антропологии. Так, Макс Шелер призывал к поиску идеи человека неделимого, основной идеи человека. Постулируя онтологическую тождественность физиологических и психических процессов, Шелер отмечал их целенаправленность, ориентированность на целостность, а также принадлежность единому жизненному процессу.[340] Однако наиболее разработанная концепция *тела-субъекта* принадлежит Морису Мерло-Понти, чьи работы широко позиционируются как ключевой ресурс для развития «телесной социологии».[341]

Обращаясь к проблематике соотношения сознания и тела, Мерло-Понти отмечает, что человеческое «Я есть вырастающее из мира тело»,[342] «существование – непрерывное воплощение»,[343] даже физиологические рефлексы не являются исключительно механическими процессами, они всегда следуют «смыслу» ситуации, то есть осуществляются в конкретном социокультурном контексте.[344] Сознание и телесность слиты в акте восприятия окружающего мира: «нельзя сказать, что человек видит, поскольку он есть Дух, или что он есть Дух, поскольку видит: видеть так, как видит человек, и быть Духом – это синонимы».[345] Основанием ориентации индивида в окружающей среде, во-первых, является телесная схема как

[340] Шелер. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс. 1988. С. 79.
[341] Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol.1. No.1.P.45.
[342] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента; Наука. 1999. С.111.
[343] Там же. С.220.
[344] Там же. С.115.
[345] Там же. С.184.

«всеобъемлющее осознание положения в интерсенсорном мире»,[346] представляющая собой подвижную структуру. Несмотря на то, что её базис закладывается в детстве, на протяжении жизни телесная схема может изменяться и модифицироваться в результат старения, болезни и других причин.[347] Другое основание конституирования субъекта составляет подвижность, тело как двигательная способность, «двигательный проект» или «двигательная интенциональность».[348] Восприятие, движение и телесная схема как характеристика пространственности субъекта лежат в основе включения последнего в мир, его познания и совершения действия в соответствии с интенциональными проекциями. При этом в жизни индивида разворачивается драма быть увиденным другим как объект, одновременно переживая себя в качестве субъекта и стремясь закрепиться в этом качестве в глазах других.[349]

Интересно, что концепция генезиса телесной схемы, предложенная Мерло-Понти, отчасти перекликается с социологическим творчеством Джорджа Герберта Мида. По Миду, ребенок определяет свои телесные границы через освоение поверхностей окружающих его вещей, таким образом, обретая ощущение собственной целостности через воздействие на него (давление объема) других объектов физического мира: «объект пробуждает в организме не только реакцию на физическую вещь, но и реакцию на себя как на объект, вызывающий эту реакцию».[350] «Двойственность ощущений» воспринимающего субъекта, проявляющаяся в синтезе зримого тела (объекта) и тактильного тела (субъекта), отмечается и у Мерло-Понти. При этом, согласно Миду, и генезис Я неразрывно связан с осознанием себя как объекта через принятие установки других: «лишь

[346]Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента; Наука. 1999. С.139.
[347]Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. С. 200.
[348]Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента; Наука. 1999. С.152.
[349]Там же. С.221.
[350]МидДж.Г. Физическая вещь // Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 169.

принимая роли других, мы стали обращаться к самим себе».[351] Таким образом, и телесная схема, и Я конституированы формированием объектного отношения к себе в результате освоения сначала вещности физического мира, а затем его социальности, структуры ролей. Тем не менее, принципиальным отличием концепций данных авторов выступает то, что Мид, будучи социальным бихевиористом и разрабатывая модель рефлексивной организации поведения,[352] отводит главную роль в организации первичных реакций организма на воздействие внешней среды функционированию головного и спинного мозга, исключая органы чувств как предоставляющие информацию лишь о вторичных качествах физических объектов.[353] Данный подход не предполагает преодоление дихотомий, на которое направлены теоретические построения феноменологии Мерло-Понти.

Итак, формирование телесной схемы подразумевает освоение собственного тела, его данности для себя, пространства движений и, как следствие, специфических техник тела. Не случайно ряд социологов отмечает близость концепций французского феноменолога и его соотечественника Мосса.[354] Согласно идеям Мерло-Понти, даже способы восприятия окружающего мира (например, способы видения, слушания, трогания) представляют собой результат специфического научения, освоения социокультурных форм поведения, а формирование телесной схемы подразумевает усвоение специфических схем восприятия.[355] Тем не менее, описывая техники тела, Мосс в большей степени уделяет внимание структурным факторам, обусловливающим способы использования тела,

[351]МидДж.Г. Генезис *Я* и социальный контроль // Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С.226.
[352]Николаев В.Г. Джордж Герберт Мид и его «Философия настоящего» // Мид Дж.Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С.256.
[353]Мид Дж.Г. Физическая вещь // Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С.174, 176.
[354]Crossley N. The Social Body: Habit, Identity and Desire. London: Sage Publications Ltd. 2001. P.73. КонцепциютехниктелаМоссамыподробнорассмотреливовторомпараграфепервойглавы.
[355] Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol.1. No.1. P.47.

нежели личному опыту их освоения в процессе формирования телесной схемы.[356]

Признавая социокультурный характер освоения схем восприятия и использования тела, формирования образа тела и его объект-субъектного характера, подойдем ко второму ключевому понятию, составляющему основу феноменологически ориентированных теорий, понятию *ситуации* как специфического контекста, в который помещен телесно воплощенный субъект. Значимость положения индивида в мире для характера его бытия была последовательно рассмотрена в экзистенциалистской теории Жан-Полем Сартром. Так, по Сартру, «быть для человеческой реальности значит *быть-здесь*, то есть "здесь на этом стуле", "здесь за этим столом", "здесь на вершине этой горы, с этими измерениями, этой ориентацией и т. д."».[357] Фактичность положения человека в пространстве определяет точку восприятия окружающего мира и задает ориентацию для действия, реализации свободы в индивидуальных проектах. В феноменологии Мерло-Понти тело также предстает «одним из модусов объективного пространства»,[358] а восприятие и познание мира всегда обусловлено местом, в которое помещает себя тело-субъект. Однако не только пространственная ориентация задает специфическую ситуацию субъекта. Особую значимость приобретает и темпоральный аспект, представляющий собой субъективную историю индивида, ориентацию в настоящем на основании двух горизонтов – удержания (прошлого) и предвосхищения (будущего),[359] обусловливающих временну*ю* структуру опыта. Одновременно, ситуация тела-субъекта относится не только к пространственному расположению, темпоральности и биографичности опыта, но и социокультурному контексту восприятия и действия в мире. Как мы отметили выше, освоение тела и объектов

[356] Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge. 1998. P.51.
[357]Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2004. С.329.
[358] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента; Наука. 1999. С.106.
[359]Там же. С.104.

окружающего мира происходит в социокультурной среде и предполагает одновременное усвоение соответствующих культурных практик движения, смотрения, говорения, слушания и т.д. Ситуация, уточняет Айрис Мэрион Янг, обозначает то, каким образом «факты телесного воплощения, социального и физического окружения предстают в свете проектов, которые есть у личности».[360] Иными словами, не только окружающая среда может накладывать конкретные ограничения на интенциональные проекты личности, но и телесность как таковая.

Таким образом, мы плавно переходим к третьему категориальному компоненту теорий «парадигмы телесного воплощения» - *действию*. Действие оказывается обусловлено специфической ситуацией, но в то же время оно предполагает и действующего субъекта, телесно-биографический индивидуальный контекст: «Наше восприятие ситуации предзадано в наших способностях к действию и в наших актуальных диспозициях действия; какое действие будет реализовано, решается на основе рефлексивного отношения к пережитому в ситуации вызову».[361]

В классических социологических теориях действия телесность индивида оставалась за скобками анализа как сфера само собой разумеющегося, что, по мнению Брайана Тернера, было следствием первоначальной ориентации таких концепций на экономику и право.[362] Даже несмотря на то, что физический организм выступал одной из подсистем действия наряду с личностной, культурной и социальной подсистемами в структурно-функционалистской модели Толкотта Парсонса, за ним закреплялись исключительно адаптивные функции по отношению к физической среде.[363] В результате телесность индивида надолго предстала сверхдетерминированной нормативным социальным порядком.[364]

[360] Young I.M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity // Ratio. 2002. Vol.15. № 4. P.415.
[361]Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. С.179.
[362]Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994, вып. 6. С.143.
[363]Парсонс Т. Системы действия и социальные системы // Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 16.
[364]Shilling C.The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.8.

Одновременно в философской антропологии разрабатывалась идея действия как точки слияния сознания и тела. Так, Арнольд Гелен указал на то, что действие представляет собой «совершенно неразрывное, до-проблематическое единство своего рода».[365] Различение мыслительного процесса и физической операции является результатом последующей за действием рефлексии, в то время как в самом процессе действия они слиты. Действие отражает активную роль субъекта в социуме, поскольку всегда содержит в себе преобразующий потенциал по отношению к миру культуры.[366]

В настоящее время в социологической теории можно услышать призыв к признанию проблематики отношения действующего субъекта к телу ключевой для теории действия.[367] Немецкий социолог Ханс Йоас обозначает две проблемные области, которые должны составить социологическое изучение действия: биологические предпосылки возможности действия и развитие данности тела для субъекта действия, то есть конституирование телесной схемы.[368] Во-первых, физиологические факторы (например, болезнь или инвалидность) могут накладывать ограничения на социальную активность, во-вторых, освоение собственного тела предполагает наличие некой первичной социальности, опосредованность физиологического опыта социальными отношениями. Эти постулаты возвращают нас к проблематике тела-субъекта и ситуации, а также их взаимосвязи с действием.

Обозначим, какие перспективы данные основания феноменологически ориентированных подходов к изучению тела открывают для социологического изучения телесных практик. Итак, телесный опыт индивида как целостного Я опосредован специфическим социокультурным, биографическим и физическим контекстом, в который он помещен. Сформированная телесная схема и приобретенные способы использования

[365]Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С.160.
[366]Там же. С. 160-161.
[367]Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. С.189-190.
[368]Там же. С.191.

тела, которые мы обозначаем вслед за Моссом как техники тела, являются результатом взаимодействия данных контекстов, то есть конкретной ситуации индивида. И поскольку действие несет в себе преобразующий потенциал по отношению к миру культуры, работа над телом в рамках данной теоретической традиции, на наш взгляд, может символизировать, с одной стороны, эмерджентность и подвижность Я в специфическом биографическом контексте, с другой, трансформирующую активность по отношению к культурным нормативам самопрезентации и поведения, а также ситуации индивида.

В кругах академического феминизма и гендерной теории призыв обратиться к конкретному жизненному опыту женщины как познающего субъекта стал широко слышен ближе к концу XX века.[369] Данной методологической установке сопутствовали практико-политическая и познавательная ориентации, характерные для феминистского движения: «теоретик должен сразу же отбрасывать любое объяснение, которое предполагает приписывание женщине как субъекту (female subject) собственных взглядов теоретика относительно того, кто она есть, чего она хочет и что ей следует иметь, до того как была предпринята попытка исследовать самосознание (self-understanding) этого субъекта».[370] Переориентация исследовательской практики со структурных факторов закрепощения женщины на личный опыт последней продуктивна для изучения индивидуального контекста освоения тела, в том числе работы над телом, а также смыслов, которыми ее наделяют воспринимающие субъекты.

Введение в поле анализа телесно воплощенной женщины-субъекта и внимание к микропорядку её ситуации привело некоторых исследователей к радикальному пересмотру теории гендера, имеющему последствия и для проблематизации телесных практик, распространенных среди женщин. Так,

[369]Смит Д.Е. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 30

[370]Эльштайн Дж.Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.73

Торил Мой предлагает и вовсе отбросить категорию гендера, поскольку аналитическое деление пол/гендер «затормаживает» развитие адекватной теории тела и субъективности. Более того, это деление оказывается «попросту бесполезным для задачи продуцирования конкретного исторического понимания, что значит быть женщиной (или мужчиной) в данном обществе»,[371] в то время как «субъективность всегда телесно воплощена».[372] Для решения указанной проблемы Мой предлагает обратиться к экзистенциалистской теории ситуации, формулируя тем самым концепт тела-в-ситуации («body-in-situation») как альтернативу категории гендера. По мнению Янг, такое определение тела позволяет, во-первых, описать целостного телесно воплощенного субъекта в историческом и социальном контексте без использования делений на природное и культурное; во-вторых, избежать искусственного дробления идентичности индивида по гендерному, расовому и другим признакам в зависимости от задач теории или исследования. В-третьих, такой подход позволяет проанализировать сексуальное желание вне отсылок к сексуальной ориентации как к некому стабильному ядру личности.[373] Так что же составляет специфическую ситуацию женщины, обусловливающую её вовлеченность в работу над телом?

Первое и классическое описание экзистенциальной ситуации женщины было представлено в работе «Второй пол» Симоны де Бовуар, на которую ссылается Мой в построении концепции тела-в-ситуации. По Бовуар, характер и модели поведения, ассоциируемые с женщинами и воспроизводимые ими, есть результат реакции последних на специфическое воспитание, «становление» как Других в мире мужчин,[374] не только наделенных социальными привилегиями, но и способных к

[371]Moi T. What is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory // What Is a Woman?: And Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 2001. P.4-5.
[372]Ibid. P.67
[373] Young I.M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity // Ratio. 2002. Vol.15. № 4. P.410.
[374] Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./ Общ.ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С.40.

трансцендентности: «“характер” женщины, то есть ее убеждения, ценности, мудрость, нравственность, вкусы и поведение, объясняется ее “ситуацией”».[375] Бовуар последовательно рассматривает контекст, этапы и драму освоения девочкой, девушкой и женщиной своей имманентной роли Другого.[376] Мир женщины имманентен, замкнут в собственном теле и сфере обслуживания мужчин лишь потому, что ситуация, в которой она пребывает, характеризуется ограниченным горизонтом, сужением сферы ответственности и смирением перед порядком вещей.[377] Именно потому женщины уделяют много внимания и своему телу, притом, что, согласно Бовуар, «плоть женщины не более требовательна, чем плоть мужчины».[378] Воспринимая собственную телесность как обещание счастья и произведение искусства, объект мужского внимания, женщина сосредоточивается на ее украшении, таким образом, компенсирует собственную «неполноценность» в социальной сфере.[379] До сих пор концепция женской ситуации Бовуар вызывает споры в среде академического феминизма. Так, для Мой такой подход выступает позитивной основой для построения собственной теории, в которой осуществляется отказ от жестких структур гендера в пользу проживаемого тела.[380] В то же время Джин Бетке Элштайн указывает на негативную трактовку женщины в работе французского философа и призывает отказаться от такого подхода, обратившись к отличным от мужских формам самопонимания и самоинтерпретации женщины-субъекта.[381]

Нам трудно не согласиться с последней точкой зрения, поскольку общечеловеческие ценности и интересы в трактовке Бовуар, по отношению к которым женщины оказываются исключены в силу своей ситуации,

[375]Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./ Общ.ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С.702.
[376] Там же. С.338-339.
[377]Там же. С.675.
[378] Там же. С.680.
[379]Там же. С.697, 703.
[380]Moi T. What is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory // What Is a Woman?: And Other Essays. Oxford: OxfordUniversityPress, 2001. P.67.
[381]Эльштайн Дж. Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.76-77.

понимаются исключительно в терминах мужских сфер деятельности, моделей поведения и рациональности. Женщина же, будучи включенной в иные формы деятельности и интересы, трактуется в работе «Второй пол» как «нечто среднее между самцом и кастратом»,[382] выражаясь словами самой Бовуар.

Как мы видим, в работе Бовуар интерпретация телесных практик, распространенных среди женщин, несмотря на исходную феноменологическую и экзистенциалистскую ориентацию, ведет к критике патриархатного общественного устройства, то есть выходит на уровень структур, оказывающих принудительное воздействие по отношению к женщине. В таком смысле она близка структуралистски ориентированным подходам, интерпретирующим вовлеченность женщин в работу над телом как результат интериоризации «мужского взгляда», которые мы рассмотрели в первом параграфе данной главы. Тем не менее, представительница французского экзистенциализма рассматривает модель самовлюбленной женщины как сфокусированной на собственной самопрезентации (и теле) лишь как одну из возможных реакций женщины-субъекта на свою ситуацию, наряду с растворением в любимом мужчине и религиозными поисками.[383] Однако в целом такая близость к структурализму не случайна. Одним из направлений критики феноменологически ориентированных подходов выступает отсутствие адекватных аналитических инструментов для анализа социальных структур, приводящее к тому, что, пытаясь выйти с микро- на макро- уровень теоретизирования, представители «телесной социологии» неизбежно оказываются в лагере структуралистов.[384]

---

[382] Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./ Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С.310.

[383] Там же. С.704.

[384] Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4) P.298-299. Интересной иллюстрацией данной ситуации может служить выстраивание теории социального тела Ником Кроссли в книге «The Social Body: Habit, Identity and Desire» (London: Sage Publications Ltd, 2001). Так, начиная с тезиса о преодолении картезианского подхода к телу как к машине и построении в социологии теории тела-субъекта на основе работ Мерло-Понти, Кроссли приходит к концу книги к выводу о том, что границы наших тел, способы их освоения и телесно воплощенное действие ограничены коллективными представлениями конкретных обществ, а в социальном контексте, ситуации субъекта есть элемент неизбежной судьбы (P.150). Тем не менее, социолог находит в современном

При этом феноменологически ориентированная традиция не исключает возможность диссоциация субъекта с собственным телом,[385] и как следствие, формирование у женщины объектной установки по отношению к телесности или даже «тела ненавидимого» (в терминологии Лиз Фрост). В этом смысле феноменологические теории могут опираться на результаты исследований в психологии. Феномен отчуждения женщины от собственного тела проблематизируется в ряде психологических концепций, а его возникновение связывается с «переживанием собственной телесности как неценной».[386] Как отмечает Елена Борисовна Станковская, потеря ценности воплощения женщиной возможна во взаимодействии с другими людьми и культурными паттернами феминности. В таком случае в результате неуверенности в себе женщина обращается к практикам работы над телом в попытке «формально воссоздать культурные каноны и получить подтверждение собственной значимости в этом аспекте от окружающих, в частности, через моделирование «совершенного» тела».[387]

Не исключает феноменологический подход к телу как к проживаемому и вторжение образов патриархатной культуры в субъективный образ тела, результирующее в расхождении фантазий об идеальной феминной телесности и «реального» тела, и как следствие во включении в телесные практики.[388] Однако в таком случае теории проживаемого тела оказываются прелюдией к построению модели репрессивной социальной матрицы, принуждающей женщин заботиться о самопрезентации. Тем не менее, было

обществе и стратегии сопротивления доминирующим телесным образцам в виде различных протестных социальных движений и «политик идентичности» (P.160).

[385]Ярким примером феноменологически ориентированной теории диссоциации субъекта с телом является концепция «отсутствующего тела» («absent body») Дрю Ледера (The Absent Body. Chicago: University of Chicago Press, 1990). По Ледеру, в повседневной деятельности тело выпадает из внимания субъекта, возникая в опыте воспринимающего субъекта преимущественно в связи с переживанием травмы и болезни, которые ограничивают действия индивида. В интерпретации Криса Шиллинга, данный подход предлагает не универсальную концепцию проживаемого тела, а лишь отражает положение телесно воплощенных субъектов в высоко рационализированных обществах, в которых главным образом ценится действие инструментальное (Shilling C.The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.57).

[386] Станковская Е. Б. "Моё чужое тело": формы современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 4. С. 112-119.

[387] Там же. С. 112-119.

[388] Evans M. Real Bodies: An Introduction //Evans M., Lee E. (ed.) Real Bodies: A Sociological Introduction. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2002. P.9-10.

бы неверно заявить, что только этим исчерпываются ресурсы «парадигмы телесного воплощения» для исследования женщины-субъекта. Построение теории с точки зрения субъекта и микропорядка его взаимодействий как прелюдия к анализу подавляющих социальных структур составляет лишь одну из трех возможных стратегий интерпретации телесных практик в данной перспективе наряду с двумя другими. Согласно второй стратегии, телесные практики предстают как способы «одомашнивания» женщинами своего тела, а также ресурс для трансформации жизненной ситуации. Третья же стратегия предполагает рассмотрение позитивного потенциала работы над телом для вызова доминирующим стандартам фемининной привлекательности. Обе стратегии в первую очередь проблематизируют радикальные вторжения в тело, способные полностью преобразовать внешность – косметические процедуры и пластическую хирургию. Далее кратко остановимся на каждой из них.

Стратегия интерпретации телесных практик как способов «одомашнивания» тела с точки зрения женщины-субъекта наиболее ярко представлена в работах Кэти Дэвис. Проведя серию интервью с женщинами, имеющих опыт обращения к пластической хирургии, Дэвис делает вывод о том, что биографические истории о пластических операциях – это в первую очередь истории об идентичности, а в процессе интервью происходит нарративное оформление и выстраивание связанного чувства самоидентичности, целостного Я.[389] В ряде жизненных ситуаций выбор в пользу пластической хирургии отражает стремление женщин «стать телесно воплощенными субъектами в противовес объективированным телам».[390] Кейсы, которые представлены в исследовании социолога, демонстрируют, что женщины не всегда идут на операции с целью повысить собственную привлекательность, привести себя в соответствие с доминирующими идеалами женственного тела. Проблема во внешности и следующая за этим

[389] Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. P.98.
[390] Ibid. P.161.

диссоциация с собственным телом способны, по мнению Дэвис, спроектировать такую биографическую траекторию страдания, которая оказывает разрушающее воздействие на Я конкретной женщины, сходное с воздействием хронического заболевания.[391] Единственным решением такой проблемы в глазах женщин становится пластическая операция. И даже в ситуации, когда операция оказывалась неудачной, негативный опыт придал женщине сил для того, чтобы взять жизнь в собственные руки, а в одном из кейсов и стать активисткой, ведущей публичную деятельность по информированию женщин и контролю над качеством операций и материалов, используемых в них.[392]

Помимо того, что выбор в пользу пластической операции принимается женщинами осознанно, в исследовании Дэвис отражено и то, что решение вторгнуться в собственное тело не всегда дается женщинам легко. Женщины не только критично подходят к распространенным стандартам красоты, но и к операциям как таковым, просчитывая возможные риски.[393] Ряд исследований подчеркивает и ограничения, которые женщины сами накладывают на вторжение в те или иные части тела, например, на модификацию лица, в частности, ринопластику, в связи со стойкой ассоциацией лица с идентичностью индивида.[394] Чувство Я неизбежно инкорпорировано в тело, а тело уже предстает воплощением Я, поэтому, делая выбор в пользу модификации тела, женщина, согласно исследованию Шелли Баджеон, стремится в первую очередь повысить уверенность в себе и изменить привычные стратегии поведения.[395] Женская телесность, таким образом, предстает как *событие*, то есть оказывается вовлеченной в непрерывный процесс «становления», неразрывно связанный с формированием самости в конкретный промежуток времени.[396]

[391] Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. P.161.
[392] Ibid. P.153.
[393]Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. P.136.
[394]Budgeon S. Identity as an Embodied Event // Body & Society. 2003. 9 (1). P.46.
[395]Ibid. P.47.
[396]Ibid. P.50.

Данный подход, нацеленный на голоса самих женщин, нередко подвергается критике за недооценку структурных факторов, задающих нормативные образцы работы над телом и ее конечных, но всегда недостижимых целей и идеалов внешности.[397] Отчасти, акцент на личном выборе и индивидуальной ситуации действительно роднит феноменологически ориентированные направления интерпретации телесных практик с постфеминистским и неолиберальным пониманием субъекта. В данном понимании телесные практики предстают как результат личного свободного выбора женщины, способной в современном мире принять решение как в пользу них, так и против, благодаря плодам феминистского активизма в XX веке.[398] Однако фокус на автономном выборе и независимых субъектах действия подчас исключает любой культурный контекст, в котором осуществляется данный выбор, в частности, нормативные образцы фемининной привлекательности.[399] Тем не менее, на данную проблему указывает и Дэвис, когда говорит о дилемме пластической хирургии. Дэвис не отрицает структурного давления на женщин идеалов красоты и отмечает необходимость критического подхода к широкому распространению практик вмешательства в тело. Но при этом в ее работе подчеркивается потенциал женщин к сознательному и креативному обращению к пластике.[400] Тем самым, женщины не превращаются в «культурных простаков», ведомых навязываемыми образами сексуально привлекательного женского тела.

В третьей стратегии проблематизации телесных практик с точки зрения «парадигмы телесного воплощения» в академическом феминизме упор сделан на активистском обращении к способам преобразования тела, в первую очередь, к пластической хирургии, но и не только. В данном случае речь идет о призыве бросить вызов доминирующим образцам фемининной

[397] Negrin L. Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity // Body and Society. 2002. 8(4). P.26.
[398] Stuart A., Donaghue N. Choosing to conform: The discursive complexities of choice in relation to feminine beauty practices // Feminism and Psychology. 2012. 22 (1). P.99.
[399] Gill R.C. Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and 'Choice' for Feminism: A Reply to Duits and van Zoonen // European Journal of Women's Studies. 2007. Vol.14. No.1. P.73.
[400] Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. P.180.

привлекательности с помощью сознательной модификации тела. Так, Энн Бальзамо предлагает посмотреть на косметические процедуры и пластическую хирургию как «фасонную хирургию» («fashion surgery»), позволяющую женщинам воплощать и проигрывать культурные идентичности, как в случае с различными субкультурными и контркультурными течениями, бросающими вызов доминирующим эстетическим суждениям.[401] Кэтрин Паули Морган призывает дестабилизировать образы нормативной фемининности, во-первых, реконструируя и закрепляя на теле каноны «уродства», противопоставляемого «красоте» (например, уменьшая или растягивая грудь, выбеливая волосы, провоцируя раннее возникновение морщин с помощью специальных косметических средств). Во-вторых, Морган пишет о необходимости отчасти последовать коммодификационным стратегиям рынка пластической хирургии, распространяя в публичном пространстве визуальные образы и информационные сообщения о пластике, а также демонстрационные образцы «до и после» касательно возможных «улучшений» мужского тела, тем самым формируя у широких слоев женщин экспертность в данной практике.[402] В данном контексте в поле внимания феминистских исследователей оказалась французская художница Орлан, в конце XX века организовавшая серию публичных перфомансов из хирургических вмешательств в свое тело.[403] По заверениям художницы, одной из целей данных перфомансов выступило не только стремление разрушить стереотипный образ пластической хирургии, но и доказать, что тело представляет собой пережиток прошлого, путем борьбы с фиксированной и запрограммированной телесной природой с помощью

[401]Balsamo A. Technologies of the Gendered Body. Reading Cyborg Women. Durham and London: Duke University Press. 1996. P.78-79.
[402] Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6.№ 3. P.45-47.
[403]Инс К. Орлан. Операции как переодевание: тело и пределы его возможностей // Теория моды. 2012. 23. С.153-154.

оперативных интервенций.[404] По мнению Дэвис, проект Орлан, как и призывы в рамках гендерной теории к политическому действию с помощью пластической хирургии, предстают как феминистские утопии, игнорирующие телесные страдания и боль, сопровождающие любое радикальное вторжение в тело, а также риски операций. Материальность тела как таковая исчезает за данными призывами, не принимаются в расчет границы телесного преобразования, неотвратимые биологические процессы старения, болезни и умирания.[405] Помимо этого, такие утопии не берут в расчет переживания реальных женщин по поводу собственного внешнего вида, которые вряд ли позволят последним легко пойти на любые преобразования внешности в пользу «уродства», а не «красоты».[406]

Однако пластическая хирургия – не единственный ресурс сопротивления доминирующим стандартам женской привлекательности. Среди других ресурсов, составляющих предмет феминистского анализа, можно встретить и женский бодибилдинг,[407] и такие субкультурно поддерживаемые методы вписывания идентичности в тело, как татуирование, шрамирование, пирсинг. Тем не менее, последние также подвергаются критике как практики членовредительства, являющиеся результатом формирования негативной установки к собственному телу в патриархатной культуре.[408]

Итак, подведем итог вышеизложенной характеристики основных положений феноменологически ориентированных интерпретаций женской вовлеченности в телесные практики. Как мы видим, за обозначением «парадигма телесного воплощения» скрывается мозаика различных методологических подходов, однако у всех у них есть нечто общее.

---

[404]Orlan on becoming-Orlan. ‘I do not want to look like…’ // Fraser M., Greco M. (eds.) The Body: A Reader. London and New York: Routledge. 2005. P.314.

[405]Negrin L. Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity // Body and Society. 2002. 8(4). P.34.

[406] Davis K. ‘My Body is My Art’: Cosmetic Surgery as Feminist Utopia? // Davis K. (ed.) Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body. London: Sage Publications Ltd. 1997. P.178-179

[407] Martin L.St., Gavey N. Women's Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity's Recuperation? // Body & Society. 1996. Vol.2. No.4. P.46,56.

[408]Jeffreys S. ‘Body Art’ and Social Status: Cutting, Tattooing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism & Psychology. 2000. Vol.10. No.4. P.410.

Исследовательский фокус на ситуации женщины-субъекта позволяет представителям данной традиции не только обратиться к конкретным способам освоения женщинами специфических техник тела наряду с конституированием телесной схемы, но и к индивидуальному смысловому наполнению вовлеченности в преобразование тела и внешности. Тем не менее, интерпретация освоения и воспроизводства специфических техник тела, идущая от субъективного опыта женщины, имеет тенденцию к сведению опыта проживаемого тела к структурному принуждению женщин следовать нормативам фемининной привлекательности (и в таком случае фокус на проживаемом теле является прелюдией к построению теории тела упорядоченного социальными факторами). В качестве противоположной тенденции можно отметить и интерпретацию техник тела как личного выбора автономного субъекта, существующего в социальном вакууме, то есть вне институционально санкционированных каналов передачи техник тела (уровня телесной педагогики).

Пытаясь выстроить альтернативные структуралистскому образу «культурного простака» концепции женщины-субъекта, вовлеченной в специфические телесные практики, представители феноменологически ориентированных подходов обращаются к уровню анализа, который мы обозначили как «технологии себя» вслед за Фуко в первой главе, то есть к ценностно-мотивационному компоненту работы над телом, его связи с личной идентичностью. В таком контексте в поле внимания исследователей оказываются главным образом даже не столько рутинные техники тела, сколько радикальные, совершаемые время от времени вмешательства в женскую телесность – косметические и пластические процедуры. С одной стороны, такие вмешательства могут выглядеть в глазах женщин как единственный шанс взять жизнь в свои руки, стать телесно воплощенным субъектом, преобразовать свою жизнь путем осознанного действия и приведения в соответствие тела и чувства Я. С другой стороны, активистское крыло академического феминизма призывает к политическому действию

посредством хирургических процедур или регулярной работы над телом, подрывающих основания культурного представления о привлекательности, а также конституируя альтернативные культуры женственности.

Таким образом, в целом, в своих умеренных версиях феноменологическая и структуралистская перспектива не противоречат друг другу, будучи сфокусированы на различных уровнях интерпретации телесных практик. В некоторой степени они дополняют друг друга, представляя многоуровневую интерпретацию феномена. Однако, как мы уже отметили, интеграция данных подходов в рамках одного исследования нередко оказывается проблематичной; в результате, одна из моделей, будь то модель женщины-марионетки патриархатной культуры или же модель женщины-субъекта, одерживает верх над другой. Более того, в то время как структурализм в большей степени фокусируется на каналах телесной педагогики, феноменология и теории действия преимущественно проблематизируют специфические техники тела и технологии себя.

Задача соединить в рамках одной аналитической схемы все уровни анализа встала перед социологами-теоретиками, социологами тела и представителями гендерной теории во второй половине XX века. В следующем параграфе данной главы мы подробнее остановимся на интегративных теориях интерпретации вовлеченности женщин в телесные практики.

2.3. Интегративные подходы к интерпретации телесных практик женщин в современной социологии

2.3.1. Женская телесность, телесные практики и оппозиция структура/действие в социологии

В предыдущих параграфах данной главы мы рассмотрели специфику двух методологических традиций интерпретации высокого уровня вовлеченности женщин в различные телесные практики. В целом, условно обозначенные как «структурализм» и «феноменология», оба направления не противоречат друг другу, представляя собой разные фокусы исследовательского внимания: на социальной структуре и институтах, оказывающих принудительное воздействие на женщин, и на проживаемой ситуации женщин как полноправных субъектов действия, сознательно делающих выбор в пользу работы над телом. В данном разделе мы обратимся к анализу существующих интегративных теорий в социологии, задуманных как последовательное слияние обеих перспектив в единую аналитическую схему, для того чтобы сделать вывод об их применимости к исследованию телесных практик, распространенных среди женщин. Во второй части параграфа рассмотрим концепцию «телесного реализма» Криса Шиллинга как попытку решить проблему структура/действие в социологии тела. Также мы сделаем выводы о возможности интеграции данной концепции с выделенными в первой главе уровнями анализа телесных практик (техник тела, технологий себя, телесной педагогики) и социально-конструктивистским подходом к гендеру, проанализируем значение данной теоретической схемы для социологического исследования вовлеченности женщин в работу над телом.

Как справедливо отмечает Айрис Мэрион Янг, структурализм и феноменология решают собственные задачи, представляя в совокупности целостный взгляд на явления социального мира и ситуацию женщины.

Структуралистски ориентированные теории работают с понятием гендера, позволяющим выйти на уровень анализа институтов, объясняя структурное неравенство между мужчинами и женщинами, фокусируясь на анализе разделения труда по полу, нормативной гетеросексуальности, иерархиях власти. В противоположность этому феноменологическая ориентация на изучение проживаемого тела предоставляет возможность обратиться к индивидуальному опыту включения в социальный мир, избежав редукций и дихотомий природы/культуры, маскулинного/фемининного, тела/разума и др.[409] В таком понимании сама категория гендера выступает «частной формой социального позиционирования проживаемых тел по отношению друг к другу в рамках исторически и социально специфических институтов и процессов, оказывающих существенное влияние на условия, в которых люди действуют и воспроизводят отношения власти и привилегии между собой».[410] Следовательно, в случае структуралистской интерпретации вовлеченности женщин в телесные практики, речь идет о социально предписываемых патриархатными институтами нормативах фемининной привлекательности, способных оказывать давление на женщин, тем самым мотивируя их включаться в непрекращающуюся гонку за идеальным телом, никогда не соответствующим телу реальному. Таким образом, женщина оказывается сведена к телесности, что отвлекает ее от социально и политически значимой деятельности. В противовес этому, феноменологически ориентированные теории делают акцент не просто на личном опыте освоения женщинами телесных практик, но и на креативной адаптации к доминирующим стандартам красоты или даже попыткам бросить вызов существующим нормативам внешности.

Как мы уже не раз отмечали, методологическая дилемма структурализм/феноменология в социологии тела в целом отражает социологическую проблему структура/действие. В своих радикальных

[409] Young I.M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity // Ratio. 2002. Vol.15. № 4.P.417, 419, 422.
[410]Ibid. P.422.

версиях структуралистской и феноменологической парадигмам свойственно упрощать многообразие феноменов телесного измерения существование человека. При этом, в случае структурализма, перенося фокус исследовательского внимания с собственно женского тела и телесных практик на структуры и социальные институты (каналы телесной педагогики), а в случае феноменологии - уделять недостаточно внимания структурным факторам, обусловливающим телесный опыт вовлеченности в работу над внешностью (фокус на технологиях себя). Если в первой перспективе тело женщины оказывается сверхсоциализированным, то во второй – сверхиндивидуализированным.[411] Поэтому неудивительно, что в конце XX века ряд социологов предпринял попытку построить интегративную теорию, включающую в себя и структурный анализ, и адекватные аналитические инструменты для изучения действия индивидуального актора, в случае нашего теоретического исследования, выбора женщин в пользу практик работы над телом. Тем не менее, данные интегративные теории были сформулированы в первую очередь в рамках социологии, а не академического феминизма и теории гендера. Поэтому мы обратимся к этим современным социологическим интегративным теориям с целью их прочтения с позиции нашего предмета, а также для того, чтобы сделать выводы об их релевантности для социологического изучения вовлеченности женщин в телесные практики.

Предтечу интегративных подходов в социологии некоторые авторы видят в социологическом наследии Ирвинга Гофмана.[412] Однако в отличие от современных социологов, Гофман не ставил цель объединить структурализм и феноменологию в одной аналитической схеме. Выше мы уже рассмотрели значимость идей социолога для исследования взаимосвязи идентичности индивида и его внешности. Согласно его драматургическому подходу,

[411] Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 19.
[412] Crossley N. Body techniques, agency and intercorporeality: on Goffman's Relations in Public // Sociology. 1995. Vol.29(1). P.134, 146-147.

телесность индивида представляет собой репрезентацию личности, поэтому целенаправленная работа над внешностью и манерами поведения является неотъемлемым компонентом самопрезентации во взаимодействии с другими людьми. Руководствуясь стремлением произвести наиболее положительное впечатление, индивиды прибегают к так называемой «работе лица» («face work»)[413] во время информационной игры взаимодействия с целью выдать себя в более выгодном свете.[414] Данный аспект социального взаимодействия выражает степень свободы, предоставляемую субъекту относительно собственного телесного выражения и внешнего вида. Однако Гофман не упускает из внимания и элемент структурного влияния на поведение индивида. Так, усвоение определенных манер поведения и специфических техник тела происходит не в социальном вакууме, а в рамках статусной позиции. За определенным статусом социально закрепляются конкретные способы жестикуляции, умение одеваться, владеть телом и экспрессивной телесной компонентой – всё это усваивается в результате социализации.[415] Выбирая модель поведения и внешнего вида, желая выставить себя в лучшем свете, индивид может ориентироваться на черты, атрибутируемые конкретному социальному статусу. Тем не менее, статусная позиция не единственное, что может детерминировать техники тела индивида. Отдельно стоит упомянуть в концепции Гофмана язык или идиому тела («body idiom»), представляющую собой нормативный компонент, связанный с социальными представлениями и ожиданиями соблюдения тех или иных конвенций тела.[416] Данное понятие отражает то, что телесно воплощенные знаки экспрессивного выражения институционализированы и существуют для оценки значений, которые индивид, участвующий во взаимодействии и использующий данные

[413] Гофман Э. О работе лица. Анализ ритуальных элементов социального взаимодействия // Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. / Перевод с англ. С.С. Степанова и Л.В. Трубицыной. – Москва: Смысл, 2009. С.23

[414] Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. / Перевод А. Ковалева. –Москва: КАНОН-Пресс, 2000. С.40.

[415] Гофман Э. Символы классового статуса. / Перевод В. Николаева // Логос. 2003. 4-5 (39). С.49.

[416] Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. New York: The Free Press. 1966. P.33-35.

выражения, вкладывает в них. Измерение идиомы тела отражает социально санкционированные во взаимодействии техники тела.

В свете нашей работы особую значимость приобретает проблематизация Гофманом гендерной идентичности и порядка взаимодействия между полами. В частности, социолога интересовало, как сами женщины и мужчины включаются в воспроизводство определенных гендерно специфичных паттернов поведения, основанных на эссенциалистских убеждениях о природе полов. Отмечая, что пол выступает базовым классификационным кодом, присваиваемым новорожденным, Гофман указывает на различные последствия этого для социализации мальчиков и девочек, в процессе которой те и другие усваивают не только маскулинные или фемининные нормы поведения, но и формы чувствования, а также внешнего вида.[417] В случае и мужчин, и женщин воспроизводство гендерно специфических форм действования, телесного выражения и характера самопрезентации в повседневной жизни приобретает характер ритуалов, подтверждающих верования относительно «природы» полов.[418] Специфические техники, как использования тела, так и работы над ним, выступают элементом гендерной самопрезентации. Внешний вид, будучи одним из видов гендерного дисплея, также предстает элементом воспроизводства нормативов фемининного тела. Данная концепция социолога повлияла на социально-конструктивистский подход в социологических исследованиях гендера, в частности, на теорию «создания гендера» Уэст и Циммерман, рассмотренную нами выше, благодаря открытию порядка воспроизводства гендерных норм на уровне повседневных взаимодействий.[419] Действительно, работа над телом обладает серьезным потенциалом закрепления гендерно стереотипных стандартов фемининной привлекательности на поверхности тела.

[417] Goffman E. The Arrangement between the Sexes // Theory and Society. 1977. Vol.4(3). P.301, 303.
[418] Ibid. P.325.
[419] West C. Goffman in Feminist Perspective // Sociological Perspectives. 1996. Vol.39. No.3. P.364.

Поскольку интеграция структуралистского и феноменологического подходов не была декларируемой целью социологического творчества Гофмана, до сих пор в академической среде ведутся споры о том, преобладают ли жесткие структуры в его понимании порядка повседневного взаимодействия или же речь идет об относительно автономном субъекте действия. В то время как некоторые социологи проводят параллели между работами современного классика и концепцией послушного тела Фуко,[420] другие наоборот полагают, что подход Гофмана к социальной организации основан на интерсубъективной и телесно воплощенной циркуляции значений; в свою очередь эта интертелесность или интеркорпореальность («intercorporeality») основывается на специфических техниках тела.[421] В свете задачи нашего исследования необходимо отметить, что в концепции Гофмана работа над телом, распространенная среди женщин, предстает неким ритуалом воспроизводства гендерной идентичности путем поддержания специфического гендерного дисплея – дисплея для считывания принадлежности к женскому полу. Однако остается не ясным, какова степень свободы женщины в выборе практик работы над телом и освоении тех или иных техник тела, насколько конкретные телесные практики навязаны социумом.

В отличие от Гофмана, французский социолог Пьер Бурдьё изначально поставил цель соединить в своей концепции структурализм и феноменологию, объективизм и субъективизм, то есть преодолеть разного рода теоретические дихотомии в социологии,[422] тем самым представив целостную картину социального мира и действующего субъекта. Подчеркивая, что социология должна рассматривать индивидов как одновременно биологических существ и социальных агентов, Бурдьё

[420]Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. P. 77-78.
[421] Crossley N. Body techniques, agency and intercorporeality: on Goffman's Relations in Public // Sociology. 1995. Vol.29(1). P.146.
[422]Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 2007. С. 64-66.

указывает и на тесную связь физического и социального пространства. Последнее в его теории оказывается «вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур».[423] Индивиды занимают ряд специфических позиций в социальных полях многомерного пространства, в зависимости от степени обладания различными видами капиталов (экономическим, культурным, социальным и символическим) в материальном или инкорпорированном состоянии.[424] Множество диспозиций индивида инкорпорированы в нем в виде габитуса – структурирующей структуры, совокупности ментальных и телесных схем восприятия и действия: «габитус – это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т.е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик».[425]

По Бурдьё, социальный мир использует тело индивида как записывающее устройство, то есть ценности, предпочтения и «фундаментальные категории видения мира» вписаны не просто в стили мышления, но и способы использования тела и обращения с ним.[426] Габитус порождает и организует практики, в то же время, ограничивая их разнообразие рамками диспозиций, которые занимает индивид. Именно посредством практик индивиды включаются в социальный мир и воспроизводят свое положение в социальном пространстве: «габитус есть то, что позволяет “обжить” институции, практически их присвоить и тем самым поддерживать в активном, жизненном, деятельном режиме».[427] Как мы видим, индивид воплощает в своем теле собственные социальные

[423]Бурдье П. Физическое и социальное пространства // Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 2007. С. 52.
[424]Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов// Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 2007. С.15-16.
[425] Цит. по: Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №2. С.59.
[426]Бурдье П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики /Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С.303.
[427]Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. С.112.

диспозиции, место в социальной иерархии, причем, это инкорпорированное состояние или социализированное тело предопределяет реакции и модели поведения актора, практики, способствующие воспроизводству его места в структуре.

Данный элемент концепции социолога вызывает дискуссии и критические замечания, поскольку в таком понимании габитуса и включения индивида в социальный мир на основе уже сформированных изначальными социальными диспозициями телесных и ментальных схем, не ясно, как происходят социальные изменения, насколько агент представляет собой лишь отпечаток своего места в иерархии обладания капиталами. В конце концов, оказывается, что структура преобладает над действием.[428] Если габитус так глубоко инкорпорирован в личности, что оперирует на уровне бессознательного, как справедливо задается вопросом Шиллинг, каким образом индивид может избежать жизненной траектории, навязанной ему социальными диспозициями?[429] Ведь, как отмечает Бурдьё, «всё, что произведено конкретным агентом, говорит неразрывно и одновременно, посредством сущностного переопределения, и о его классе (или, точнее, о положении агента в социальной структуре и о его траектории, восходящей или нисходящей) и о его теле».[430]

Проблема степени индивидуальной свободы перед лицом диспозиций, просматривается и в анализе положения женщин, проведенном французским социологом. В работе «Мужское господство» Бурдьё говорит непосредственно о символическом насилии, которое социальный мир осуществляет по отношению к воплощенным субъектам путем навязывания определенных гендерно специфичных схем восприятия и действия.[431] Более того, подчеркивается, что деление полов и атрибутируемые женщинам и

[428]Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4). P.311.
[429]Shilling C.The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.63.
[430]Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. С. 156.
[431]Бурдье П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики /Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С.304.

мужчинам признаки есть результат натурализации социального конструкта, запечатленного в габитусе, который и отвечает за воспроизводство гендерного порядка. По этой причине тело предстает инкорпорированной политикой, воспитание детей представляет собой политический феномен, направленный на соматизацию фемининных и маскулинных различий в зависимости от пола, т.е. на формирование определенного телесного экзиса (совокупности техник тела) и способов восприятия.[432] В результате этого женщины склонны рассматривать себя не просто как эстетический объект, уделяя внимание собственному внешнему виду, но и как символ, увеличивающий символический капитал мужчины-партнера.[433] Поскольку такая ориентация является инкорпорированной в структуры бессознательного, ее невозможно изменить простым политическим призывом или указом.[434] В итоге, данная интерпретация высокой вовлеченности женщин в телесные практики оказывается близка структуралистским типам объяснения и феминистской критике работы над телом как стимулируемой интериоризированным критическим взглядом «гипотетического мужчины».

Помимо работ Бурдьё, следует отметить и другие влиятельные интегративные теории в социологии, поскольку и в них в качестве актора на передний план вышел телесно воплощенный субъект. Однако в данных концепциях в меньшей степени внимание уделено гендерному аспекту, тем более, специфике телесного опыта женщины и ее повышенного внимания к телесной самопрезентации. Поэтому мы кратко обозначим место телесности в данных концепциях, чтобы подойти к выводам и перейти к рассмотрению концепции телесного реализма, а также её объяснительного потенциала по отношению к работе над телом, распространенной среди женщин.

Речь идет в первую очередь о теории структурации Энтони Гидденса. Так, под исследованием структурации социальных систем Гидденс

[432]Бурдье П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики /Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С.323-324.
[433]Там же. С.342, 347.
[434]Там же. С.306-307.

предполагает «изучение способов производства и воспроизводства этих систем — основывающихся на осмысленных действиях акторов».[435] При этом социолог подразумевает под структурами специфические правила и ресурсы (характеризующие свойства социальных систем), а под социальными системами – взаимоотношения между субъектами деятельности в виде регулярных практик. Действия индивидов и структура взаимозависимы, что отражено в понятии дуальности. Воспроизводство структуры укоренено в повседневности телесно воплощенных индивидов, а физические и сенсорные свойства тела опосредованы рутиной социальной жизни.[436] Физические характеристики и владение телом способны накладывать ограничения на деятельность акторов и их практики. Однако именно этим, по сути, и исчерпывается место телесности актора в теории структурации. В то же время в более поздней концепции высокого модерна социолог выводит на передний план более волюнтаристский подход к телу как к пластичному материалу, с легкостью преобразуемому в соответствии с меняющейся идентичностью индивида (данную концепцию мы подробно рассмотрели в главе 1). Довольно распространенным направлением критики подхода Гидденса является воспроизводство последним картезианского дуализма тело/разум, при наделении разума и рефлексивности практически неограниченной властью над управлением и преобразованием тела. Во-первых, данный подход оказывается близок сверхиндивидуализированной или недосоциализированной концепции индивида (т.е. актора, полностью свободного от социального влияния),[437] во-вторых, он стремится маргинализировать спонтанный и эмоциональный компонент социального действия, делая упор на сугубо когнитивной трактовке последнего.[438] Несмотря на включение в теорию Гидденса тела индивида как точки

[435]Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2003. С.69-70.
[436]Там же. С.83.
[437]Shilling C. The Undersocialised Conception of the Embodied Agent in Modern Sociology // Sociology. 1997. 31 (4). P.750.
[438]Shilling C., Mellor P.A. Embodiment, structuration theory and modernity: Mind/Body Dualism and the Repression of Sensuality // Body & Society. 1996. Vol.2. No.4.P.12.

пересечения социального и индивидуального, она представляет собой универсальную гендерно нейтральную теорию индивида, что, в свою очередь, может быть расценено как сохранение белого мужчины среднего класса в качестве базовой модели социологии.[439]

Таким образом, для проанализированных целенаправленных попыток интеграции структуры и действия в социологии характерны, или выход на уровень абстрактного теоретизирования при общей гендерной нейтральности модели, в которой, в конце концов, тело предстает когнитивно контролируемым инструментом действия (теория структурации, близкая сверхиндивидуализированной концепции индивида), или же доминирование структуры над действием, подчинение телесного выражения социальным диспозициям актора (теория габитуса, близкая сверхсоциализированной концепции индивида). В рамках последнего подхода, женщина подчинена навязываемым ее диспозициями (габитусом) телесным практикам как практикам феминнной красоты, укоренным в патриархатной культуре. В таком смысле справедливо замечание Шиллинга, что интегративные проекты в своих крайних проявлениях можно рассматривать как третью разновидность редукционизма (наряду со структурализмом и феноменологией), поскольку интерпретируя тело и социум как взаимно конституирующие друг друга, они теряют способность к различению каждого из них, тем самым соединяя оба феномена воедино. В итоге, телесно воплощенный индивид полностью отражает свою позицию в социальной структуре (что особенно заметно в случае теории Бурдьё).[440] Для некоторых социологов обозначенные ранее проблемы интегративных теорий

[439] Гендерная нейтральность актора, представленная в классических и современных социологических теориях, традиционно является объектом критики в академическом феминизме, поскольку представители последнего склонны видеть за универсальной моделью индивида модель мужчины. Теоретическая абстрактность ряда интегративных теорий, включая теорию структурации Гидденса, на наш взгляд, действительно затрудняет переход от общей теории к конкретным социологические проблемам и их эмпирическому исследованию, в частности, проблемам гендера и практик работы над телом, распространенных среди женщин. По мнению Дороти Смит, причиной этого является сложившаяся в социологии традиция «написания (и прочтения) социального как внешнего по отношению к конкретным особенностям человеческих жизней» (Смит Д.Е. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 37).

[440] Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.60, 68.

ознаменовали принципиальную невозможность построения такого рода теории, которая бы в равной степени учитывала оба уровня социального анализа.[441] На наш взгляд, именно это является одной из причин непопулярности интегративизма и соответствующих теорий в гендерных исследованиях.

Таким образом, социологические теории, нацеленные на решение дихотомии структура/действие, по сути, представляют собой третье и наименее разработанное направление проблематизации женской телесности и работы над телом. Тем не менее, в настоящий момент в рамках собственно социологии тела предприняты попытки объединить различные уровни анализа телесности в одной аналитической схеме; в первую очередь, мы имеем в виду концепцию телесного реализма, предложенную Шиллингом, которую мы рассмотрим далее. Несмотря на общую гендерную нейтральность данной теоретической схемы, нам представляется возможной её конкретизация для изучения практик работы над телом, распространенных среди женщин, с помощью сложившихся в социальной науке концепций техник тела, телесной педагогики, технологий себя и социально-конструктивистского подхода к определению гендера. Изложенная далее доработка теоретической схемы телесного реализма не является окончательным решением оппозиции структура/действие в социологии вообще и применительно к изучаемому феномену, и не претендует на таковое. Последующие теоретические выводы и предложения составляют лишь один из возможных вариантов аналитической схемы, которая позволяет классифицировать различные уровни теоретического анализа телесных практик женщин, а также открывает возможность для триангуляции настоящих и будущих эмпирических исследований по данной проблематике.

[441]Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4). P.314-315.

2.3.2. «Телесный реализм» как попытка решения проблемы структура/действие в изучении телесных практик женщин

Как было показано в предыдущем разделе, для интегративных социологических теорий характерна тенденция либо отдавать приоритет социальным структурам в детерминировании вовлеченности женщин в практики работы над телом, либо включать в поле анализа социального действия телесно воплощенного, но в целом обезличенного актора, что затрудняет последующее исследование гендерной специфики телесных практик. В результате возникает проблема выработки общей теоретической схемы изучения телесных практик женщин, которая бы учитывала различные уровни анализа данного феномена и предоставляла бы аналитические инструменты для систематизации проведенных эмпирических исследований и организации новых. В настоящем разделе мы обратимся к интегративной концепции «телесного реализма» Криса Шиллинга, относительно недавно предложенной автором как основание для социологического изучения тела. Сначала оценим ее потенциал для исследования телесных практик женщин, а затем предложим разработанную на её основе концептуальную схему анализа данного феномена при помощи рассмотренных в первой главе понятий «техник тела», «телесной педагогики», «технологий себя». Как было отмечено, целью последующего дополнения «телесного реализма» выступает не решение проблемы структура/действие вообще, но обозначение возможной аналитической схемы многоуровнего теоретического и эмпирического анализа феномена.

В качестве ответа на проблему структура/действие в социологии тела и в социологической науке в целом Шиллинг предложил проект «телесного реализма» («corporeal realism»), основываясь на реконструкции и синтезе идей Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Георга Зиммеля, в которых имплицитно присутствует телесность как один из аспектов индивида. Данная версия реализма призвана учесть многомерный характер телесного и

избежать редукционистских подходов к телу. При этом она решает не только теоретические дилеммы социологии тела, но и стремится обозначить ключевой предмет социологического исследования, ставя во главу угла отношения тело-общество.[442] Данное стремление не уникально для телесного реализма, и как мы отмечали ранее, идея телесно воплощенного актора как онтологического основания социологической теории была предложена еще в одной из первых работ Брайана Тёрнера.

Спецификой телесно-реалистического подхода в социологии является, во-первых, признание тела и общества как реально существующих феноменов, не сводимых к дискурсам.[443] Одновременно подчеркивается как эмерджентный характер социальных структур, так и эмерджентность телесно воплощенного субъекта. Как отмечает Шиллинг, существование устойчивых структур задолго до появления индивида не должно преуменьшать значимость телесно воплощенного субъекта, поскольку последний обладает способностью к рефлексивности и креативному действию на основании физиологических и когнитивных диспозиций, возникающих в процессе эволюции и развития индивидуального организма. Таким образом, отношения тело-общество, согласно данному подходу, должны рассматриваться как явление эмерджентное, логически вытекающее друг из друга.[444] Концепция «телесного реализма» стремится избежать редукционистских интерпретаций тела индивида, как в качестве биологического факта, так и в качестве факта исключительно социального: данный подход подчеркивает различение социальных структур и телесно воплощенных акторов, их несводимость друг к другу.[445] Теоретическая установка телесного реализма позволяет признать двойственность тела как природного и культурного феномена и проследить то, каким образом телесно

[442]Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.12.
[443]Ibid. P.12.
[444]Ibid. P.14.
[445] Evans J. Book Review: The Body in Culture, Technology and Society // Acta Sociologica. 2005. 48. P.95.

воплощенные индивиды формируют общество, которое в свою очередь формирует их.[446]

Во-вторых, телесный реализм включает темпоральный аспект социального анализа. Это подразумевает фокус исследовательского внимания на процессуальности того, как акторы участвуют в возникновении социальных структур, как возникшие структуры формируют контекст телесно воплощенного действия, тем самым влияя на характер такого действия и привычек людей. Отдельное внимание уделяется тому, как проявляется способность телесно воплощенного субъекта быть творцом социальной жизни во взаимосвязи с социальными структурами, каким образом акторы воспроизводят или трансформируют их, в результате чего устанавливают условия, в рамках которых следующие поколения тел развиваются, чувствуют, а также действуют.[447] Данный аспект позволяет аналитически различить способность телесно воплощенных субъектов к действию и их диспозицию в социальной структуре.[448]

В-третьих, телесно-реалистическая установка близка основным постулатам критического реализма Роя Бхаскара о взаимозависимости общества и актора,[449] заимствуя и критический подход к производству знания,[450] при этом сохраняя фокус на теле индивида, а не исключительно на когнитивных структурах.[451]

Согласно концепции телесного реализма К. Шиллинга, тело индивида представляет собой «многомерный проводник устроения (constitution) общества <…>, социальное действие является воплощенным, в то время как характер (effects) социальных структур может рассматриваться как последствие того, каким образом они обусловливают и формируют

[446]Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.71.
[447]Ibid. P.14.
[448]Ibid. P.71.
[449]См. Бхаскар Р. Общества // СОЦИО-ЛОГОС: Пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ.ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 1991; Critical Realism: Essential Readings / ed. M. Archer, R. Bhaskar, A. Colleir, T. Lawson and A. Norrie. – London: Routledge, 1998.
[450]См. Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences. Third edition – London: Routlede, 1998.
[451]Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.14.

воплощенного субъекта».[452] Данный подход предлагает рассматривать тело индивида в трех измерениях: как *источник* («source») создания социальной жизни, как *местоположение* («location») структурных черт общества и как *средство* («means)», с помощью которого индивиды занимают определенное место в обществе и ориентированы по отношению к нему.[453] Эти измерения коррелируют с уже проанализированными выше в данной главе парадигмами. Рассмотрение тела как источника отражает в целом феноменологическую перспективу (фокус на действующем субъекте), местоположения – структуралистскую (фокус на структурных факторах), а средства – интегративные подходы, диспозиционный ракурс исследования (взаимообусловленность социальной диспозиции и действия, совокупность взаимозависимых диспозиций актора).

Итак, концепция «телесного реализма» является попыткой совместить различные уровни анализа телесности, и таким образом, аналитически преодолеть дихотомию структура/действие в социологии тела, претендуя на ее решение в социологии вообще путем наделения акторов телесностью. Вместе с тем, в своем изначальном виде теория Шиллинга выступает скорее как предложение, чем манифест для социологов. По сей день, использование данной концепции не распространено в социологических исследованиях тела, вероятно, по причине её абстрактности и возможных затруднений в связи с этим при выходе на эмпирический уровень. При этом она продуктивна для метатеоретического анализа и классификации существующих концепций социологии тела.

Тем не менее, данный методологический подход при его конкретизации открывает перспективу для перехода от теории к эмпирическим исследованиям, более того, систематизации и триангуляции уже существующих качественных и количественных исследований в социологии тела, основанных на противоположных теоретических

[452] Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. P.15.
[453] Ibid. P.9.

установках. Так, например, благодаря трехмерному подходу к телу, исследование телесных канонов в массовой культуре может быть дополнено изучением переживания собственной телесности и диспозиционного аспекта – какие каноны усваиваются индивидами, воплощаются в конкретных телесных практиках и являются элементом социального статуса. Данный подход позволяет также сравнить положение тела в различных обществах, степень свободы телесного выражения перед лицом социальных структур.

Однако, как мы отчасти уже заметили, телесный реализм в целом предстает обезличенной и гендерно неспецифичной схемой во многом в виду своей абстрактности и попытки учесть многомерность феномена взаимосвязи тела и общества. Тем не менее, гендерная нейтральность теории позволяет использовать её для анализа и женской телесности, и мужской. Выйти на уровень конкретных эмпирических исследований вовлеченности женщин в практики работы над телом может позволить дополнение этой схемы с помощью концепций телесных практик, о чем и пойдет речь далее.

На наш взгляд, для успешного применения концептуальной схемы телесного реализма необходимо обратиться к теориям, объясняющим телесные практики. Принципиальная новизна нашего подхода к изучению телесных практик заключается в наложении концепций «техник тела», «технологий себя», «телесной педагогики», подробно проанализированных в первой главе, на трехмерную схему телесного реализма, предполагающую рассмотрение тела одновременно как источника, местоположения и средства (см. рис. 2). Итак, все три понятия фиксируют различные аспекты телесных практик: конкретные способы одновременно использования тела и работы над ним, социальные каналы передачи и обучения техникам, а также ценностный компонент индивидуальных практик. Использование всех трех понятий во взаимосвязи позволяет конкретизировать трехмерный подход к женской телесности в рамках телесного реализма следующим образом.

Рис. 2. Взаимосвязь концепций техник тела, телесной педагогики и технологий себя в трехмерной схеме телесного реализма

Рисунок 2 схематично демонстрирует, что культурные модели, для описания которых используются понятия «техник тела», «телесной педагогики» и «технологий себя», могут рассматриваться в качестве возникающих и функционирующих на стыке двух плоскостей в трехмерной схеме телесного реализма (также см. таблицу 2 с содержательными пояснениями). Так, концепция техник тела включает в себя подход к телесности как к *местоположению* и *источнику*, что открывает возможность для изучения телесных практик в структуралистском и феноменологическом ракурсах. С одной стороны, социальные структуры накладывают отпечаток на поверхность тела в виде манер (точнее, техник) двигаться и вести себя определенным образом, с другой стороны, обратная работа над телом и его преобразование являются источником построения самости и проживаемого опыта. Например, в каждой культуре существуют специфические «женские» и «мужские» техники тела, в частности, манеры сидеть. Так, в патриархальных обществах мужчинам дозволительно сидеть с широко

расставленными ногами, подобная же поза у женщины считается неприличной. К тому же, для женщин более характерна поза нога на ногу, чем для мужчин. Эти гендерные техники тела являются неотъемлемой частью воспитания индивида и усвоения «хороших» манер в детстве и на протяжении жизни. В то же время, воспроизводство гендерно санкционированных норм положения тела (в данном случае способов сидения) представляет собой важную часть идентичности, самоопределения в качестве женщины или мужчины. Нарушение же культурно санкционированных техник сидения может представлять собой сознательный вызов гендерным нормам общества и фиксированной гендерной идентичности. В свете нашей темы особую значимость приобретают техники работы над телом, распространенные среди женщин. Как показали работы в рамках структуралистской традиции интерпретации вовлеченности женщин в телесные практики, в процессе социализации девочкам и девушкам «навязываются» фемининные техники заботы о теле, будущие женщины учатся одеваться и краситься в соответствии с социальными ожиданиями и канонами нормативной феминности. В то же время, специфические техники (например, макияж, физические упражнения – бодибилдинг и т.п.), репертуар которых обусловлен индивидуальной ситуацией, способны бросить вызов доминирующим нормативам, постепенно трансформируя последние, смещая границы феминнных и маскулинных телесных практик.

Технологии себя возникают и практикуются на стыке воспроизводства телесных практик и телесности как *источника* и *средства*. Таким образом, обращение к изучению ценностно-мотивационного компонента телесных практик открывает возможность для сочетания феноменологического и диспозиционного ракурсов исследования. Это означает, что индивиды включаются в телесные практики и работу над собой в соответствии с определенными ценностями и чувством самости (телесные практики становятся источником воспроизводства определенных ценностей); одновременно тело предстает средством включения в морально-значимые

Таблица 2. Место концепций «техник тела», «телесной педагогики», «технологий себя» в трехмерной схеме телесного реализма

ТЕХНИКИ ТЕЛА		**ТЕХНОЛОГИИ СЕБЯ**		**ТЕЛЕСНАЯ ПЕДАГОГИКА**	
Тело как ***источник*** создания социальной жизни	Тело как ***местоположение*** структурных черт общества	Тело как ***источник*** создания социальной жизни	Тело как ***средство*** позиционирования индивидов в обществе	Тело как ***местоположение*** структурных черт общества	Тело как ***средство*** позиционирования индивидов в обществе
- формирование индивидуальной телесной схемы и репертуара техник тела посредством освоения мира - укорененность социального действия в телесной схеме актора - преломление социальных норм через индивидуальный телесный опыт - преобразующий и креативный потенциал овладения телом и изменения канонов телесной презентации в соответствии с чувством самости	- социальные нормы запечатлены в теле в виде репертуара техник использования тела и работы над ним - репертуар техник преобразования тела направлен на поддержание социально приемлемого телесного образца (гигиенические процедуры), канона привлекательности и здорового тела.	- телесные практики как источник воспроизводства и трансформации ценностей, преломленных через чувство самости - система ценностей личности действует как «фильтр» по отношению к социально приемлемым телесным образцам	- тело как показатель групповых и классовых ценностей - разделение телесных практик, обладающих высокой ценностью и морально-нравственным значением для принадлежности к определенной статусной позиции - репертуар телесных практик как показатель солидарности с группой или классом	- фиксация структурных каналов передачи техник тела (ответ на вопрос «как?») - социальные нормы телесной презентации и соответствующий репертуар техник транслируется посредством различных институциональных каналов, агентов социализации, референтных групп	- двухсторонняя включенность индивида в освоение репертуара телесных практик. Взаимообусловленность усвоенных типов телесной педагогики и социальных диспозиций индивида - генетически наследуемые телесные диспозиции как основание или преграда для освоения определенного репертуара телесных практик

социальные практики, атрибутируемые той или иной социальной позиции и статусу. Данное измерение заостряет внимание на рефлексивном обращении с телом. Возвращаясь к гендерно специфичным телесным практикам, необходимо отметить, что сознательная работа над телом, будь то бодибилдинг или обращение к пластической хирургии, обязательно коррелирует с культурными представлениями о привлекательности (фемининности и маскулинности), совершенстве и гармонии, как внутренней, так и внешней, что в свою очередь обусловлено биографической и социальной ситуацией женщины. В то же время определенные гендерные телесные практики сопутствуют любому символическому посвящению и ритуалам перехода, характерным для вхождения в профессиональные, религиозные и иные круги (например, постриг, соблюдение поста, форма одежды, распорядок дня и др.). В частности, включаясь в определенные практики работы над телом как на повседневной основе, так и единоразово (хирургические вмешательства, тату и т.п.), в зависимости от своей социальной ситуации и статуса женщина может воспроизводить социально ожидаемые внешние атрибуты женственности того или иного класса, профессиональной группы и т.п. Тем самым, она будет «создавать гендер», в терминологии Уэст и Циммерман, и закреплять его на поверхности тела. Одновременно женщина может таким образом уравновешивать тело с собственным чувством Я, или даже нарушать доминирующие стандарты феминнной привлекательности.

Феномен телесной педагогики возникает в результате слияния телесных измерений *местоположения* и *средства* и в то же время оказывает обратное влияние на их формирование. Это в свою очередь предоставляет возможность для сочетания в исследовании телесных практик структуралистского и диспозиционного ракурсов. Способы использования тела и работы над ним социально стратифицированы посредством различных институциональных каналов передачи телесных практик (например, семьи, референтной группы, потребительской культуры). При этом индивиды

наследуют определенные характеристики тела, связанные с ограничениями того, до какой степени тело может быть преобразовано и какие типы телесной педагогики могут быть усвоены. Так, в современном мире сосуществуют различные культуры фемининности и маскулинности, транслируемые семьей, масс-медиа, профессиональными группами. Определенные способы обращения с телом наследуются в рамках семьи (диетарные практики, физическая культура, спорт) посредством воспитания и подражания, культивируются во время освоения профессий (техники бега, дыхания в армии; техники танца, спортивные техники и др.). И в то же время как генетически наследуемые телесные диспозиции, так и место в статусной иерархии, накладывают ограничения на спектр каналов передачи и воспроизводства определенных телесных практик, освоение тех или иных профессий, видов деятельности. В частности, данное измерение заостряет наше внимание на том, какие способы заботы о теле, физическая культура, культура гигиены и украшения себя практиковались и практикуются в семье конкретной женщины, в особенности родственницами женского пола. Также это измерение анализа предполагает внимание к взаимообусловленности социального статуса, телесных практик и генетически наследуемых телесных диспозиций женщины.

Таким образом, в контексте телесного реализма понятия «техник тела», «телесной педагогики» и «технологий себя» выступают не просто в качестве способов описания различных телесно обусловленных феноменов, но и открывают возможность для трехмерного анализа телесных практик, включающего рассмотрение телесности как источника, местоположения и средства социальной жизни. Для изучения женской телесности это означает, что телесные практики женщин являются не суть исключительно следствие воздействия репрессивной культуры, как и не являются они только результатом воли полностью автономных от общества субъектов. Выбор в качестве основы многомерной схемы изучения практик работы над телом позволяет избежать различных форм редукционизма, представленных в

структурализме, феноменологии и, по мнению некоторых исследователей, даже в интегративных (диспозиционных) теориях. Также этот подход стремится минимизировать идеологический компонент в интерпретации высокой вовлеченности женщин в телесные практики. В то же время фокус на телесных практиках в их проявлениях на разных уровнях (техниках тела, телесной педагогике и технологиях себя) конкретизирует концептуальную модель телесного реализма и позволяет перейти от теории к эмпирике и наоборот. Данная конкретизация происходит за счет того, что исследовательское внимание к трем уровням проявления телесных практик предоставляет возможность проанализировать на конкретных примерах то, каким образом тело женщины в специфической ситуации, т.е. социальном и биографическом контексте, детерминировано патриархатной социальной матрицей, насколько женская телесность является результатом индивидуальной креативной интерпретации нормативов фемининной презентации и практик «создания гендера», а также каким образом статусная диспозиция женщины и ее телесные диспозиции последовательно взаимообусловлены.

Резюмируем выводы, сформулированные на основе решения задачи по разработке интегративного теоретического подхода к изучению телесных практик женщин. Разработка данного подхода была осуществлена на базе концепции телесного реализма К. Шиллинга путем ее расширения. Дополнение схемы телесного реализма концепциями телесных практик и теорией социального конструирования гендера позволяет конкретизировать абстрактную схему и открыть возможность ее практического использования для эмпирического исследования телесных практик. Концепция «техник тела» открывает возможность для изучения телесных практик женщин в структуралистском и феноменологическом ракурсах, «технологий себя» - в феноменологическом и диспозиционном, «телесной педагогики» - в структуралистском и диспозиционном. В следующем разделе параграфа

проанализируем состояние эмпирических исследований телесных практик женщин через призму расширенной концепции телесного реализма.

2.3.3. Состояние эмпирических исследований женской телесности и концепция телесного реализма

Систематизировав теоретико-методологические подходы к изучению телесных практик женщин, а также предложив расширенную версию интегративного подхода на основе концепции телесного реализма Криса Шиллинга, кратко охарактеризуем, каким образом структурализм, феноменология и диспозиционный подход[454] соотносятся с конкретными эмпирическими исследованиями и реализуются в них. При этом использование для систематизации эмпирических исследований расширенной концептуальной схемы телесного реализма позволяет сравнить и проиллюстрировать данные методологические подходы.

Как было показано в предыдущих главах, женская телесность представляет собой комплексный биологический и социокультурный феномен. При этом фокус на телесных практиках женщин позволяет продемонстрировать, каким образом тело как физиологическое явление становится телесностью, то есть преобразуется под воздействием культуры. Телесные практики представляют собой неотъемлемый элемент повседневности индивидов, и в то же время они могут быть как частью проблематизируемой, так и непроблематизируемой сферы жизни. В данной работе мы сфокусировали внимание преимущественно на проектном подходе к телу, т.е. способах целенаправленного воздействия на тело с целью поддержания или трансформации определенного социального канона. Проектный подход реализуется в различных сферах и на различных этапах жизни женщины. Телесные практики – неотъемлемые спутники всех

[454] Под «диспозиционным подходом» имеется ввиду интегративная социологическая теория Пьера Бурдьё - теория габитуса и социальных диспозиции, поскольку в ней телесное воплощение индивидов понимается как важный элемент габитуса, а также учитывается гендерная специфика телесных практик.

жизненных этапов женщины, они связаны с юностью и старением; со специфическим женским телесным опытом, включая беременность, её социальные коннотации и социально санкционированные способы вынашивания ребенка; со здоровьем и болезнью, мерами, направленными на увеличение продолжительности и качества жизни; с идентичностью, как с поддержанием гендерной идентичности (и в таком случае – подчеркнутой женственности), так и с сопротивлением гендерным стереотипам. Многообразие этих феноменов и аспектов жизни женщины оказывается в фокусе внимания исследователей, работающих в рамках проанализированных нами подходов. В то же время различные теоретико-методологические основания обусловливают логику и дизайн эмпирического исследования, специфику объекта и предмета, конструируют границы изучаемой реальности.

Предложенная нами расширенная версия концепции телесного реализма предоставляет возможность систематизировать и интегрировать проведенные эмпирические исследования не только для того, чтобы продемонстрировать комплексный характер телесных практик женщин, но и чтобы проанализировать логику, заложенную в эмпирических исследованиях на стадии их проектирования. Основаниями, выделенными нами для сравнения того, как теоретические подходы реализуются в эмпирических исследованиях, являются ракурс изучения телесных практик (техники тела, телесная педагогика, технологии себя), базовая интерпретация телесности и телесных практик, основной исследовательский фокус, ключевые аналитические категории, доминирующие методы исследования, спектр изучаемых тем и уровень анализа. Схематичное сравнение подходов по этим основаниям представлено в таблице 3.

Таблица 3. Сравнение логики теоретико-методологических подходов к изучению телесных практик женщин и соответствующих дизайнов эмпирических исследований

Основание для сравнения / Подходы	Ракурс изучения телесных практик[455]	Понимание телесности и телесных практик	Главный исследовательский фокус	Ключевые аналитические категории	Методы эмпирических исследований	Спектр исследуемых проблематик	Уровень анализа
СТРУКТУРАЛИЗМ	*Технологический* (техники тела) и *институциональный* (телесная педагогика).	Телесные практики как способы закрепления социальных норм телесной презентации. Женская телесность как социокультурный артефакт.	Социальные нормы и каноны женской телесности и презентации тела. Институциональные каналы трансляции канонов.	Дисциплинарная власть, нормализация, паноптическая фемининность, мужской взгляд, обязательная гетеросексуальность, институционализированный сексизм, дискурсивное производство, гендерный режим	Количественный и качественный анализ документов: дискурс-анализ, контент анализ. Методы визуального анализа. Интервью, фокус-группы.	Исследования репрезентаций женского тела в массовой культуре, СМИ Исследования дискурсов, регламентирующих способы контроля и обращения с женским телом в массовой культуре, медицинских и др. документах на различных этапах жизни в аспекте сексуальности и репродукции (детство – юность – взрослость - старение).	Макро- / Структура

[455] Подробнее данные ракурсы изложены в таблице 2. В данной таблице мы перегруппировали ракурсы по подходам, а не по концепциям телесных практик.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ	*Технологический* (техники тела) и *ценностно-мотивационный* (индивидуальный уровень, технологии себя)	Телесность как неотъемлемая часть самости, Я, телесные практики как способы освоения мира и преобразования социальных канонов (креативный потенциал).	Значения (смыслы) и мотивации вовлеченности в телесные практики, роль телесных практик в социальных интеракциях, процессуальность освоения тела, креативный потенциал действия.	Проживаемое тело, создание гендера, гендерный перформанс.	Качественные методы: кейс-стади, этнографическое исследование, наблюдение, интервью.	Изучение активной роли индивидов в воспроизводстве телесных практик, их реакции на нормативные каноны, способы приспособления и сопротивления канонам фемининности (женский бодибилдинг, радикальные модификации тела и др.)	Микро- / Действие
ДИСПОЗИЦИОННЫЙ ПОДХОД	*Ценностно-мотивационный* (групповой уровень, технологии себя) и *институциональный* (телесная педагогика)	Телесность как «записывающее устройство» (П. Бурдьё), фиксирующее спектр социальных диспозиций актора, форма капитала. Телесные практики подтверждают социальную диспозицию и являются основой групповой солидарности.	Взаимообусловленность диспозиции индивида и телесного выражения – спектра освоенных и воспроизводимых телесных практик. Телесность как одна из форм капитала в социальном пространстве	Диспозиция, габитус, телесный капитал, гендерный капитал, социальное пространство	Качественные и количественные методы. Вторичный анализ данных	Влияние класса и групповой принадлежности женщины на спектр телесных практик. Телесные практики как часть гендеризированного телесного капитала. Сравнительные исследования телесного капитала женщин разных классов, способов капитализации формы презентации тела.	Мезо- / Диспозиция

Далее подробнее рассмотрим логику структуралистского, феноменологического и диспозиционного исследования, а также совокупность проблем, на которых они сфокусированы.

Как мы отмечали ранее, *структуралистская логика* исследования предполагает изначальный фокус на нормативном аспекте и регулятивном потенциале телесных практик женщин. В связи с этим телесные практики интересуют представителей данного подхода главным образом в их институциональном ракурсе (телесная педагогика), а также в технологическом (техники тела) в той мере, в какой практики воплощают исследуемый телесный канон. В связи с этим в поле зрения социологов оказываются, во-первых, репрезентации женского тела, интерпретируемые как один из факторов, обусловливающих вовлеченность женщин в телесные практики, во-вторых, дискурсивное производство фемининности. Именно фокус на регламентированной и нормативной фемининности приводит социологов к анализу идеализированных образов женщин, подчеркнутой женственности, и, как следствие, паноптических практик[456] привлекательности, навязываемых институционализированным сексизмом и «мужским взглядом». Другие же практики, в частности, коррелирующие с альтернативным каноном внешнего вида, здоровьем, идентичностью в меньшей степени оказываются в поле исследовательского внимания. «Паноптицизм», «мужской взгляд», «обязательная гетеросексуальность», «послушные тела» и другие термины являются ключевыми аналитическими категориями дизайна критического структуралистского исследования. Они указывают на следование традициям Фуко и феминистского анализа патриархатного социального режима и гендерно маркированной работы над телом. Однако не все исследования в данной перспективе носят ярко выраженный характер феминистской критики, тем не менее, сохраняя фокус на макроуровне – доминирующих канонах внешнего вида женщины. В

[456] Под паноптическими практиками понимаются практики непрерывного самоконтроля, самонаблюдения и дисциплины. Подробнее понятие «паноптикон» изложено в первом параграфе второй главы при анализе структуралистской традиции и теории «послушных тел» М. Фуко.

методическом плане в данной перспективе большое распространение получают различные методы анализа документов, как количественной (контент-анализ), так и качественной природы (дискурс-анализ). Однако нередко проводятся качественные интервью и фокус-группы, чтобы выявить представление женщин о «нормальном» и сопоставить, насколько интерпретация женщинами собственной вовлеченности в телесные практики коррелирует с дискурсами и репрезентациями нормативной фемининности.

В структуралистской логике исследуется широкий спектр тем. Нормализация и социально регламентируемые образы телесной презентации исследуются и в связи с различными периодами жизни женщины, и в контексте конкретных телесных практик. Так, ряд исследований проблематизирует каналы, посредством которых у девочек в дошкольном и подростковом возрасте формируется представление о нормативном феминином воплощении – привлекательном теле с точки зрения «мужского взгляда».[457] Главная роль в навязывании идеалов женского тела отводится массовой культуре, пристальное внимание уделяется изучению репрезентаций женского тела в СМИ и соответствующих дискурсов фемининности. Среди объектов исследования – детская литература и сказки, транслирующие идеалы внешней привлекательности женщины, ассоциируемые с юностью, европеоидной расой и успехом;[458] гендерно специфические игрушки для детей, в частности, кукла Барби и ее место в массовой культуре;[459] художественные фильмы и мультфильмы для подростков как проводники гетеронормативности, в рамках которой привлекательной презентации женского тела отводится роль сексуального

[457] Holland J., Ramazanoglu C., Sharpe S., Thomson R. The Male in the Head. London: The Tufnell Press, 1998. – 232 pp.

[458] Baker-Sperry L., Grauerholz L. The pervasiveness and persistence of the feminine beauty ideal in children's fairy tales // Gender & Society. 2003. Vol. 17. No. 5. P.711-726.

[459] Urla J., Swedlund A.C. The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // Shiebinger L. (ed.) Feminism and the Body. New York: Oxford University Press, 2000. P. 397-428; Гусева Ю. Кукла Барби: pro et contra (к постановке проблемы) // В тени тела. Сборник статей и эссе / под ред. Н.Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета», 2008. С. 137-148.

удовлетворения мужчины;[460] телевизионные программы, а также печатная и онлайн пресса. Анализ прессы не ограничивается изучением репрезентации женских тел и продвижения работы над телом в глянцевых журналах, ориентированных на женскую аудиторию. Изучается также и присутствие в репрезентациях женского тела в информационных и новостных изданиях канонов нормативной фемининности, даже когда женщина вовлечена в традиционно мужские сферы деятельности, например, профессиональный спорт и соответствующие телесные практики.[461] В исследованиях масс медиа встречаются также попытки совместить перспективы тех, кто вовлечен в производство образов фемининности в массовой культуре (директора и выпускающие редакторы) и «реальных» женщин – потребителей этих образов.[462] Одной из методических проблем, с которой сталкивается большинство таких исследований, является проблема оценки степени интернализации канонов женственности, их влияния на реальные практики женщин.

В отличие от исследования репрезентаций, изучение дискурсов, регламентирующих тот или иной телесных опыт, в большей степени ориентировано на технологический ракурс телесных практик – конкретные методы контроля телесного выражения. В то же время изучается дискурсивное (текстуальное) производство и воспроизводство этих методов контроля тела, а не практики в их материальном воплощении как таковые. В таком смысле в исследовательском фокусе оказывается дискурсивное оформление диетарных практик, включая пищевые нарушения,[463] практик

[460] Martin K.A., Kazyak E. Hetero-romantic love and heterosexiness in children's G-rated films // Gender & Society. 2009. Vol. 23. No. 3. P. 315-336.

[461] Bruce T. Reflections on Communication and Sport On Women and Femininities // Communication & Sport. 2013. vol. 1. no. 1-2. P. 125-137; Harris J., Clayton B.. Femininity, Masculinity, Physicality and the English Tabloid Press: The Case of Anna Kournikova // International Review for the Sociology of Sport. 2002. vol. 37. no. 3-4. P.397-413.

[462] Milkie A. M. Contested Images of Femininity An Analysis of Cultural Gatekeepers' Struggles with the "Real Girl" Critique // Gender & Society. 2002. vol. 16. no. 6. P.839-859.

[463] Щурко Т.А. Фокусируясь на женской телесности: медики, социологи и женские Интернет сообщества о проблеме «нарушений пищевого поведения» // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 381-404; Литвина Д., Остроухова П. Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13. No.1; Bell

мониторинга телесных процессов,[464] косметических и хирургических процедур.[465] Помимо проектных практик, связываемых с привлекательностью, анализ дискурсов концентрирует внимание на практиках здоровья (в частности, феминизации здорового образа жизни),[466] социальном контроле беременности и соответствующих телесных практиках, связанных с заботой о плоде.[467]

В отличие от структуралистской логики, логика эмпирического исследования, ориентированного на *феноменологическую перспективу*, предполагает внимание собственно к телесному опыту женщин, его переживанию, пониманию своего тела и мотивации вовлеченности в телесные практики. Телесные практики, таким образом, интересуют социологов в ценностно-мотивационном ракурсе (технологии себя, индивидуальный уровень), а также в технологическом ракурсе (техники тела) в той мере, в какой можно проследить перформативный характер телесности и креативный потенциал телесных практик. В связи с этим представители данной перспективы сфокусированы на изучении непосредственного телесного опыта и вербализованных рационализаций женщин в отношении своей вовлеченности в телесные практики. Релевантными методами исследования в данной перспективе являются преимущественно качественные методы, главным образом, наблюдение, различные виды интервью, фокус-группы, сочетание нескольких методов в последовательном кейс-стади. Концентрируя внимание на непосредственном телесном опыте и смыслах, окружающих его, исследователи заинтересованы в изучении конкретных стратегий, ритуалов и способов «создания гендера»,

---

M. Re/Forming the Anorexic “Prisoner”: Inpatient Medical Treatment as the Return to Panoptic Femininity // Cultural Studies <=> Critical Methodologies. 2006. vol. 6. no. 2. P.282-307.

[464] Lupton D. The digitally engaged patient: Self-monitoring and self-care in the digital health era // Social Theory & Health. 2013. 11. P. 256–270.

[465] Lirola M.M., Chovanec J. The dream of a perfect body come true: Multimodality in cosmetic surgery advertising // Discourse & Society. 2012. Vol. 23. No. 5. P. 487-507.

[466] Moore S.E.H. Is the Healthy Body Gendered? Toward a Feminist Critique of the New Paradigm of Health // Body & Society. 2010. 16 (2): 95-118.

[467] Бредникова О. Два мира – два тела? («бестелесная» субъектность эмбриона и «бессубъектная» телесность беременной женщины // В тени тела. Сборник статей и эссе / под ред. Н.Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета», 2008. С.113-136.

сопротивления или же адаптации к доминирующим канонам феминности. Именно поэтому в качестве ключевых аналитических категорий на первый план выходят категории, подчеркивающие не дискурсивный, а материальный (воплощенный) аспект телесных практик, их место в интеракциях и коммуникации – «создание гендера», «гендерный перфоманс», «проживаемое тело» и другие. Такие категории, как «нормативная феминность», «гипер-феминность», «подчеркнутая женственность», не исключаются полностью из аналитического аппарата исследователей и нередко выступают инструментом для сравнения реального телесного опыта женщин и доминирующих образов феминности.[468] Ранее мы уже обращались к некоторым эмпирическим исследованиям, проблематизирующим на микроуровне специфическую ситуацию женщины, возможности для проявления субъективности и роль телесного воплощения в преобразующем социальном действии.

В данном разделе остановимся на нескольких исследованиях способов адаптации и сопротивления доминирующим канонам феминности. Так, интересным кейсом является исследование вовлеченности молодых женщин в практики интоксикации (принятия алкоголя), в котором на первый план выходит стремление девушек уравновесить практику принятия алкоголя в публичных местах, что традиционно является мужским занятием, феминным внешним видом, одновременно подчеркивающим сексуальность и благопристойность.[469] Другое этнографическое исследование практик мигранток из Восточной Европы в Западной Европе показало, что женщины целенаправленно поддерживают гипер-феминный внешний вид в новой стране, тем самым, с одной стороны, проводя линию демаркации между «своими» и «чужими» (местными женщинами), с другой стороны,

[468] Как мы отмечали ранее во втором параграфе второй главы, исследования в феноменологической перспективе могут выступать прелюдией к построению теории репрессивной социальной структуры, тем самым сближаясь со структурализмом.

[469] Griffin C., Szmigin I., Bengry-Howell A., Hackley C., Mistral W. Inhabiting the contradictions: Hypersexual femininity and the culture of intoxication among young women in the UK // Feminism & Psychology. 2013. vol. 23. no. 2. P.184-206.

компенсируя таким образом низкий социальный статус после переезда (работу в сфере обслуживания).[470] Креативный потенциал телесных практик по отношению к устоявшимся стандартам фемининности исследуется в данной перспективе как в связи широко распространенными техниками тела, так и с маргинализованными. В частности, исследуются различные кейсы «активного старения», когда женщины старше 50-ти организованно и перформативно сопротивляются навязываемым негативным образам старости и представлению, ограничивающему женскую привлекательность молодостью и сексуальностью.[471] Также изучаются смысловые коннотации маргинализованных в обществе способов модификации тела, будь то вовлеченность женщин в практики «современного примитивизма»,[472] бодибилдинг,[473] экстремальные формы пластической хирургии.[474] Феноменологическая перспектива проявляется и в исследованиях освоения тела и телесных изменений, например, переживания беременности.[475]

Диспозиционный подход, который мы вслед за Шиллингом выделили в расширенной схеме телесного реализма как отдельное теоретико-методологическое направление изучения телесных практик женщин, в меньшей степени представлен в эмпирических исследованиях. Во многом это связано с проблемой операционализации теорий, направленных на интеграцию различных уровней анализа – макро- и микро-, структуры и действия. И в то же время интегративная концепция Бурдьё, которая лежит в основе данного подхода, применяется в исследованиях женской телесности как формы капитала в социальном пространстве. К данной перспективе в

[470] Cvajner M. Hyper-femininity as decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // Ethnography. 2011. vol. 12. no. 3. P.356-374.
[471] Bohemen S. van, Zoonen L. van, Aupers S. Performing the ‘fun’ self: How members of the Red Hat Society negotiate cultural discourses of femininity and ageing // European Journal of Cultural Studies. 2013. vol. 16. no. 4. P. 424-439.
[472] Jeffreys S. ‘Body Art’ and Social Status: Cutting, Tattooing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism & Psychology. 2000. Vol.10. No.4. P.410.
[473] Martin L.St., Gavey N. Women's Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity's Recuperation? // Body & Society. 1996. Vol.2. No.4. P.46,56.
[474] Инс К. Орлан. Операции как переодевание: тело и пределы его возможностей // Теория моды. 2012. 23. С.153-154.
[475] Бороздина Е. Беременность и практическое знание женщин // Практики и идентичности: гендерное устройство: Сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.2010. С. 235-255.

эмпирических исследованиях отсылают такие ключевые понятия как «телесный капитал», «диспозиция», «габитус», «социальное пространство». Диспозиционный подход подразумевает изучение телесных практик в институциональном (телесная педагогика, взаимообусловленная социальной диспозицией) и ценностно-мотивационном ракурсах (уровень групповой солидарности, ценностей группы). Релевантными методами исследования выступают качественные методы, однако не исключены и количественные методы, направленные на оценку распространенности тех или иных телесных практик среди представителей различных классов.[476] Например, как показал ряд исследований, фемининность, представляя собой гендеризированную форму телесного капитала, может активно капитализироваться женщинами и использоваться в качестве преимущества в видах занятости, требующих традиционно приписываемых женщинам качеств (в частности, в сфере обслуживания и ухода)[477].

Подведем итоги. В данном разделе мы классифицировали направления эмпирических исследований по их теоретико-методологическим основаниям, используя расширенную концептуальную схему телесного реализма. Телесный реализм позволил нам выделить доминирующие в подходах ракурсы исследования телесных практик, сформулировать базовое понимание тела и телесных практик для каждого из них, главный исследовательский фокус, обозначить методы, используемые в рамках структуралистской, феноменологической и диспозиционной перспектив. Данный обзор показал аналитический аппарат, используемый в конкретных исследованиях, а также то, каким образом он влияет на выбор метода и интерпретацию результатов. Таким образом, одним из перспективных направлений применения расширенной концепции телесного реализма

[476] Возможности такого количественного исследования на основании массового опроса оценивались Ником Кроссли в следующей работе: Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.1-35.
[477] Huppatz K. Reworking Bourdieu's `Capital': Feminine and Female Capitals in the Field of Paid Caring Work // Sociology. 2009. vol. 43. no. 1. P. 45-66.

является систематизация многообразия эмпирических исследований и, как следствие, их сопоставление и интеграция результатов.

Однако эвристические возможности предложенной нами интегративной теории не ограничиваются решением задач по интеграции массива исследований. Как мы подчеркнули, несмотря на всплеск эмпирических исследований женской телесности, в меньшей степени в них представлены работы, проблематизирующие взаимосвязанные телесные практики и распространенные среди женщин стратегии взаимодействия с телом в целом. Поскольку в рамках концепции телесного реализма заложен комплексный подход к телесным практикам женщин, для того, чтобы оценить его эвристические возможности и ограничения в полной мере недостаточно провести систематизацию эмпирических исследований отдельных телесных практик или культурных коннотаций телесного опыта женщин. Для решения задачи по оценке эвристических возможностей и ограничений интегративной концептуальной модели, автором было принято решение о целесообразности проведения эмпирического исследования телесных практик как специфических ансамблей. Фокус на ансамблях взаимосвязанных практик является релевантным для изучения проектного подхода к телу среди женщин.

Таким образом, в данной главе были решены две задачи диссертации. По результатам исследования центральных теорий социологии тела были выделены три направления интерпретации телесных практик женщин: структуралистское, феноменологическое и диспозиционное. Разработка интегративного теоретического подхода к изучению телесных практик была осуществлена путем дополнения концепции телесного реализма теориями телесных практик (техник тела, телесной педагогики, технологий себя) и социально-конструктивистской концепцией создания гендера.

ГЛАВА 3. ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ТЕЛЕСНОГО РЕАЛИЗМА

3.1. Ансамбли телесных практик и интегративный подход: дизайн исследования

В предыдущих главах диссертации мы проанализировали существующие теоретико-методологические подходы к интерпретации женской телесности и телесных практик. Условно выделив две традиции изучения телесных практик женщин и проанализировав место женской телесности в интегративных социологических концепциях, мы также констатировали многоуровневый и комплексный характер практик работы над телом как социокультурного феномена. Теории упорядоченного тела и теории тела проживаемого демонстрируют два ракурса социологического изучения практик работы над телом, распространенных среди женщин: от макро-структур, оказывающих принудительное воздействие по отношению к индивидам, к повседневным практикам женщин, и от специфической ситуации женщины-субъекта к освоению телесных практик и включению в социальные взаимодействия. При этом для существующих интегративных теорий в социологии, нацеленных на «примирение» двух традиций в единой теоретической схеме и решение оппозиции структура/действие, характерна тенденция к предпочтению структурного влияния индивидуальному действию (диспозиционный подход П. Бурдьё), либо гендерно нейтральная картина социального актора (теория структурации Э. Гидденса).

Для решения обозначенных дихотомий социологического исследования и интерпретации телесных практик женщин, нами было предложено дополнение концепции «телесного реализма» Криса Шиллинга теориями телесных практик и создания гендера. Три аспекта взаимосвязи телесности и социальной реальности (тела как источника, местоположения социальных отношений и средства позиционирования индивидов в

социальной структуре) могут быть раскрыты с помощью понятий «техник тела», «телесной педагогики», «технологий себя». В то же время специфический фокус на женской телесности и стратегиях создания гендера позволяет выделить собственно фемининные и маскулинные практики в контексте того или иного исследуемого сообщества. Предложенные в предыдущей главе концептуальная схема и аналитические инструменты комплексного социологического исследования телесных практик женщин, тем не менее, не подразумевают равнозначное присутствие каждого аспекта (социальной регуляции телесного выражения, индивидуально проживаемого телесного опыта, а также взаимообусловленности воплощения и позиции в социальной структуре) в эмпирически наблюдаемых феноменах социальной реальности. Данная схема скорее предстает в качестве модели всестороннего изучения телесных практик, позволяющей не упустить из внимания и интерпретации тот или иной аспект телесного воплощения.

Применение концептуальной модели телесного реализма для анализа состояния эмпирических исследований женской телесности позволило нам систематизировать направления, логику и спектр представленных в литературе проблем и кейсов. Большинство эмпирических исследований телесных практик женщин фокусируется главным образом либо на социальных канонах женской привлекательности (структуралистская ориентация, институциональный аспект), либо на одном из видов телесных практик (практики подчеркнутой феминности или практики сопротивления подчеркнутой феминности) и смысловом оформлении его воспроизводства (феноменологическая ориентация, ценностно-мотивационный подход), либо на обусловленности практик социальной диспозицией и их возможной капитализации (диспозиционный подход). Значение расширенной в диссертации концепции телесного реализма не ограничивается только классификацией и систематизацией многообразия проведенных эмпирических исследований. Концептуальная модель также открывает возможность комплексного изучения взаимосвязанных телесных

практик женщин. Как показал анализ состояния исследований женской телесности, широкий спектр эмпирических работ посвящен канонам презентации тела и единичным телесным практикам, в то время как «ансамбли» телесных практик, которые отличаются общим назначение и реализацией в связке,[478] в меньшей степени являются предметом изучения. В то же время взаимосвязанные телесные практики представляют собой важный компонент проектного подхода к телу в современных обществах. Поскольку расширенная концептуальная модель телесного реализма предполагает многоуровневый подход к изучению телесных практик женщин в технологическом, институциональном и ценностно-мотивационном аспектах, оценить эвристические возможности и ограничения данной модели позволит обращение к эмпирическому исследованию ансамблей телесных практик женщин. При этом в качестве кейса были выбраны взаимосвязанные телесные практики женщин среднего класса современной России. Фокус на женщинах среднего класса связан с тем, что они представляют собой релевантную выборку для изучения проектной установки по отношению к телу, так как последняя предполагает достаточные финансовые ресурсы, время и культурный капитал для преобразования телесности в соответствии с меняющимся чувством самости.[479]

Подчинение дизайна эмпирического исследования задаче апробации концептуальной схемы предопределило метод исследования – лейтмотивное тематически-центрированное интервью. Преимуществом данного вида интервью для решения поставленной задачи является, во-первых, возможность подойти к изучаемой теме с разных методологических ракурсов, во-вторых, возможность «навести мосты между индивидуальными конструкциями смысла (meaning) с одной стороны и влиянием социетальных

[478] Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.10.
[479] Shilling C. Culture, the ‘sick role’ and the consumption of health // The British Journal of Sociology. 2002. Vol. 53, № 4.P.634.

условий с другой».[480] В контексте нашей темы данный метод позволил, насколько это было возможно в рамках небольшого проекта, совместить технологический, ценностно-мотивационный и институциональный ракурсы изучения взаимосвязанных телесных практик женщин на уровнях социальных структур, социальных диспозиций и индивидуальных значений.

Особенность тематически-центрированного интервью заключается в сочетании техник глубинного интервью (конкретнее, нарративного биографического интервью по методике Ф. Шютце) и структурированного интервью с заранее подготовленными вопросами по теме исследования.[481] С одной стороны, фокус на биографических рассказах в первой части интервью, выстроенных в логике информантов, приоткрывает для исследователя занавес повседневности, жизненную ситуацию,[482] в которой сходятся индивидуальная и социальная перспективы,[483] в контексте нашего исследования – социальное влияние канонов феминности и специфическая индивидуальная ситуация освоения телесных практик. Однако поскольку главный исследовательский интерес лежал в плоскости личных историй работы над телом, ситуация интервью была очерчена рамками «телесной биографии», под которой в данном случае подразумевается цепочка нарративных структур, выстраиваемых вокруг вовлеченности в практики работы над телом на протяжении жизни. При этом фокус на телесных биографиях поддерживался на протяжении беседы заранее подготовленными исследователем вопросами, которые, с одной стороны, позволили глубже раскрыть те или иные темы, затронутые в начальном неструктурированном исследователем рассказе информанток, с другой стороны, гарантировали возможность сравнения интервью на этапе обработки результатов и выделения общих тенденций.

[480] Scheibelhofer E. A Reflection Upon Interpretive Research Techniques: The Problem- Centred Interview as a Method for Biographic Research // Narrative, Memory & Everyday Life. Huddersfield: University of Huddersfield, 2005. P. 20
[481] Ibid. P.22.
[482] Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С.38.
[483] Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С.92.

В рамках исследования было собрано 15 интервью общей длительностью чуть более 16 часов. При этом длина отдельных интервью варьировалась от 35 до 108 минут в зависимости от занятости участницы (некоторые встречи проходили в обеденный перерыв на рабочем месте), открытости в обсуждении сензитивных вопросов, и, как следствие, длительности первой стадии интервью. Все интервью, за исключением первого в Екатеринбурге, были проведены в городе Москве в три этапа: январь-февраль 2013 года, сентябрь 2013 года и июль-сентябрь 2014 года. Первоначально участницы интервью отбирались через личные опосредованные связи исследователя, далее отбор выстраивался по принципу «снежного кома». Данные принципы отбора отвечают характеру исследования, направленного на решение теоретической задачи без обобщения результатов относительно генеральной совокупности. Объем выборки не был определен заранее и был обусловлен доступом в поле; тем не менее, мы ориентировались на минимальное число в 15 интервью как образец для качественных исследований в целом.[484] Все интервью записывались на диктофон. В целях обеспечения анонимности, имена участниц исследования скрыты.

Обратимся к более подробному описанию выборки. Возраст участниц интервью варьировался от 25 до 42 лет. Всего одной информантке к моменту исследования исполнилось 25 лет, в то время как в возрастной группе 26-30 лет было представлено подавляющее большинство участниц – девять информанток. Группа 31-35 лет представлена четырьмя участницами. Еще одной участнице на момент интервью исполнилось 42 года. Две информантки в возрасте 26 и 28 лет состояли в официально зарегистрированном браке, при этом еще семь находились в незарегистрированных отношениях, несколько человек жили вместе с партнерами, двое были помолвлены. У четырех участниц был опыт развода. Неравномерная представленность различных возрастных групп

[484]Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С.105.

предопределила и малую представленность в выборке женщин, имеющих детей. Так, только у трех информанток были дети. Тем не менее, эти три случая предоставили богатый материал для проблематизации телесных практик в контексте беременности и материнства.

Несмотря на перекосы выборки в отношении возрастных групп и наличия детей, в целом социально-экономический статус информанток представлен равномерно и отвечает выбранному кейсу женщин среднего класса. Все участницы интервью получили высшее образование в таких областях, как медицина, экономика, лингвистика, связи с общественностью, политология, международное право, дизайн и др. У пяти информанток было более одного диплома о высшем образовании. В то время как две участницы находились в декретном отпуске, все информантки состоялись в своих областях профессиональной деятельности как специалисты, ряд информанток занимал руководящие должности в средних и крупных российских компаниях, одна участница интервью развивала свой бизнес. Таким образом, социально-экономический статус участниц выборки предстает в целом как релевантный для описания сообщества, для которого характерна проектная установка по отношению к телу и соответственно включенность в телесные практики как в специфические ансамбли.

Поскольку исследование было выстроено вокруг телесных биографий и личного опыта взаимосвязанных телесных практик, выраженного в нарративных значениях и стратегиях взаимодействия с телом в целом, отбор информанток не ограничивался их вовлеченностью в специфические телесные практики. Главным критерием отбора участниц интервью выступила регулярность вовлеченности как минимум в одно направление работы над телом, такое как фитнес, диетарные практики, косметические и хирургические процедуры. Таким образом, в поле исследовательского внимания оказались рефлексивные техники тела в терминологии Ника Кроссли, концепция которого была рассмотрена нами в первой главе, а именно, способы целенаправленной работы над телом. Ансамбли

специфических техник неразрывно связаны между собой и с индивидуальными целостными телесными проектами. Среди разнообразия телесных практик, в которые были вовлечены информантки на момент интервью, выделим следующие:

- *Физические занятия и тренировки*. Данный вид практик был представлен регулярными посещениями тренажерного зала, различными видами фитнеса, йогой, неигровыми видами спорта (плавание, бег, лыжи и др.), танцами;
- *Диетарные практики*. Контроль приема пищи проявлялся как в следовании популярным диетам (диета П. Дюкана, диета КОТ), так и индивидуальным системам питания, разработанным диетологом. Несколько информанток демонстрировали наличие лично выработанных систем питания, без участия специалистов, которые были основаны на ограничении приема определенных продуктов или подсчете калорий. Некоторые участницы интервью регулярно принимали биологически активные добавки и витамины;
- *Косметические процедуры и уход за телом*. Помимо повседневного ухода с помощью косметических средств, ряд участниц интервью регулярно проходил курсы мезотерапии[485] у косметологов, имел опыт спа-процедур (обертываний и пилингов), а также посещал массажистов;
- *Хирургические и нехирургические модификации тела*. Данный вид телесных практик был затронут в нескольких интервью. Одна из информанток незадолго до исследования прошла хирургическую процедуру увеличения груди с помощью имплантов. Другая информантка поделилась опытом химической липосакции

[485]Внутрикожное введение медикаментов. Широко распространено в косметологии, в частности, инъекции витаминов, микроэлементов, гиалуроновой кислоты и др. с целью омоложения и улучшения внешнего вида кожи, устранения дефектов последней. Может применяться на различных частях тела в зависимости от необходимости. Так, одна из информанток на момент интервью проходила курс мезотерапии бедер.

подбородка. Также в одном из интервью затрагивалась тема татуировок информантки;

- *Практики мониторинга телесных процессов*. В нескольких интервью речь шла о технологиях, используемых в повседневной жизни для отслеживания изменений тела и статуса здоровья. Среди них ежедневное ношение электронного трекера-браслета (Jawbone Up), фиксирующего количество пройденных шагов, эффективность физических нагрузок и длительность сна, а также позволяющего отслеживать динамику данных показателей применительно к рассчитанной «норме» в специальном приложении для смартфона. Электронный блокнот Evernote использовался одной из информанток для ведения медицинской карты, составления меню на ближайший месяц, а также создания шаблонов стилей одежды. Регулярные медицинские тесты были особенно распространены среди тех, кто пользовался услугами личных диетологов, а также следовал популярным диетам (например, тест на метаболический синдром).[486]

Ориентируясь на разработанную нами классификацию техник тела по результатам теоретического исследования, подчеркнем, что в проекте были представлены техники, нацеленные на само тело, имеющие как незамедлительный эффект (мезотерапия, увеличение груди, тату и т.п.), так и отсроченный эффект (физические упражнения, диеты и т.п.). Большая часть техник тела представляла собой ежедневные (косметический уход, система питания) и еженедельные или ежемесячные техники (физические занятия, массажи и т.п.), хоть и незначительно, но все же были представлены и единоразовые техники (хирургические операции, тату). Таким образом, большая часть телесных практик, затронутых в интервью, носила рутинный характер, то есть была ориентирована на выработку и поддержание относительно устойчивой презентации самости. Однако в проекте представлено и несколько единоразовых модификаций тела, для которых

[486] Таблицу с описанием участниц интервью и телесных практик каждой из них см. в приложении.

характерен «трансформирующий» характер в обозначении Кроссли, то есть изменение символического значения тела. В какой мере представленные техники являются фемининными или маскулинными по своему символическому содержанию, мы рассмотрим в следующем разделе данной главы, который посвящен институциональному и ценностно-мотивационному аспектам телесных практик.

Обратимся к описанию реализации этапов тематически-центрированного интервью. Чтобы обозначить исследовательский фокус на телесных биографиях как личных историях работы над телом, для стимулирования к наррации и начального автобиографического рассказа на первом этапе интервью использовался «лидирующий вопрос» со следующей секвенциональной установкой: «*С чего начиналось ваше экспериментирование по изменению собственного тела, как эти опыты изменялись, и к чему они привели?*». Данный вопрос, сформулированный в логике нарративного биографического интервью Ф. Шютце, был направлен, во-первых, на упорядочивание процесса коммуникации в логике участницы интервью, во-вторых, на выстраивание нарратива в соответствии со степенью значимости отдельных жизненных событий для информантки.[487]

Одной из особенностей данного проекта выступил разрыв в длительности стадии начального биографического рассказа различных участниц. Так, в то время как в большей части интервью первоначальный рассказ длился в среднем от 1 до 4 минут (9 интервью), в трех случаях длительность составила в среднем 10 минут, еще в трех – порядка 40 минут. Данный разрыв, на наш взгляд, вызван уровнем открытости и готовности к разговору на данную тематику. В большинстве интервью участницы первоначально акцентировали внимание в своих рассказах исключительно на телесных практиках, составляющих их опыт работы над телом в прошлом и в настоящее время, тем самым, очерчивая границы рассказа исключительно

[487] Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 1994. № 3-4. С.36

своей «телесной биографией», лишь изредка ссылаясь на события жизни, сопровождавшие ту или иную практику. Рассказы, длившиеся в среднем 10 минут, в большей степени затрагивали биографические события, повлиявшие на интерес к телу и его преобразованию. Когда изначальный рассказ длился порядка 40 минут, информантки демонстрировали высокую готовность к беседе, рефлексии и рационализации личной вовлеченности в телесные практики. В таких случаях на первой стадии интервью биография «социальная» и биография «телесная» тесно переплетались.

Наиболее длительные интервью оказались близки по форме к глубинному интервью как разновидности качественного интервью, расположенного по шкале оценки степени свободы собеседников (заданности тем заранее подготовленными вопросами) и глубины беседы близко к клиническому интервью, практикуемому в психоанализе и психотерапии.[488] Высокая степень рационализации и рефлексии в рассказах информанток на первом этапе беседы в трех случаях, на наш взгляд, может представлять материал и для анализа в рамках клинической социологии. Последняя выступает как социопсихологический и психосоциологический подход, ориентированный, с одной стороны, на изучение влияния социокультурных факторов на поведение индивида (в нашем контексте, обусловленность телесных практик социокультурными факторами), с другой стороны, субъектность актора и его оппозицию тем или иным социальными ситуациям (телесным канонам феминнной привлекательности и внешнего вида).[489]

На втором этапе интервью, представляющем собой структурированную беседу, исследователь задавал как спонтанные, так и заранее подготовленные вопросы. Спонтанные вопросы были призваны уточнить те или иные сюжеты в начальном биографическом рассказе, в то время как заранее подготовленные вопросы были направлены на разработку главных тем и

[488]Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. С.208.Тем не менее, мы не склонны противопоставлять данные методы интервью, относящиеся к разным типологиям
[489]Гольжак В. Клиническая социология. // Социологические исследования. 1994. № 5. С.58.

общих тенденций во всех интервью. Если на первом этапе интервью массив данных (логика, набор тем, ситуаций и т.п.) полностью структурировался субъектом, выступающим в качестве информанта, на втором этапе, отвечающем принципам лейтмотивного интервью как сконцентрированного на определенной теме, [490] в организации логики беседы и получаемых данных в равной степени принимал участие и информант, и исследователь.[491] Среди заранее подготовленных исследователем вопросов были следующие:

- Вы упомянули, что в определенный период жизни [конкретизация в зависимости от начального рассказа, например, в подростковом возрасте, во время обучения в школе, в университете и т.п.] заинтересовались фитнесом/йогой/балетом/подсчетом калорий, расскажите подробнее, как возникал этот интерес.
- Какие события вашей жизни сопровождали ваш интерес к занятию собой/спортом/диете/косметическим процедурам?
- Опишите ваш обычный день с учетом всех способов заботы о себе и о внешнем виде, как он начинается, что вы делаете на протяжении дня, и как он заканчивается.
- Расскажите, как обычно проходят ваши занятия в тренажерном зале. С чего они начинаются, чем вы занимаетесь на протяжении занятий, чем они заканчиваются?

В ситуациях интервью с женщинами, имеющими детей, отдельный акцент в вопросах был сделан на опыте беременности, в частности, с помощью следующих вопросов-заготовок:

- Расскажите, изменялось ли восприятие и переживание вашего тела на протяжении вашей беременности, и если да, то, как оно менялось?
- Вы упомянули, что занимались спортом/йогой/сидели на диете до беременности, а оказывала ли беременность влияние на то, как вы заботились о внешнем виде? Если да, то как это происходило?

[490] Романов П., Ярская-Смирнова Е.Р. Методы прикладных социальных исследований. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, при участии ООО «Норт Медиа», 2008. С.65.
[491] Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С.99.

Использование заготовок вопросов позволило в ряде интервью получить структурированные истории работы над телом, апеллирующие к определенному социальному контексту возникновения и развития интереса к изменению тела. Руководствуясь новой информацией, полученной с помощью таких заготовок, исследователь также мог задавать спонтанно возникающие вопросы для уточнения отдельных сюжетов.

В конце интервью информанткам предоставлялась возможность абстрагироваться от своей биографической истории и оценить со стороны различные события своей жизни, взаимосвязи, модели поведения - проанализировать мотивы и цели вовлеченности в телесные практики. Так, на данном этапе исследователь предлагал участнице интервью оценить, какие события её жизни, по ее мнению, наибольшим образом повлияли на интерес к занятию собой, что мотивирует участницу заботиться о себе, какие цели она ставит перед собой. Однако поскольку в целом данные вопросы являются сензитивным, и не все информантки на протяжении интервью выразили готовность делиться подробностями своей биографии, концентрируя внимание преимущественно на телесных практиках и изменении интереса к отдельным из них, также использовалась и другая стратегия. Участницам интервью предлагалось в целом проанализировать причины высокого интереса женщин к собственным телам и заботе о них. С одной стороны, такой формат предполагал обезличенную оценку, с другой, позволил исследователю сравнить полученные ответы с опытом каждой из женщин, изложенным в виде нарративов, провести параллели между ним и проблемами, которые, по мнению участниц, стоят перед женщинами, вовлеченными в практики работы над телом.

Обработка результатов исследования осуществлялась в логике тематического анализа, который включает два уровня герменевтического анализа текста – вертикальный и горизонтальный.[492] На первом этапе

[492] Schorn A. The "Theme-centered Interview". A Method to Decode Manifest and Latent Aspects of Subjective Realities // FORUM. 2000. Vol. 1, No. 2, Art. 23.

(«вертикальная герменевтика») исследователь анализировал каждый конкретный случай, выделяя основные темы с присвоением ключевых слов для каждой из них. Затем тематические блоки использовались для описания краткой истории каждого интервью. На втором этапе анализа («горизонтальная герменевтика») в качестве единицы изучения были взяты отдельные темы, по которым проводилось сопоставление уникальных случаев.

Отдельный вопрос, который нам хотелось бы осветить в этом параграфе, касается этики исследования в целом. Этическая сторона проекта особенно актуальна в связи со спецификой изучаемого феномена и многообразием его интерпретаций в рамках социологии и академического феминизма, что мы подробно рассмотрели ранее. Современное феминистское исследование предполагает этику заботы об информантках, внимание к личному опыту, но в то же время является открыто политически и идеологически ангажированным. Это проявляется в его направленности на информирование и повышение уровня сознательности женщин относительно своего подчиненного положения в обществе, выработку стратегии освобождения.[493] Рассматривая активистскую установку академического феминизма применительно к обращению женщин к услугам пластической хирургии, Кэти Дэвис указывает на проблему баланса между исследовательским вниманием к многообразию индивидуальных причин, побудивших женщин на хирургическое вмешательство в тело, и критической установкой в отношении структурного давления на женщин патриархатных канонов привлекательности.[494] Перевес последней нередко ведет к трактовке женщин в качестве жертв ложного сознания, навязанных стандартов привлекательности. Вслед за Дэвис мы подчеркнем, что не только пластическая хирургия, но и телесные практики в целом являются скорее

[493]Здравомыслова Е., Тёмкина А. Феминистские рефлексии о полевом исследовании // Laboratorium. 2014. 6(1). С.90.
[494] Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. P.159.

«дилеммой, чем формой добровольного (self-inflicted) подчинения»[495] женщин. Более того, теоретическое исследование позволило нам сделать вывод о комплексной природе телесных практик, включающей собственно технологический (техники тела), институциональный (телесная педагогика) и ценностно-мотивационный компоненты (технологии себя). Такая установка нашего исследования позволяет, с одной стороны, сохранить критический подход к социальным канонам фемининности, и в то же время отнестись серьезно к словам самих женщин, комплексным причинам и мотивам вовлеченности в работу над телом. Данная этическая установка стремится к принципу нравственного уважения личности интервьюируемого в исследовательском интервью.[496]

В следующих параграфах данной главы изложены основные результаты эмпирического исследования и сформулировано их значение для оценки познавательных возможностей и ограничений концептуальной модели телесного реализма. Второй параграф организован вокруг проблемы структура/действие – соотношения структурного влияния и индивидуальных факторов включения в работу над телом, то есть институциональных каналов передачи техник на уровне реципиентов (аспект телесной педагогики, связанный с телесной социализацией) и ценностно-мотивационного компонента телесных практик (технологий себя). В третьем параграфе проанализирована методологическая проблема объект/субъект, применительно к стратегиям взаимодействия женщин с телом. Четвертый параграф подводит основные выводы относительно возможностей и ограничений телесного реализма применительно к изучению ансамблей телесных практик.

[495] Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. P.180.
[496]Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. С.156-157.

3.2. Между упорядоченным и проживаемым телесным опытом: женщины о практиках работы над телом

В этом разделе главы мы обратимся к проблеме соотношения структурного влияния и индивидуальных факторов включения женщин в работу над телом, то есть к дихотомии структура/действия применительно к изучению ансамблей телесных практик женщин. Интегративная модель телесного реализма предполагает учет, во-первых, структурных факторов, обусловливающих вовлеченность женщин в телесные практики, во-вторых, индивидуальных факторов, связанных с проживаемой ситуацией, субъективным телесным опытом и потенциалом для преобразующего социального действия, в-третьих, диспозиционного аспекта, фиксирующего внимание на взаимообусловленности социальной диспозиции женщины и вовлеченности в конкретные телесные практики. Чтобы проанализировать возможность оценки соотношения этих факторов в эмпирическом исследовании, данная проблема была «переведена» на уровень следующего исследовательского вопроса: каким образом женщины уравновешивают социальное влияние и индивидуальный телесный опыт в повседневной жизни?

В данном разделе мы остановимся на анализе следующих тематических сюжетов, позволяющих проиллюстрировать вовлеченность в телесные практики на различных уровнях:

- Социальный контекст возникновения и трансформации интереса к работе над телом, включая институционально санкционированные каналы передачи специфических техник тела. Однако поскольку природа эмпирических данных (метод интервью) не позволяет нам в полной мере оценить институциональный аспект телесных практик на макроуровне, речь пойдет не собственно о телесной педагогике, а об агентах телесной социализации с точки зрения реципиентов. Этот

сюжет раскрывает освоение и воспроизводство ансамбля телесных практик в повседневной жизни;

- Ценностно-мотивационный компонент включения в работу над телом, биографические стратегии уравновешивания социального влияния и индивидуального образца внешней привлекательности, коррелирующего с чувством самости. Данный сюжет раскрывает мотивацию вовлеченности в работу над телом.

Далее рассмотрим каждую из этих тем по очереди в контексте теоретических направлений концептуализации телесных практик среди женщин.

Для начала обратимся к социальному контексту, окружению и культурным канонам как факторам включения в работу над телом. Рассматривая телесно-педагогический (конкретнее, телесно-социализационный) аспект практик работы над телом, наиболее подробно остановимся на биографизировании развертывания отношений с социальным окружением, включая мужчин, женские сообщества, семью, а также восприятие образцов нормативной феминности в массовой культуре.

Большинство участниц исследования констатировали возникновение устойчивого интереса к собственному телу и его преобразованию в подростковом возрасте. Ряд информанток связал проблематизацию телесности с желанием нравиться противоположному полу и первой влюбленностью, поскольку «*мужская часть населения обращает внимание на девушек, у которых все в порядке с фигурой*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник), а планета в целом «*мужского рода*» (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете). При этом чуть меньше трети женщин испытали непосредственное влияние мужчин, проявившееся как в прямых указаниях на необходимость соответствовать канонам привлекательности, так и в намеках, мотивировавших взяться за работу над телом:

> Лет в 19, когда у меня появился молодой человек, я вдруг услышала фразу очень критичную в свой адрес: лицо то у тебя красивое, а фигура-то не очень (смех) (интервью 1, 42 года, стоматолог);

> Ну, в основном он это делал... ну, как-то подкалывал… Вот, например, говорил: как же, вот у нас будут дети, как они тебя будут в машину затаскивать? Через багажник? (смех) То есть такие шуточки с намеком явным… Хотелось показать, что нет, я не толстая, я нормальная (интервью 8, 27 лет, юрист).

Несмотря на то, что по мере взросления и обретения финансовой независимости участницы интервью отмечают увеличение самостоятельности в принятии решений о собственном теле, первый опыт критики со стороны противоположного пола оценивается как «*нормальная школа жизни*», заставившая обращать внимание на «проблемы» в собственной внешности: «*да, это есть, это проблема, и она решаема. Только она решаема только тогда, когда ты этого хочешь, а не когда тебя, там, давят с утра до ночи*» (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью). «Подстройка» под мужчину оказывается необходимой в ситуации, когда женщина находится или в поиске стабильных отношений, или же впервые вступает в таковые:

> …почему у меня не было такой мотивации?.. Я не стремилась ни замуж, ни создать семью: я просто жила, потому что жила […] не было никогда серьезных отношений. И.. когда они вдруг спонтанно появились, да, я поняла, что я хочу семью, я хочу ребенка, я хочу хороших, там, стабильных отношений, и для этого мне нужно делать то, что хочет эта моя вторая половинка (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса).

В контексте данного интервью под желаниями второй половины подразумевалось соответствие образу, привлекательному с точки зрения мужчины: «*тебе хочется, чтобы ты тоже также выглядела как то, куда*

он смотрит» (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса). Одновременно, несколько женщин подчеркивали значимость получения «обратной связи» в социальных сетях и советов от друзей и родственников мужского пола для оценки собственного внешнего вида, того или иного стилевого решения или красоты тела. Вне зависимости от конкретных отношений, женщина предстает «*товаром*», которому следует себя «*правильно продать*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник). Так, в одной из историй критическую роль сыграл не муж, от которого «*никогда ничего не услышишь*», а друг, который, будучи в гостях, «обнаружил» признаки целлюлита у девушки и отпустил колкость на этот счет. При этом, информантка отмечает обоюдное влияние партнеров друг на друга, поскольку в отношениях каждый партнер «*вдохновляет*» другого «*держать* [себя] *в тонусе*» (интервью 5, 28 лет, специалист по продвижению парфюмерно-косметической продукции).

Тем не менее, большинство участниц интервью отмечали независимость интереса от непосредственного влияния мужчины, более того, указывая на непонимание второй половиной увлеченности собственным телом: «*это больше было как отношение к женской придури, прихоти*» (интервью 4, 29 лет, руководитель департамента аналитики экономики). Как мы отмечали ранее при рассмотрении структуралистской традиции интерпретации телесных практик женщин, наличие реального мужчины-критика не обязательно для включения в работу над телом, на первый план выходит «гипотетический мужчина» и интериоризированный «мужской взгляд», постулирующий неразрывную связь внешней привлекательности и гетеросексуальных отношений.

Женские сообщества и культурные образцы красоты выходили в большинстве интервью на первый план как основные факторы первоначального интереса к работе над телом. С одной стороны, подруги выступают инициаторами заботы о внешности, обсуждая последние новшества в области диет, косметологии, а также мотивируя друг друга на

совместные занятия в тренажерном зале. С другой стороны, постоянное сравнение себя с женским окружением представляет собой источник фрустрации и зависти, а также нередко ведет и к формированию негативной установки к собственному телу:

> И там были девочки – такие украинки. Они все худые, такие, знаешь, с хорошей грудью с длинными ногами. И ты такая самая огромная, у тебя какие-то 25 складок, которых у тебя никогда не было […]. Я перестала улыбаться, меня ничего не радует, я не могу пойти в магазин, потому что меня раздражают тощие девки, которые ходят. Меня всё это раздражало, меня приводило просто в состояние бешенства (интервью 11, 25 лет, специалист по связям с общественностью, блогер).

Данная цитата наглядно иллюстрирует соревновательный компонент телесных практик и так называемую «гонку вооружений» в терминологии К. Клингсайс, о которой шла речь во второй главе. Также она демонстрирует специфическую установку по отношению к телу, обозначенную нами ранее вслед за Л. Фрост как «тело ненавидимое» («body hatred»). Второй аспект отношения женщин с собственным телом станет предметом рассмотрения в следующем параграфе, сейчас же остановимся подробнее на конкуренции. В качестве мотива поддержания привлекательного внешнего вида ряд информанток отмечает стремление заслужить признание и статус в глазах других женщин как обладающих более критическим и осуждающим взглядом, нежели мужчины: «*женщины в первую очередь хотят выглядеть для другой женщины*» (интервью 9, 26 лет, юрист); «*у меня как бы всегда соревнование с этой абстрактной девочкой, которая лучше и лучше меня*» (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью). Внимание со стороны женщин, «*вау*»-эффект, зависть и восхищение, не менее значимы, чем мужское признание: «*Я хочу* […] *чтоб мною восхищались, думали, какая красивая, какая я хорошая и пригожая. Отсюда эти занятия собой, отсюда эти маски, отсюда вещи*» (интервью 13, 28 лет, менеджер в PR-агентстве);

«*я привыкла нравиться, я всегда привыкла быть суперпримой*» (интервью 1, 42 года, стоматолог).

Не меньшую значимость в качестве факторов проблематизации тела приобретают в личных нарративах мода и массовая культура. Во-первых, в поле внимания оказываются модные фасоны одежды, рассчитанные преимущественно на стройную фигуру: «*ты понимаешь только, что все это могут носить, а ты такой зверояшер не можешь, потому что ты жирный*» (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью).[497] Во-вторых, в поле зрения на повседневном уровне постоянно возникает визуальный образец женской привлекательности, представленный в массовой культуре, и инициализирующий оценку собственного тела:

> Доступные общие какие-то понятия о том, как должно быть, как правильно. Приходишь на фитнес и везде висят прекрасные фотографии красивых натренированных тел, где-то рядом на соседнем тренажере или где-то в группе может находиться девочка, у которой… фигура кажется лучше. И ты понимаешь, что нет предела совершенству, нужно двигаться дальше, где-то убавить, где-то прибавить (интервью 6, 29 лет, офисный работник).

В данном контексте примечательна также история интереса одной из участниц к канонам красоты. Вспоминая детство, женщина рассказывает о подарке матери, привезенном из Венгрии – «*худенькой*» кукле Синди.[498] Образ Синди, ассоциируемый с модой и красотой, а в дальнейшем женской сексуальностью, повлек за собой первые опыты по изменению тела: «*просто сбросить вес и стать такой вот моделькой, которую показывают на Fashion TV или что-то… или в клипах. И чувствовать себя более уверенной, и чувствовать себя более сексуальной… не стесняться своего тела*» (интервью 15, 34 года, пиарщик). Как мы отмечали ранее, кукла Барби, в

[497] Лексика в данной цитате («зверояшер», «жирный») в очередной раз отсылает нас к негативистской установке по отношению к телу. Более подробно данная проблематика будет рассмотрена в третьем параграфе.

[498] Кукла Синди («Sindy») является британской соперницей Барби, особенную популярность имела в 1990-е гг.

данном контексте её «аналог» Синди, выступают объектом критики со стороны академического феминизма как раз за внушение подрастающим девочкам нормы тела, с точки зрения пропорций нереалистичного по своей природе.

Несмотря на присутствие в интервью таких тем, как стандарты красоты в массовой культуре, влияние подруг, «мужской взгляд», в целом канон нормативной феминности и сексуально привлекательного женского тела сливается в нарративых участниц исследования с образом успешного человека в целом. Быть успешным человеком означает быть «*скульптором*» собственного тела (интервью 9, 26 лет, юрист), потому что «*счастье и успех – они на лице*» (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью). Тело и внешняя привлекательность предстают одним из компонентов образа и успешного мужчины, и успешной женщины, наряду с карьерой и семьей: «*общество предполагает определенную одежду, и чтобы устроиться куда-то, тебе нужно себя подавать и нужно торговать лицом*»(интервью 15, 34 года, пиарщик); *сама работа, которая у меня есть, она обязывает держать себя в форме и показывать пример, так скажем, всем остальным* (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса). Поскольку все информантки состоялись в карьере, слияние проектного подхода к телу характерного в целом для обществ высокого модерна и канонов феминной привлекательности может быть проинтерпретировано, вслед за С. Бордо, как сочетание двойственного социального давления. Работа над телом при одновременном освоении публичной сферы служит маркером процесса усвоения женщинами мужских профессиональных стандартов культуры, ассоциируемых с маскулинными императивами самоконтроля (в данном контексте контроля телесности), при одновременном сохранении феминного императива отождествления женщины и тела.

При этом, делая выбор в пользу того или иного способа работы над телом, а также сочетания нескольких способов, женщины нередко ориентируются не только на нормативные образцы телесных практик в

окружении подруг, а также модные в тот или иной момент диеты, виды фитнеса или косметических процедур. Установки по отношению к собственной телесности и способы обращения с телом транслируются в семье, в первую очередь, посредством примера матери или других родственниц. Так, в ряде интервью отмечается роль матери в поддержке дочери при помощи совместных занятий собой (походов на косметические процедуры, разделение диет):

> Я поправилась на 25 килограмм, и очень сильно переживала по этому поводу. Когда мне исполнилось, по-моему, 18 лет, я… У меня мама, она видела, что я очень переживаю, и стала со мной худеть вместе. Вот. И она стала считать калории. Наверно, это вот такой серьезный опыт первый (интервью 2, 32 года, глава проекта по автоматизации и роботизации в машиностроительной компании)

Пример эффективного самоограничения (в первую очередь, сведения потребления еды к минимуму) в лице профессиональной балерины (интервью 8, 27 лет, юрист) и гимнастки (интервью 1, 42 года, стоматолог) среди ближайших родственниц выступает для ряда участниц каноном «укрощения» телесности, ведущим впоследствии к установлению строгих диетарных режимов. Так, в интервью 8 описывается период учебы матери в балетном училище, включавший «*сильные физические нагрузки, когда они за одно занятие теряли по два килограмма*», а также диету из начинавшихся портиться яблок для похудения. С возрастом, мама этой участницы интервью сохраняет «сдержанное» отношение к еде: «*она особо не обращает внимания на еду. Может выпить чашку кофе и... полдня не есть. Вечером что-нибудь съесть, выпить опять кофе и всё*». Несмотря на то, что большую часть своего детства информантка провела с дедушкой и бабушкой, мама выступает для неё главным экспертом в обсуждении вопросов похудения: «*Мама, как ты считаешь, на сколько мне нужно похудеть? И она мне говорила: ну вот смотри, вот здесь тебе нужно убрать, вот здесь.. ну, наверное килограмм на столько-то*» (27 лет, юрист). В интервью 1

вдохновителем выступила бабушка, во время учебы в Москве участвовавшая в построении пирамид из спортсменок перед И. Сталиным: «*она рассказывала, что когда был голод, и девчонкам было нечего есть, она умудрялась выбегать на улицу обливаться холодной водой, растираться снегом, питаясь сухариком в день*» (42 года, стоматолог). В данных случаях «идеалы самоограничения» появляются в первую очередь в связи с описанием диетарных практик.

Сюжет приобщения информанток родителями к физической культуре, спорту и здоровому образу жизни в детстве возникает в историях женщин, для которых фитнес и спорт выступают ключевыми техниками тела. Так, в паре интервью упоминается про совместные с родителями традиции кататься на лыжах (интервью 6, 29 лет, офисный работник) и ходить в бассейн (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете), многие упоминают про занятия танцами в детском возрасте. Большая часть участниц интервью отмечает роль своих родителей в привитии хорошего вкуса и умения одеваться с раннего детства, способствующую формированию в ребенке желания вызывать восхищение окружающих:

> Родители меня... я сейчас вспоминаю, всегда хорошо одевали, очень. Они заботились, стало быть, о том, как я выгляжу. И потом я это отследила, видимо, и почувствовала, и поняла, что надо выглядеть хорошо. Маленькой еще будучи девочкой… И, в общем, тогда еще началось... какие-то признания меня, моей внешности среди детского сада.. детсадовской группы. Я поняла, что красота – это то, на что обращают люди внимание во мне (интервью 1, 42 года, стоматолог).

Несмотря на то, что в большей части интервью возникает тема непосредственного и опосредованного влияния ближайших родственников, в первую очередь женского пола, на освоение тех или иных техник тела, в нескольких случаях в нарративах прослеживается противопоставление своей заботы о теле установкам родных: «*никто в семье никогда не делал что-то*

специально для того, чтобы похудеть. Ну, это [лишний вес] *как данность*» (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса).

Итак, при общей тенденции возникновения культурных образцов сексуально привлекательного женского тела и нормативной фемининности в личных нарративах в свете проблематизации собственной внешности и работы над собой, существуют и значимые различия в каналах усвоения телесных практик. Первый интерес к телу в большинстве историй возникает в контексте желания быть привлекательной, понравиться окружающим и противоположному полу, что стимулирует вовлеченность в практики красоты. С одной стороны, внешняя привлекательность женщины выступает компонентом гендерного контракта, с другой – атрибутом успешного человека в целом вне зависимости от пола. Можем ли мы однозначно заключить, что именно социальный (или даже патриархатный) канон женского тела, мужское влияние или нормативная гетеросексуальность стали главными факторами формирования устойчивого интереса к телесным практикам и регулярной работе над телом? Оказывают ли данные факторы одинаковое влияние на разных этапах взросления женщины? Исследование показало, что не все телесные практики, в которые вовлечены информантки, выступают практиками привлекательности. Как мы увидим дальше, смысловое оформление включения в работу над телом конституирует сложность и комплексность данного явления.

Фокус на телесных биографиях, и, как следствие, разнообразие техник тела, представленных в исследовании, позволили выделить ключевые модели вовлеченности в телесные практики, таким образом, не сводя все доступные женщинам практики работы над телом исключительно к практикам красоты. В целом, мы условно выделили три модели вовлеченности, представляющие собой некий континуум. Наряду с желанием достичь внешней привлекательности и соответствовать социальному канону фемининной красоты, отдельно следует выделить ориентацию на здоровье и самосохранительное поведение, а также стремление достичь гармонии

внешнего и внутреннего, телесной оболочки и самоощущения. Таким образом, анализируемые телесные практик в рамках данного исследования можно условно разделить на практики привлекательности, практики здоровья и практики самости. Как правило, в той или иной степени все три модели были представлены во всех личных нарративах, при наличии доминирующей у каждой информантки.

Более того, большинство участниц исследования отмечали эволюцию целей и идеалов на протяжении жизни – от «слепого» следования за стандартами красоты до разумного подхода к собственному телу и его преобразованию:

> Молодые не понимают, что функция – это наверно все же главное, потому что красивым в гробу лежать, лысым, но красивым, или сидеть в инвалидном кресле, наверно, не хочет никто, когда он это получит по факту (интервью 1, 42 года, стоматолог);

> В молодости, так скажем, ты отдаешь предпочтение больше внешности, нежели здоровью, это действительно происходит так… А сейчас уже приходит осознание, что… эти вещи взаимосвязаны, то есть ты больше идешь к здоровью, нежели к внешности (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса).

Факторами смены отношения к собственному телу и конечной цели работы над ним выступают стабильные отношения и планирование семьи, устойчивые дружеские связи, когда возникает понимание, что «*не только за это* [внешность] *тебя любят*» (интервью 4, 29 лет, руководитель департамента аналитики экономики). Рождение ребенка и уход за новорожденным также заставляет переосмыслить телесные практики («*большая зона ответственности*», интервью 12, 32 года, владелец бизнеса; «*резко начала бояться*», интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете). При этом проблематизация собственного тела и регулярный уход за ним позиционируются как «*любовь к себе*» (интервью 5, 28 лет, специалист по

продвижению парфюмерно-косметической продукции). Забота о телесности предполагает формирование по отношению к себе специфической «*культуры физиологии*», представляющей собой набор «*занятий, да, которые улучшают твое состояние, твое здоровье, твое тело*». Культура физиологии необходима в жизни каждого человека, чтобы он «*понимал, как бы, что есть жизнь внутри тебя… и внутри твоего тела, когда ты должен жить и понимать, что ты здоровый – ты ради этого делаешь многое*» (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете).

Как следствие, выбор специфических техник тела коррелирует с доминирующей моделью вовлеченности. Так, диетарные практики и такие косметические процедуры как инъекции ботокса предстают релевантными для достижения канона худобы и поддержания молодости, консервации возрастных изменений. Тем самым они составляют костяк практик привлекательности. В то же время разработанные совместно с диетологом системы питания предстают не просто методом поддержания худобы, но и элементом здорового образа жизни, налаживания физиологических процессов – практиками здоровья. Различные виды физической активности, фитнес, спорт, танцы и, в первую очередь, йога, предстают способами достижения гармоничных отношений с собственным телом, уравновешивания внешней привлекательности и здорового функционирования организма, тем самым, являясь способом уравновешивания практик здоровья и практик самости. Поскольку подавляющее большинство информанток стремилось сочетать физическую активность, косметические процедуры и диетарные практики (варьирующиеся от строгих диет до «правильного» питания, полностью исключающего фастфуд), в целом такой подход можно охарактеризовать как комплексный, объединяющий в себе личные и социальные стандарты телесного воплощения и самоощущения.

В результат комплексного подхода выстраивается система заботы о себе, наиболее полно раскрывшаяся в интервью 14 (28 лет, дизайнер интерьеров):

> Некоторое время назад… ну, наверно... года 2 назад, ко мне пришло такое осознание... В принципе я сторонник такого глобального подхода, системы. Поэтому я просто в один определенный момент села и задумалась вообще, просто проанализировала свою жизнь в целом Вот. И… выделила несколько сфер жизни, в том числе, ну, собственно, здоровье, красота… образование... карьера, учеба, там, личные отношения.. […] У меня получился такой... Ну, в центре я, и, в общем, круг. Я сначала начала квадратиками, потом последовательностью, а потом поняла, всё равно это какой-то... все проблемы важные, нету первых и нету последних - надо всё решать вместе.

Такая схема позволила участнице исследования выделить жизненные приоритеты и разработать систему достижения целей в каждой из областей, так как «*чтобы жить полной и здоровой жизнью они должны все работать для тебя*» (интервью 14, 28 лет, дизайнер интерьеров). Наибольшее воплощение в отношении телесных практик система получила в виде ведения электронного блокнота, позволяющего составлять график блюд в соответствии с рекомендациями диетолога на недели вперед, коллекционировать стилевые решения в одежде из гардероба информантки. Помимо этого, занятия танцами (сальсой) и йогой были нацелены на гармонизацию внутреннего мира и настроения, оптимизацию внутреннего самоощущения и внешнего вида.

Как показали интервью, женщины склонны вырабатывать собственные критерии внешней привлекательности и идеала красоты, нередко расходящиеся с сексуализированным стандартом феминности, представленным в массовой культуре. Так, в ряде нарративов на первый план выходила естественность облика: «*когда здоровые волосы, когда*

натуральные, цвет волос – не крашеные волосы, это чистое лицо без косметики, это подтянутое тело. Не обязательно это 42 размер, бывает 46 размер подтянутый» (интервью 9, 26 лет, юрист). В одном из интервью сексуализированному телу («*телу стриптизерши*», завоевывающему мужское внимание) противопоставлялся личный идеал «*эльфоподобного*» хрупкого существа, «*женщины-андроида*», в большей степени коррелирующий с «телом балерины» (интервью 1, 42 года, стоматолог). «*Чувство легкости*» (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете), «*поиск себя*» (интервью 2, 32 года, глава проекта по автоматизации и роботизации в машиностроительной компании) посредством экспериментирования с внешним видом, «*уверенность в себе*» (интервью 8, 27 лет, юрист) представляют собой неотъемлемую цель работы над телом. Телесные практики, позиционируемые как «*гигиена тела*», предстают такими же необходимыми и значимыми, как и саморазвитие, «*гигиена души*»:

> Точно также ты думаешь о красе ногтей и души, о чистоте души, о поступках и о мыслях… И наверно я... к походу в музей, походу в театр, просмотру кино или чтению какой-то книги отношусь точно также, как и к уходу за собой, за своим внутренним миром (интервью 15, 34 года, пиарщик).

Как было отмечено ранее, по мере взросления женщины отмечают снижение готовности менять свое тело в соответствии с требованиями мужской половины, фокусируя внимание на общем внешнем виде как показателе успеха и построения карьеры. В целом, участницы интервью демонстрировали четкое понимание границ преобразования собственного тела:

> Я понимаю, что это всё психологические моменты, когда человеку кажется, что он некрасивый и несчастный, а если вот у него будет грудь 10 размера, он сразу станет счастливым. Ну, я не чувствую в себе никаких таких изъянов, избавившись от которых я

стала бы намного счастливее, лучше, сделала бы мир лучше (интервью 8, 27 лет, юрист).

Отдельно стоит отметить и установление для себя запретов на те или иные виды вторжений в собственный организм, в частности, хирургические методы коррекции внешнего вида в ситуации, когда результат достижим целенаправленной и регулярной работой над собой с помощью фитнеса или диет. Женщины, прибегающие к хирургическим вмешательствам особенно чтобы избавиться от лишнего веса, в целом, оценивались негативно, как «*лентяйки*». А рецептом для приобретения привлекательного внешнего вида и похудения при необходимости выступала регулярность работы над телом и умеренность аппетита: «*надо есть на полведра меньше*» (интервью 4, 29 лет, руководитель департамента аналитики экономики). Подробнее дисциплинарный аспект телесных практик в нарративах интервью мы рассмотрим в следующем параграфе.

При этом участницы исследования демонстрировали рефлексивное приспособление к доминирующим моделям женской привлекательности посредством прагматического подхода к использованию своей внешности в личных целях. В данном контексте показательна следующая история одной из информанток:

Когда ты начинаешь работать с политикой и с этими ребятами из политических кругов, то, скажем прямо, образ блондинки на шпильке дает тебе дверь в гораздо большее... то есть больше дверей перед тобой открывает, чем, там, ты просто журналюга в кроссовках. […] И как раз в [название места работы] я и поняла, что это, блин, офигенно выигрышно (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью).

Другая история демонстрирует сознательное решение о смене имиджа из-за того, что заказчики не воспринимали информантку как «*деловую женщину*»: «*на тот момент я пришла к выводу, что я выгляжу несколько*

так инфантильно с точки зрения людей из бизнеса» (интервью 14, 28 лет, дизайнер интерьеров). Серьезно взявшись изучать образ «бизнес вумен», посетив несколько тренингов, сменив гардероб до мелочей, женщина достигает поставленную цель – заказчики начинают воспринимать её «*всерьез*» как «*взрослого адекватного человека, профессионала*».

В нарративе еще одной участницы такого рода приспособление сравнивалось с обучением в школе: «*Пришел на урок, выучил, посидел дома, что-то, потратил время, вышел и блеснул. Тебя все похвалили, поставили пятерку, и ты остаешься довольным*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник). Высокий уровень осознания выгоды личного соответствия канонам привлекательности позволяет резюмировать, что женщины предстают не просто пассивными жертвами репрессивной культуры. Они используют культурные образцы для достижения целей, тем самым внося вклад в их воспроизводство, но при этом сохраняя за собой личную зону телесного самовыражения, пространства для воплощения на поверхности тела субъективного представления о красоте посредством комплексного подхода к работе над телом.

Подведем итог вышесказанному. Как показало исследование, интерес к преобразованию телесности возникает в контексте взросления, а также первой влюбленности. Сверстники и, в первую очередь, подруги формируют небольшие сообщества по интересам, таким образом, поддерживая и мотивируя друг друга для достижения внешней привлекательности. При этом женщины, их оценка друг друга и конкуренция оказываются значимее, чем непосредственное влияние мужчин. Каноны феминнной красоты в массовой культуре делают вклад в индивидуальное представление о красоте. Одновременно, модели вовлеченности в телесные практики ближайших родственников женского пола способны оказывать влияние на практики женщин. Матери и бабушки нередко предстают экспертами в тех или иных вопросах красоты, телесной дисциплины, или же выступают образцом для подражания. Тем не менее, по мере взросления мотивация работы над телом

изменяется, происходит переориентация с практик привлекательности на практики здоровья и практики самости, или же комплексный подход к их сочетанию. Большинство женщин проблематизирует свой подход к заботе о теле как комплексный, включающий в себя ориентацию на здоровый образ жизни, фемининную привлекательность и гармонизацию внутреннего самоощущения и внешности. При этом, сочетание различных телесных практик служит различным целям. Так, диетарные практики направлены на поддержание стройной физической формы и здоровое функционирование организма. Спорт, танцы и физические упражнения, включая йогу, нацелены не только на поддержание мышц в тонусе, но и хорошее настроение, гармонизацию отношений с собой. Уход за телом и косметические процедуры направлены на сохранение молодости и достижение канона феминности. Одновременно участницы интервью подчеркнули значимость внешнего вида для успешного человека вне зависимости от пола, а также рефлексивное приспособление к доминирующим стандартам красоты в своей работе для достижения личных целей.

Таким образом, в рамках изучаемой выборочной совокупности мы можем констатировать сложное переплетение структурных и индивидуальных факторов вовлеченности в телесные практики. Телесные практики женщин предстают не только как результат влияния социальных канонов красоты, но скорее как результат рефлексивного приспособления к ним на протяжении жизни. В процессе такого приспособления женщины отбирают для себя индивидуально значимые элементы канона для достижения личных целей в карьере, семье, индивидуальном развитии. Как итог, происходит формирование множественных культур феминности, различие в которых обусловлено институциональными каналами передачи и усвоения телесных практик, а также их ценностно-мотивационным компонентом.

Рассмотрев телесно-социализационный и ценностно-мотивационный элементы телесных практик женщин, далее мы обратимся к

методологической проблеме объект/субъект применительно к женской телесности посредством внимания к стратегиям взаимодействия с телом, телесной дисциплине. Также рассмотрим вопрос, насколько легко или тяжело дается женщинам преобразование тела и его поддержания в соответствии с определенным стандартом, является ли тело исключительно объектом влияния, или же оно проявляет субъектность – сопротивление социально установленным нормативам обращения с телом.

3.3. Тело как объект и субъект в личных нарративах женщин

Проводя анализ структуралистски ориентированной и феноменологически ориентированной традиций интерпретации телесных практик женщин, мы указали на дихотомию объект/субъект применительно к телу. Исследовательский фокус социологии тела сконцентрирован на подчинении телесного выражения социальным структурам, соответственно, тело в такой перспективе предстает скорее объектом воздействия. «Телесная» или «плотская» («carnal») социология в большей степени заинтересована в изучении тела-субъекта как Я неделимого, наблюдаемого в процессе социального действия. В определениях телесности в условиях высокого модерна, основанных на интегративной теории структурации, сделан акцент на том, что тело предстает неким проектом, частью проекта самости, рефлексивно преобразуемым индивидом в соответствии с меняющимся чувством Я. Однако данный подход подчеркивает объектность тела, а также примат разума над материальным воплощением – исходное допущение, критикуемое в теориях тела проживаемого. Помимо этого, объектно ориентированные определения места тела в современности нередко игнорируют гендерную асимметрию вовлеченности в телесные практики. Изучая женскую телесность, важно также обратить внимание на явления, критикуемые представителями академического феминизма. Так, в контексте нашей темы особую значимость приобретает тенденция в культуре

идентифицировать женщин с их телами при одновременной диссоциации последних с собственным телесным воплощением. Данная проблема была обозначена во второй главе, в частности, в контексте теории тела ненавидимого. Несоответствие телесного воплощения социальному идеалу привлекательности может привести к негативной установке по отношению к телу, травматичной борьбе с собой кардинальными мерами, будь то хирургические вмешательства или голодание.

В связи с обозначенной дилеммой объект/субъект применительно к женской телесности целесообразно сформулировать следующий исследовательский вопрос: легко ли женщинам изменять свое тело? Является ли женская телесность «пассивным» объектом преобразования, или же тело может сопротивляться тем или иным телесным практикам? Проблема «субъектности» тела как такового возникала на протяжении всех интервью, именно поэтому в данном параграфе мы сконцентрируемся на ней. Для начала обратимся к общей характеристике отношения к телу участниц исследования, затем остановимся подробнее на темах, в рамках которых возникали нарративы борьбы и телесного сопротивления.

Как мы отмечали ранее, в нарративах женщин прослеживается взаимосвязь успешности человека и его внешнего вида, целенаправленных усилий личности по работе над своим телом и социального статуса. Эта установка проявилась в понимании телесности как материала, над которым трудится женщина-скульптор – «*там подделать*, *там подкачать*» (слово «*скульптор*» и данные фразы непосредственно использовались в интервью 9, 26 лет, юрист). Такой «скульптурный» подход, соответствующий проектному отношению к телесности в фокусе теорий современности, присутствовал в нарративах девяти из пятнадцати интервью, то есть, больше чем в половине. Работа над телом оценивалась как компонент личностного развития - «*вечного строительства себя*» (интервью 15, 34 года, пиарщик), а тело как результат регулярных занятий: «*тело, да, можно слепить самой за счет правильного питания и за счет физкультуры*» (интервью 12, 32 года,

владелец бизнеса). По мере достижения образца привлекательности, коррелирующего как с культурным каноном, так и с личным самоощущением, на смену рутинной заботе о себе приходит творческий подход:

> Сейчас я еще килограмма два сброшу, и потом будет такая глобал сушка и работа над рельефом. Это уже другой этап – этап баловства: нужно еще покрасивее, там, выточить себя, обточить – ювелирная работа такая. Остается отшлифовать и поддерживать (интервью 11, 25 лет, специалист по связям с общественностью, блогер).

По мере достижения внешнего результата возникает «*спортивный интерес*» к дальнейшим изменениям. Скульптурный подход к телу невозможен без регулярности взаимосвязанных телесных практик, как диет и физических тренировок, так и массажей, косметических процедур, и их постепенного вхождения в сферу непроблематизируемой повседневности. Тема повторяемости работы над телом, «*приучения себя*» к целой системе телесных практик, возникала на протяжении абсолютно всех интервью. Становясь элементом повседневности, разнообразные практики преобразования тела позиционируются такими же необходимыми, как и гигиенические процедуры: «*это вызывает ухмылку и улыбку у некоторых людей: ну как можно не чистить зубы каждый день? Вот так же странно для меня: а как можно по-другому?*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник, о занятиях в тренажерном зале). Чистка зубов и принятие душа – наиболее частые аналогии, которые женщины проводили в беседе с практиками работы над телом. Регулярность рефлексивных техник тела обеспечивает их вхождение в зону привычного, формирование специфических телесных привычек.

Более того, практически любые попытки других женщин достичь быстрого результата путем краткосрочных диет-голоданий или хирургических вмешательств (например, липосакции – удаления жира)

оценивались резко негативно, а такие женщины получали ярлык «*лентяйки*», которые «*не любят себя*» и «*не уважают свое тело*» (интервью 5, 28 лет, специалист по продвижению парфюмерно-косметической продукции). На этапе первоначального интереса к телесным практикам и первым опытам целенаправленной работы над телом женщины отмечают элемент «*борьбы с собой*», однако постепенно он заменяется «*кайфом*», в частности, от тренировок:

> Это очень тяжело… Но.. когда ты... насильственно что-то включаешь в свое расписание, вырабатывается некая привычка, и ты к этому привыкаешь и это становится происходить… как на лыжах, так скажем, всё уже на автомате (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса).

В связи с выработкой привычек возникает тема «дрессировки» тела, то есть дисциплинарных режимов. Так или иначе, тема контроля телесности прослеживалась на протяжении десяти интервью. Она проявлялась, например, в присутствии в нарративах специфических выражений, таких как: «*берешь себя в руки*», «*нужно себя ограничивать*», «*следить*» (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью); «*серьезное испытание*», «*контролируешь*» (интервью 2, 32 года, глава проекта по автоматизации и роботизации в машиностроительной компании); «*система, которую нельзя нарушать*» (интервью 11, 25 лет, специалист по связям с общественностью, блогер); «*придется вечно ограничивать себя*» (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса), «*свои правила*» (интервью 9, 26 лет, юрист) и др. Такого рода самоограничение и дисциплина, устанавливаемые по отношению к диетарным практикам и регулярности физических упражнений, нередко позиционируются как некий подвиг, победа силы воли над сиюминутными желаниями. А потеря контроля получает резко негативную и даже уничижительную окраску:

> Так прикольно, когда тебе говорят: съешь конфетку. А ты: нет! Ты сидишь и понимаешь, что да, ты хочешь конфетку, но… надо же себя воспитывать и выработать иммунитет. Ты что, такая слабовольная скотина, которая не может отказаться от конфетки, которая тебя потом разнесет? (интервью 11, 25 лет, специалист по связям с общественностью, блогер)

С одной стороны, контроль тела и «плотских» желаний можно интерпретировать вслед за традицией М. Фуко в академическом феминизме как телесное воплощение паноптикона, формирование женщины – самоконтролирующего субъекта. С другой стороны, в этом феномене находит проявление общая и для мужчин, и для женщин тенденция примата разума над телом, а также воплотившаяся в проектном подходе к телу и здоровью протестантская этика самоограничения западной культуры, подвергшаяся анализу в теориях «нового понимания здоровья» и «хелсизма» Р. Кроуфорда. В данном контексте примечательно механистическое понимание тела, возникшее в одном из интервью:

> Человеческое тело – оно как машина. Если в машину не заливать масло, не мыть её… не проходить техосмотр определенное время… она очень часто... очень быстро износ... Очень быстро придет в негодность (интервью 14, 28 лет, дизайнер интерьеров).

Таким образом, регулярность и контроль как элемент телесных практик женщин отражают и гендерный аспект последних, их роль в воспроизводстве фемининности, и общую культурную ориентацию на отношение к телу как к инструменту деятельности, основе здорового функционирования.

Следование определенной системе телесных практик и установление дисциплинарного режима на первых порах может вызвать определенные трудности, ранее обозначенные одной из информанток как этап «борьбы с собой». При этом в шести интервью возникала тема боли или дискомфорта как необходимого компонента работы над собой. Чтобы избавиться от лишнего веса и приобрести стройную форму, например, недостаточно

косметических процедур, будь то массажи или обертывания, «*надо пропотеть нормально в зале и пострадать с болью в мышцах*» (интервью 9, 26 лет, юрист). Ради достижения внешней привлекательности некоторые женщины выразили готовность терпеть боль: «*к любой боли, которая относится к красоте, я спокойно отношусь*» (интервью 15, 34 года, пиарщик). В одном из интервью в связи с этим проводилась аналогия с русалочкой из сказки Г.Х.Андерсена, которой приходилось терпеть боль при ходьбе ради того, чтобы иметь ноги вместо рыбьего хвоста (интервью 1, 42 года, стоматолог). Формирование привычек путем сознательного самоограничения, а также преодоление дискомфорта и сиюминутных желаний ради «вытачивания» определенной телесной формы, предстает доминирующей стратегией отношения к телу среди участниц интервью, при этом, принося последним удовлетворение по результату:

> Мне очень понравилась в этом плане фраза Черчилля, которого я закончила читать две больших книги. Он сказал, все, что я могу вам пообещать, это кровь, тяжкий труд, слезы и пот. Как и в плане работы над своим телом, и я могу сказать, что все это тяжкий труд, который приносит, однако, огромное удовольствие на выходе (интервью 1, 42 года, стоматолог).

В данной стратегии тело выступает скорее объектом действия со стороны женщин, пассивно воспринимающим любые ограничения, переносящим дискомфорт или боль.

Однако, как показал анализ нарративов, телесность предстает не только объектом преобразования, но и субъектом действия. С одной стороны, организм выступает «помощником» в достижении того или иного телесного образца, с другой стороны, он способен оказывать сопротивление налагаемым на него ограничениям. Рассмотрим по очереди каждый из этих аспектов.

Для начала остановимся на «позитивном» аспекте субъектности тела, то есть организме как помощнике в воспроизводстве практик и достижении

телесного образца. Во-первых, в результате целенаправленного создания привычек путем регулярного воспроизводства телесных практик, у организма формируется потребность в различной активности, типе пищи, косметических процедурах: «*организм сам просит*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник). Так, регулярный уход с применением кремов вызывает привыкание кожи и потребность в повторении процедуры: «*кожа уже привыкла, и если я этого не сделаю, я опять же ощущаю на себе сухость, дискомфорт*» (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете).

В отношении физической активности требования тела проявляются в том, что «*мышцы хотят работать*»:

> Это [физические упражнения] надо делать, потому что движение – это жизнь, потому что у нас сидячий образ жизни, потому что организму требуется – он хочет, он просит, он сигнализирует о том, что пора чем-то заниматься. Сам. Нужно просто себя слушать (интервью 6, 29 лет, офисный работник)

Привычка к физическим упражнениям даже способна порождать плохое самочувствие в ситуации, когда нет возможности заниматься в тренажерном зале или спортом: «*не позанимался – уже чувствуешь себя плохо – потребность*» (интервью 9, 26 лет, юрист). Таким образом, когда тренировки становятся элементом повседневности, они входят в обязательный телесный репертуар, формируя определенную систему физиологических ожиданий.

В отношении установления диетарных режимов, возникновение пищевых привычек становится подспорьем в достижении телесного канона или статуса здоровья. Несколько участниц интервью, следующих строгим диетам, разработанным преимущественно самостоятельно путем исключения разного рода «вредных» продуктов, отмечали сложный период привыкания организма к ограничениям лишь поначалу, после чего организм «забывал» вкус запрещенного:

> Вот сейчас я уже прохожу [стенды в магазинах], я не испытываю к ним [шоколадные батончики] никаких эмоций, потому что я забыла этот вкус. Я не помню вкус шоколада, я не помню вкус Сникерса, я не помню вкус Баунти. Я просто, вот, не помню, он ушел вместе с ним. Раньше, конечно, ну конечно была тяга (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью).

Системное ограничение продуктов, «*однообразное питание*», по словам информанток, не сказывалось на удовольствии от еды: «*мне действительно очень нравятся те продукты, которые я ем* […] *я себя не чувствую обделенной или несчастной*» (интервью 8, 27 лет, юрист). При этом одна из участниц исследования, чей ежедневный рацион состоял только из овсянки, морепродуктов (преимущественно сырой рыбы), творога и в редких случаях меда, отметила необходимость выбрать один продукт, который будет приносить радость и удовольствие, и употреблять его в неограниченных количествах. В её случае это был кофейный напиток капучино (интервью 1, 42 года, стоматолог). В другом интервью (интервью 8, 27 лет, юрист) женщина модифицировала диету П. Дюкана «*под себя*», включив в рацион фрукты и ягоды как заменитель сладкого.

Вторым аспектом «позитивной» реакции организма на телесные практики является его «*благодарность*». Тема благодарности возникала в нескольких интервью в связи с физической активностью и режимом питания. Благодарность организма проявляется в переменах в самочувствии:

> Мой организм, он мне в принципе благодарен, потому что… Ну, как бы я начала замечать какие-то изменения, там, в коже, ну что-то такое, связанное с едой. И я поняла, что всё, что я есть – это всё, что я ем, всё, что я ела. И как-то с этой религией я до сих пор существую (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете).

Помимо улучшения внешнего вида кожи, стабилизации веса в результате отказа от фастфуда, в этом интервью отмечалось достижение

«*внутреннего ощущения комфорта*». Физические упражнения в свою очередь стимулируют увеличение жизненной энергии.

Тем не менее, субъектность тела в нарративах прослеживалась не только в связи с той помощью, которую организм оказывает в достижении определенного образца или его благодарностью, но и в связи с телесным сопротивлением. В целом, мы выделили четыре темы, организующие нарративы вокруг проблематики сопротивления тела определенным режимам и достижению желаемого внешнего результата: наследственность, болезнь, беременность и старение. Далее остановимся на каждой из них по порядку.

Для начала обратимся к наследственности как фактору телесного сопротивления изменениям. Данная проблематика возникала на протяжении десяти интервью. Наследование определенного типа фигуры и особенностей метаболизма оценивалось как помощник («*мое счастье в том, что мне повезло с фигурой*», интервью 5, 28 лет, специалист по продвижению парфюмерно-косметической продукции) или же наоборот, препятствие для достижения телесного образца. Причем, в семи интервью женщины делали акцент на том, что данный фактор должен быть изначально принят во внимание при постановке целей:

> Есть гены, от которых просто невозможно убежать и есть предрасположенности, разные фигуры… огромное количество нюансов, которые нужно учитывать (интервью 2, 32 года, глава проекта по автоматизации и роботизации в машиностроительной компании).

Более того, излишнее преследование идеалов без учета наследственности может приводить к серьезным проблемам со здоровьем: «*все-таки, если ты нормостеник, стремиться к астении - ну это начнут рассасываться кости, а они начнут рассасываться*» (интервью 1, 42 года, стоматолог). Поэтому проектный или скульптурный подход к телу ограничен предрасположенностями физиологии, а достичь желаемого результата,

«вытачивая» себя, можно лишь «*в рамках того, что тебе может природа дать*» (интервью 9, 26 лет, юрист). В пяти интервью тема наследственности возникла в негативном ключе как причина, обусловливающая необходимость постоянной работы над собой. Так, например, в интервью 4 (29 лет, руководитель департамента аналитики экономики) «*очень плохая наследственность по поводу обмена веществ*» стала причиной набора веса в возрасте 20 лет, что повлекло за собой череду экспериментов с диетами. Однако, оказалось, что диетарный режим «*не работает, потому что не запускается обмен веществ*». В результате, к моменту интервью поддерживать форму и «*запустить организм*» помогли только регулярные массажи на протяжении 5-6 последних лет, сопровождающиеся «*психологическим животным страхом, что если это всё прекратить, то это просто нарастет обратно*». Физиологические предрасположенности тела предстают основанием для установления дисциплинарных режимов в ситуации, когда иначе, по мнению женщины, не достичь желаемого телесного образца: «*есть человек, который может съесть кусок торта и ему от этого ничего не будет. Мне кажется, я полнею только от одного взгляда на торт*» (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса). Регулярность занятий собой необходима для «сдерживания» тех или иных предрасположенностей: «*если никак собой не заниматься – это ведет к печальным последствиям*» (интервью 8, 27 лет, юрист) При этом только одна из участниц исследования подчеркнула возможность сознательно выбрать тот или иной наследуемый телесных образец:

> По папиной линии они худые, а по маминой - очень полные. Вот… И у меня было два пути развития. Либо идти по стороне мамы, или по стороне папы. И я, конечно, выбрала папу (интервью 1, 42 года, стоматолог).

Что примечательно, именно в данном интервью тема строгого самоограничения и приоритета разума над телом проявилась ярче всего. Оно

же наглядно демонстрирует, что дисциплинарный контроль телесности может привести к сопротивлению организма в форме болезни, на чем мы остановимся далее.

Болезнь представляет собой вторую тему, организующую нарратив телесного сопротивления. Во-первых, по выражению одной из информанток, «*тело может мстить*» в ситуации, когда его излишне подавляют (интервью 7, 35 лет, тренер по медиа-коммуникациям). А месть тела проявляется в различных заболеваниях психосоматической и соматической природы. Во-вторых, болезнь, наряду с наследственностью, выступает стимулом для работы над телом с целью предотвращения или сдерживания её видимых последствий (в данном аспекте тема болезни нередко пересекалась с темой наследственности в связи с наследственными заболеваниями, например, варикозным расширением вен).

Так, в интервью 1 (42 года, стоматолог), женщина рассказывает о двух болезнях, которые она пережила в результате подавления желаний организма и контроля телесного выражения: анорексия и полиартрит. В молодости, по причине, как она сама объясняет, постродовой депрессии и снижения социальных контактов на период декрета, информантка заменила приемы пищи пищевой добавкой, что привело к резкой потере веса с 64 до 39 килограмм, нарушениям менструального цикла, выпадению волос. Излечение от этой болезни произошло только в результате «*разрешения себе жить*» - жить, питаться и чувствовать себя комфортно в своем «нормальном» весе. Позднее, в среднем возрасте участница интервью столкнулась с еще одной болезнью в её случае аутоимунной природы – полиартритом:

> Сейчас я понимаю, что организм просто решил заплатить мне тем же, чем я ему платила.. сколько это получается лет.. ну 15-16 лет. Я запрещала ему есть, значит, я запрещала ему жить. А он решил запретить жить мне.

В итоге, участница исследования отмечает изменение личной ориентации с достижения красоты на баланс красоты, здоровья и функции – «триады совершенства». Справиться с болезнью в данной истории помогли как занятия с психологами, так и занятия танцами, обеспечивающие эмоциональное выражение посредством выражения телесного.

В другом интервью, информантка делится «травмой», нанесенной организму в результате питания по системе П. Дюкана. Несмотря на значительную потерю веса (около 30 кг) на диете и хорошее самочувствие, медицинские тесты показали незначительное сокращение жировой ткани (превышающей верхний порог «нормы») с вероятностью мышечной дистрофии в будущем. Пользуясь услугами диетолога на момент интервью, женщина говорит о необходимости длительной перестройки системы питания «*обманными способами, методами*» по причине того, что «*организм долго был травмирован*»:

> …его нужно подготовить, потому что если мы сейчас сразу же этого всего [продукты питания] ему дадим, он увидит эти углеводы и будет запасать жадно, потому что он давно их не видел и вот. У него будет состояние стресса, и он будет их запасать (интервью 11, 25 лет, специалист по связям с общественностью, блогер).

Во втором аспекте болезнь появлялась в интервью как причина для работы над телом и сдерживания её проявлений. Среди таких последствий заболеваний отмечалась, например, повышенная отечность из-за осложнения на сердце после воспаления легких в детстве (интервью 4, 29 лет, руководитель департамента аналитики экономики), проблемы со спиной (интервью 13, 28 лет, менеджер в PR-агентстве), чувствительность к свету после неудачной операции на глазах (интервью 2, 32 года, глава проекта по автоматизации и роботизации в машиностроительной компании). Последний случай интересен медикализацией естественных реакций организма – зажмуривания. Чувствительность к свету приводит к раннему образованию

морщин вокруг глаз: «*это мышцы, которые ты тренируешь постоянно, и ты не можешь их контролировать*». Способом контроля их образования выступили регулярные инъекции ботокса с 26 лет.

При этом, поддержание привлекательного внешнего вида во время сезонных болезней, в частности, простудных заболеваний, способно взбодрить и настроить на позитивный лад: «*припудрилась, и вроде бы ты… и не так тебе и плохо… И как-то тебе помогает внутреннее, и быстрее выздоравливаешь, но это самонастрой, конечно*» (интервью 5, 28 лет, специалист по продвижению парфюмерно-косметической продукции).

Третьей темой, организующей нарративы тела как субъекта сопротивления, выступила беременность. Несмотря на то, что только у трех информанток были дети, проблематика беременности возникала в десяти интервью в связи с необходимостью подготовки тела к вынашиванию ребенка, восстановлением после родов, совмещением заботы о ребенке с заботой о своем теле и внешнем виде. Беременность нередко представала неподконтрольным этапом в отношении внешнего вида, когда «*невозможно предугадать, как на это тело отреагирует*» (интервью 9, 26 лет, юрист). Соответственно, подготовка к беременности предполагает не только отказ от вредных привычек, но и приведение тела в форму: «*я максимально хочу минимизировать этот вес настолько, насколько можно, чтобы у меня была для самой себя личная фора при наборе веса*» (интервью 4, 29 лет, руководитель департамента аналитики экономики).

Одним из интересных результатов исследования предстает то, что все три женщины, имеющие опыт беременности и детей, продемонстрировали три разные модели отношения к телу во время вынашивания ребенка:

- Стратегия контроля и строгой дисциплины (интервью 1, 42 года, стоматолог);
- Стратегия умеренного ограничения (интервью 10, 28 лет, фрилансер в декрете);

- Стратегия свободы и отсутствия контроля (интервью 12, 32 года, владелец бизнеса).

Первая стратегия демонстрирует жесткое самоограничение, в первую очередь, в питании. Столкнувшись с периодом токсикоза в начале беременности, информантка впервые испытала сопротивление тела диетарному режиму: «*иногда казалось, что тело контролирует меня полностью, на все сто*». Но после четвертого месяца беременности, когда токсикоз проходит, ей удалось взять контроль в свои руки: «*ты начинаешь сам себя контролировать, а не он тебя*». После этого периода сопротивления, питаясь одними кабачками на воде, женщина весила всего 64 килограмма к концу беременности в сравнение с 67 килограммами на момент её начала.

Во второй стратегии – умеренное ограничение – делается акцент на потребностях растущего плода во время беременности и противопоставлении себя будущим мамам, испытывающих страх за свое тело:

> Одни ели просто траву, один салат, просто не дай Бог ради того, чтобы не поправиться, не потолстеть. Я не была сторонницей такого подхода, потому что ребенку тоже нужно получать… еду свою.

Рассказывая историю своей беременности, женщина отмечает переживания за свое тело в первые месяцы, которое в целом сменилось тем, что «*притупился энтузиазм*» в отношении поддержания формы. Тем не менее, умеренный контроль за режимом питания сохранялся на протяжении всех девяти месяцев: «*но если мне хотелось дико есть, там, сладкое, я это не делала, потому что да, наверно включалось сознание, потому что я не хочу поправляться как женщина*».

Третья стратегия – полного ослабления контроля – возникла в интервью женщины, проблематизировавшей плохую наследственность в

плане веса и длительное время следовавшей жестким диетам до беременности:

> Когда я забеременела, я решила, что у меня появился официальный повод походить с пузом. Почему я должна себя специально ограничивать в еде? Я могу не прятать ничего, там, под одежду, у меня есть повод – я беременная. Я могу есть всё, что угодно.

В итоге, набор веса привел к проблемам с давлением, отечностью, а в последний месяц и к предписанию врачей сидеть на строгой диете и сбрасывать вес к родам. Планируя в будущем еще детей, женщина отмечает осознание необходимости разумного подхода к питанию во время вынашивания плода и сбалансированной диеты.

Старение выступило четвертой и последней темой, структурирующей нарративы телесного сопротивления. Обеспокоенность процессами старения проявилась в десяти интервью. Несмотря на регулярное поддержание формы и приверженность скульптурному подходу, участницы исследования подчеркивали невозможность изменения отдельных частей или состояний тела без вмешательств радикального плана. В частности, речь идет о появлении морщин и виде груди, теряющей форму во многом из-за грудного вскармливания. Возрастные признаки отмечали не только женщины старше 30 лет, но и информантки более раннего возраста. Причем, старение ассоциировалось и с потерей привлекательности, и с множественными рисками для здоровья, в связи с чем, телесные практики (в первую очередь спорт) позиционировались как «*инвестиция в себя для здоровья и долголетия*» (интервью 7, 35 лет, тренер по медиа-коммуникациям).

По выражению информанток, с возрастом «*всё начинает обвисать, падать просто, всё виснет и начинает падать… как сопли*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник); «*у тебя начинают уже появляться такие отложения в таких местах, о которых ты вообще не знал, что вообще*

могут откладываться» (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью). Неизбежность старения и отражения его процессов на лице вызывали обеспокоенность у большинства информанток, затронувших эту тему: «*я не готова еще утратить внешнюю сторону жизни*» (интервью 1, 42 года, стоматолог).

Возрастные изменения вызваны тем, что, по мнению участниц исследования, кожа постепенно не справляется со своей функцией обновления: «*с возрастом надо бы помогать ей*» (интервью 9, 26 лет, юрист). Только «*когда кожа устанет работать*» и появятся первые признаки этого, «*тогда надо будет действительно ей помочь*» (интервью 6, 29 лет, офисный работник). Стремясь остановить время и консервировать свой текущий внешний вид («*как можно дольше, вот, как ты себя привыкла наблюдать*», интервью 13, 28 лет, менеджер в PR-агентстве), большинство женщин выражает готовность преимущественно к малоинвазивным вмешательствам в тело. Некоторые женщины определили для себя оптимальный возраст для начала инъекций-помощников кожи, как правило, речь идет о возрасте после 40 лет. Под инъекциями подразумеваются как витаминные и коллагеновые комплексы, так и инъекции ботокса. Реже речь идет о коррекции груди, в первую очередь, её подтяжках, но не увеличении. Тем не менее, большинство участниц подчеркнули значимость естественного поддержания привлекательности так долго, насколько это возможно: «*здоровый образ жизни, отдых, йога, всякие практики дыхательные, то есть известно же, что очень многие йоги долго сохраняют свою молодость и выглядят как минимум лет на 30 и младше*» (интервью 14, 28 лет, дизайнер интерьеров).

Итак, тело предстает не только объектом пассивного воздействия, но и источником сопротивления телесным практикам и идеалам, преследуемым женщинами. В завершении кратко остановимся на проблеме негативистской установки по отношению к телу, ранее упомянутой в предыдущем параграфе. Как показали интервью, в историях семи женщин присутствовала тема

неудовлетворенности собой и своим телом, то есть, чуть меньше, чем в половине. Однако в большей части этих историй недовольство собой, когда «*в зеркале ты не так выглядишь*» (интервью 13, 28 лет, менеджер в PR-агентстве), выступает как обоснование интереса к телу, стимул к практикам работы над собой. То есть, данная проблематика, как правило, образовывала нарратив вокруг вовлеченности в телесные практики, задавая направленность первоначальному биографическому рассказу. Женщины нередко начинали рассказ с темы недовольства своей внешностью, предваряя этим историю экспериментов с практиками работы над телом. Только в двух интервью неудовлетворенность внешним видом приобрела характер главной сюжетной линии на протяжении всей беседы и получила выражение в негативистской лексике (интервью 3, 26 лет, специалист по связям с общественностью, и интервью 11, 25 лет, специалист по связям с общественностью, блогер). Приведем наиболее яркий пример из интервью 3. Так, в нем использовали такие выражения для характеристик себя и своего тела как «*страшно и убого*», «*послеразводное ожирение*», «*лохом-то быть не хочется*», «*вот такая попенция, вот такие ляхи*» «*зверояшер*», «*жирный*», «*не хотелось быть какой-то опухшей коровой*», «*чувствовать себя уродом*». Ярко выраженная негативистская лексика отсылает нас к модели тела ненавидимого и получает своё наивысшее воплощение в следующем сюжете:

> …вышла в истерике из примерочной, и сказала эту ужасную фразу, после которой мне просто стало страшно. Я сказала: я хочу заболеть так, чтобы похудеть. И потом я просто, у меня в этот момент что-то переклинило, и я поняла, что сморозила в этот момент такую адскую глупость. И мне стало ужасно стыдно и вообще страшно, что я это вслух произнесла.

Этот случай также интересен тем, что, несмотря на указанную ранее лексику, на протяжении интервью женщина акцентировала внимание на сознательном и сбалансированном подходе к работе над телом, исключая

любые строгие диеты и голодания. Отчасти, опыт подруги, заболевшей анорексией вследствие голодания, оказал влияние на установку участницы.

Применительно к изучаемой выборочной совокупности, мы можем сделать вывод о том, что резко негативистская установка к телу представлена незначительно и не характерна для женщин, регулярно вовлеченных в ансамбли телесных практик. Тем не менее, неудовлетворенность телом выступает импульсом для рефлексивных техник тела практически в половине случаев. В остальных интервью, несмотря на тему контроля и дисциплины, недовольство собой и соответствующий лексический набор напрямую отсутствовал в нарративах, а повествование главным образом было сфокусировано на желаемом идеале, телесном образце и смыслах, которыми он наделяется.

Завершая тематический анализ интервью, сформулируем основные выводы. Как было изложено выше, вовлеченность женщин в телесные практики представляет собой комплексный феномен. Результаты иллюстративного эмпирического исследования также подтверждают сложный характер явления. Серия интервью показала, что смыслы, которыми наделяются телесные практики, виды практик и характер вовлеченности в них изменяются по мере взросления и обретения разнообразного телесного опыта женщины. При этом телесные практики не сводятся исключительно к практикам привлекательности, и достижение различных канонов внешней привлекательности (будь то феминнная привлекательность, ориентированная на сексуализированные образы в масс-медиа, «эльфоподобная» несексуализированная привлекательность, атлетическая привлекательность и др.) преимущественно уравновешено стремлением к реализации чувства Я (практики самости), а также к поддержанию здоровья (практики здоровья). Стратегии взаимодействия женщин с телесностью демонстрируют преобладание главным образом проектного, в крайних версиях дисциплинирующего подхода к телам, объективирующего последние. В то же время ограничения и препятствия работы над

внешностью в связи с наследственностью, болезнью, беременностью и старением, проблематизируются в нарративах женщин как сопротивление тела, к проявлениям которого необходимо прислушиваться. Изложив основные результаты исследования, направленного на апробацию расширенной концепции телесного реализма, перейдем собственно к оценке эвристических возможностей и ограничений подхода.

3.4. Результаты эмпирического исследования: эвристические возможности и ограничения концепции телесного реализма

Проанализированный кейс вовлеченности женщин среднего класса в ансамбли телесных практик продемонстрировал сплетение различных тем и мотивов, возникающих в связи с работой над телом. Проведенные интервью позволили обнаружить технологический (репертуар техник тела), институциональный (с точки зрения реципиентов телесной педагогики – аспект агентов телесной социализации) и ценностно-мотивационный (технологии себя) лейтмотивы телесных практик во взаимосвязи и взаимовлиянии. Нарисованная картина женской телесности продемонстрировала, что социальные нормы фемининной презентации накладывают свои ограничения на способы телесного выражения (тело как *местоположение* социальных структур). Однако индивидуальный набор и характер телесных практик женщины призван адаптировать доминирующие стереотипы фемининности к чувству Я посредством избирательного подхода к канонам презентации. Этот процесс, в свою очередь, вносит коррективы в социальные образцы женственности (тело как *источник* создания социальной жизни). Одновременно телесное воплощение и личный репертуар телесных практик взаимообусловлены социальным статусом женщины, её профессиональной занятостью, классовой принадлежностью, реальной и желаемой (тело как *средство* позиционирования индивидов в обществе).

Основные содержательные результаты апробации предложенной в диссертации расширенной модели телесного реализма применительно к кейсу женщин среднего класса в современной России представлены в таблице 4. Данная таблица организована по принципу таблицы 2 (вторая глава, параграф 2.3.2), раскрывавшей место концепций телесных практик (техник тела, телесной педагогики, технологий себя) в трехмерной схеме телесного реализма. В таблице 4 изложено то, какие выводы тематический анализ интервью позволил сделать в отношении представленности в изучаемом кейсе каждого из ракурсов, учитываемых в концепции телесного реализма.

По результатам апробации расширенной версии концепции телесного реализма можно сделать следующие выводы относительно её эвристических возможностей. Во-первых, установка на комплексный тематический анализ кейса ансамблей телесных практик женщин среднего класса позволила минимизировать в дизайне исследования присутствие изначальных идеологических допущений, которые характерны для отдельных теоретических традиций интерпретации данного явления, в особенности, для структуралистской традиции. Во-вторых, такая установка позволила сопоставить индивидуальную и социальную перспективу в изучаемом явлении: какие агенты телесной социализации участвуют в процессе формирования ансамбля телесных практик, каким образом репертуар техник тела усваивается на протяжении жизни женщины, а также то, как индивидуальные системы ценностей и телесные диспозиции действуют как «фильтр» по отношению к осваиваемому репертуару практик. В-третьих, анализ ансамблей телесных практик в их институциональном и ценностно-мотивационном аспектах позволил условно разделить практики привлекательности, практики здоровья и практики самости.

Однако в данном эмпирическом исследовании не удалось в полной мере оценить эвристические возможности предложенной концептуальной

Таблица 4. Апробация расширенной концептуальной модели телесного реализма к изучению ансамблей телесных практик женщин среднего класса в современной России

ТЕХНИКИ ТЕЛА		**ТЕХНОЛОГИИ СЕБЯ**		**ТЕЛЕСНАЯ ПЕДАГОГИКА**[499]	
Тело как ***источник*** создания социальной жизни	Тело как ***местоположение*** структурных черт общества	Тело как ***источник*** создания социальной жизни	Тело как ***средство*** позиционирования индивидов в обществе	Тело как ***местоположение*** структурных черт общества	Тело как ***средство*** позиционирования индивидов в обществе
- Высокое значение телесных практик для гармонизации женщиной отношений между внутренним содержанием и внешностью; - Танцы, йога и физические упражнения как практики самости, выражения Я, эмоционально-психологического состояния в телесном воплощении	- Диетарные практики и косметические процедуры (включая хирургические вмешательства) как техники поддержания социального канона феминиинной привлекательности (практики привлекательности); - Физические занятия, спорт, тренировки и технологии мониторинга как практики здоровья, соответствующие социально конструируемой физиологической норме.	- Трансформация ценностно-мотивационного компонента телесных практик на протяжении жизни: от практик привлекательности к здоровью и к практикам самости; - Индивидуальные критерии привлекательности как оппозиция сексуализированному канону (естественность облика, эльфоподобность) Прагматичный подход к использованию телесной презентации в достижении личных целей.	Тело как показатель ценностей среднего класса, общих и для мужчин, и для женщин: личностное развитие, успех, самодисциплинирование, сила воли и контроль, образцовость телесной презентации для других; Морализация и нормализация проектного/скульптурного подхода к телу – вовлеченности в ансамбли телесных практик.	Агенты телесной социализации, практик и телесного канона: - семья – образец обращения с телом со стороны родственниц женского пола; - мужские сообщества как проводники «мужского взгляда» (непосредственный опыт отношений и опосредованные оценки друзей мужского пола); - женские сообщества (ближайшее окружение и референтная группа) - массовая культура: репрезентации – «фотографий красивых натренированных тел», модная индустрия, куклы.	Телесные практики как часть классовой и профессиональной культуры телесной презентации: «работа обязывает держать себя в форме», принадлежность к среднему классу обусловливает нормализацию проектного подхода. Телесные диспозиции (наследственность) как обусловливающие спектр осваиваемых практик и их сочетание в ансамбле.

[499] В связи со спецификой метода исследования (интервью) речь идет о телесной педагогике с точки зрения реципиента, то есть, фактически, о телесной социализации и ее агентах.

модели. Это вызвано, во-первых, спецификой дизайна исследования. Выбор тематически-центрированного интервью в качестве метода исследования, с одной стороны, позволил уравновесить в процессе интервьюирования присутствие в нарративе логики и информантки, и интервьюера. Это является достоинством метода с точки зрения его соответствия поставленной цели минимизировать влияние исследователя на ход беседы и получить картину словами самих женщин, вовлеченных в практики. В то же время, проведенные интервью предоставили возможность для анализа сочетания индивидуальной и социальной перспектив исключительно с позиции интервьюируемой, тем самым ограничив возможности для выводов об институциональном аспекте телесных практик (собственно, каналах телесной педагогики) на макроуровне. Таким образом, выводы исследования ограничены оценкой специфики телесной социализации и классификацией агентов телесной социализации на микроуровне. В полной мере оценить возможности концептуальной модели телесного реализма можно было бы при условии проведения развернутого кейс-стади с помощью различных методов, в действительности сочетающего анализ явления и на микроуровне, и на макроуровне (фокус собственно на канонах презентации женской телесности).

Во-вторых, оценка эвристических возможностей интегративного подхода была затруднена его абстрактным теоретическим характером, что проявилось, в частности, в сложности дифференциации тех или иных ракурсов анализа в исследовании. Так, данные исследования не всегда позволяли четко разделить технологический, институциональный и ценностно-мотивационный ракурсы изучения телесности на уровне структур, социального действия и диспозиций. Деление телесных практик на практики привлекательности, практики здоровья и практики самости является условным, поскольку, как показали интервью, они переплетены в повседневной жизни, а одна и та же техника тела может иметь различные смысловые коннотации в зависимости от контекста (например, физические упражнения могут одновременно служить всем трем целям). Смысловое значение практик и стратегии их сочетания в ансамблях во многом

зависят от индивидуального биографического контекста, что требует дополнительного изучения.

Обозначенные нами достоинства и ограничения концепции демонстрируют, во-первых, высокое значение комплексного изучения телесных практик с помощью разнообразия методов эмпирических исследований, которые бы позволили учесть макро-, микро- и мезо- уровни анализа, во-вторых, необходимость продолжения работы над операционализацией интегративного подхода

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование направлено на историко-социологическую реконструкцию и критический анализ, а также концептуальную ревизию и интеграцию существующих подходов к социологическому изучению женских телесных практик. Для достижения этой цели мы решили несколько задач.

В первую очередь мы изучили развитие представлений о телесных практиках в социальной науке и разработали классификацию соответствующих концепций. В результате теоретико-методологического анализа удалось выделить концепции, продуктивные для комплексного изучения телесных практик в их технологическом (техники тела), институциональном (телесная педагогика) и ценностно-мотивационном (технологии себя) аспектах, а также сформулировать их значение для изучения телесных практик женщин.

Во-вторых, мы проанализировали соотношение категорий «тело», «пол» и «гендер» в контексте социологического исследования женской телесности. Как показано в диссертации, социальное конструирование гендера осуществляется не только на уровне моделей взаимодействия и поведения, но и на поверхности тела путем воспроизводства гендерно специфических телесных практик для поддержания феминнной презентации внешности. При этом, телесные практики не сводятся к практикам закрепления гендера на поверхности тела, представляя собой ресурс для сопротивления доминирующим стереотипам феминнной привлекательности.

В-третьих, мы изучили центральные теории социологии тела и выделили основные направления интерпретации телесных практик женщин. Проведенное теоретическое исследование позволило классифицировать сложившиеся подходы к интерпретации телесных практик женщин в социологии тела и академическом феминизме. В связи с этим мы выделили три группы теорий. В первую группу входят структуралистски ориентированные теории, в фокусе которых оказываются социальные нормы феминнности и патриархатные

институты, принуждающие женщин следовать за канонами привлекательности. Данные подходы сконцентрированы преимущественно на каналах телесной педагогики – освоения женщинами определенного репертуара техник тела. Во вторую группу входят феноменологически ориентированные теории, проблематизирующие вовлеченность в телесные практики с точки зрения самих женщин, взаимосвязь техник работы над телом с меняющимся чувством Я. В рамках таких подходов акцент сделан преимущественно на ценностно-мотивационной составляющей телесных практик – технологиях себя. Оппозиция этих двух групп теорий отчасти отражает дихотомию структура/действие в социологии. Мы также проанализировали место женской телесности и телесных практик женщин в рамках социологических теорий, направленных на преодоление оппозиции структура/действие. Данные теории составляют третью группу теорий и в целом или тяготеют к структуралистским подходам, делая упор на детерминации репертуара телесных практик социальными диспозициями женщины (диспозиционный подход), или построены на гендерно нейтральной концепции актора, в которой тело предстает когнитивно контролируемым инструментом действия.

В-четвертых, по результатам исследования мы разработали концептуальную схему изучения телесных практик женщин, основанную на интегративной концепции «телесного реализма», дополненной теориями телесных практик и социально-конструктивистским подходом к созданию гендера. Согласно данной схеме, телесность может одновременно рассматриваться как источник создания социальной жизни (феноменологический аспект), как местоположение социальных норм (структуралистский аспект) и как средство позиционирования индивидов в обществе (диспозиционный аспект). Благодаря доработке концепции «телесного реализма» с помощью теорий «техник тела», «телесной педагогики» и «технологий себя», полученная концептуальная схема предлагает многоуровневый анализ телесных практик женщин. Дополнение схемы телесного реализма концепциями телесных практик и теорией социального

конструирования гендера позволяет конкретизировать абстрактную схему и открыть возможность ее практического использования для эмпирического исследования телесных практик. Концепция «техник тела» открывает возможность для изучения телесных практик женщин в структуралистском и феноменологическом ракурсах, «технологий себя» - в феноменологическом и диспозиционном, «телесной педагогики» - в структуралистском и диспозиционном. Телесные практики женщин, таким образом, предстают перед социологическим взглядом в целостности и взаимосвязи, при этом не сводятся исключительно к практикам привлекательности. Телесные практики женщин являются одновременно способом закрепления норм фемининной презентации тела и в то же время ресурсом сопротивления доминирующим гендерным стереотипам; способом воплощения индивидуальной системы ценностей женщины и в то же время воплощением групповых ценностей, солидарности с ценностями группы; результатом влияния сети агентов соматической социализации (семьи, референтной группы, профессиональной группы, СМИ и др.), степень усвоения которой обусловлена социальными диспозициями женщины.

В-пятых, мы апробировали разработанную нами расширенную версию концепции телесного реализма к исследованию кейса ансамблей телесных практик женщин среднего класса. Применение концептуальной модели позволило проанализировать место отдельных телесных практик в стратегиях взаимодействия с телом как с проектом, в результате чего мы разграничили практики привлекательности, практики здоровья и практики самости. Также разработанная интегративная теория позволила проанализировать телесные практики с точки зрения их ценностно-мотивационного наполнения (коррелирующего как с социальным, так и с индивидуальным образцом феминности), а также специфики телесной социализации.

Традиция сведения женщин к телесным аспектам человеческого существования и тенденция оценивать женщин по внешней привлекательности в западной культуре, с одной стороны, может объяснять интерес женщин к

способам преобразования тела и высокую вовлеченность в телесные практики. Однако было бы некорректно сводить всё многообразие телесного опыта женщин исключительно к практикам привлекательности. Изучение телесных практик женщин как сложного явления открывает возможность для различения биографических стратегий взаимодействия женщин с телом, открытия и типизации смыслового наполнения конкретных практик, будь то фитнес, косметические процедуры или пластическая хирургия, выделения несхожих культур фемининности и каналов освоения телесных практик. Предложенная концептуальная схема также представляется нам перспективной для интеграции различных эмпирических исследований, а также проведения новых исследований, заостряющих внимание на том или ином аспекте телесных практик женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 109-119.

2. Азаренко С.А. Сообщество тела. – М.: Академический проект, 2006. – 239 с.

3. Айвазова С.Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153-168.

4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.

5. Бабич Л.Н.: Социально-пространственные модели телесности: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Саратов, 1999. - 146 с.ил.

6. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. С.297–346.

7. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. 2(76). С. 11–29.

8. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./ Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.

9. Бордо С. Интерпретация стройного тела // Теория моды. 2014-2015. №34. С. 81-105.

10. Бороздина Е. Беременность и практическое знание женщин // Практики и идентичности: гендерное устройство: Сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач. - СПб. :Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.2010. С. 235-255.

11. Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.220-250.

12. Бурдье П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики /Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С.286-364.

13. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

14. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 2007. – 288 с..

15. Бурмакова О. Самый простой способ быть олимпийским атлетом – это не быть при этом женщиной. Обзор американских феминистских блогов // [Эл. ресурс] Неприкосновенный запас. 2012. 5(85). Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/2814 (дата обращения 31.03.2014)

16. Бхаскар Р. Общества // СОЦИО-ЛОГОС: Пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 1991

17. Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС. 2000. – 208 с.

18. В тени тела. Сборник статей и эссе / под ред. Н.Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета», 2008. – 208 с.

19. Вакан Л. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров // Логос, 2013. №5(95). С.61-96.

20. Ваньке А.В. Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. 1. С. 60–83.

21. Ваньке А.В.: Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01. Москва, 2013 - 227 с.ил.)

22. Вершинина С. Рынок фитнес-услуг уже пять лет растет гигантскими темпами // Ведомости 28.10.2013 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/realty/news/18026971/zatraty-na-fitnes-centr-okupyatsya-za-2-3-goda (дата обращения 20.12.2014)

23. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 432 с.

24. Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 446 с.

25. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 152-201.

26. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2003. – 528 с.

27. Гольжак В. Клиническая социология. // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 52-60

28. Гофман А.Б. Социальная антропология Марселя Мосса // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. С.7-54.

29. Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 18-25.

30. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. / Перевод А. Ковалева. –Москва: КАНОН-Пресс, 2000. – 304 с.

31. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Главы 3-6. / Перевод М. Добряковой // Социологический форум, 2001[Эл. ресурс] Режим доступа: ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения 31.03.2014)

32. Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / Перевод с англ. С.С. Степанова и Л.В. Трубицыной. М.: Смысл, 2009. – 319 с.

33. Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. / Перевод с англ. С.С. Степанова и Л.В. Трубицыной. – Москва: Смысл, 2009. – 319 с.

34. Гофман Э. Символы классового статуса / Перевод В. Николаева // Логос. 2003. 4-5 (39). С.42-53.

35. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. №1. С.29-44.

36. Гусарова К. Лучшее украшение женщины и гигиенический прогресс // Теория моды. 2011. Вып. 19. С. 115-142.

37. Гусарова К. Три цвета ногтя // Теория моды. М., 2011. Вып. 22. С. 135-154.

38. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. Москва: Ин-т социологического образования Российского центра гуманитарного образования - Программа Европейского сообщества TEMPUS/TACIS - ИС Рос АН., 1996.

39. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. №2 (12). С. 133–144

40. Евпланов А. Готовь фигуру весной. Фитнес-индустрия в России растет на 20 процентов в год // Российская бизнес-газета 20.03.2012 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/03/20/fitnes.html (дата обращения 20.12.2014)

41. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 1994. № 3-4. С.34-43.

42. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. 2002. [Эл. ресурс] Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/19169912/

43. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Феминистские рефлексии о полевом исследовании // Laboratorium. 2014. 6(1). С.84-112.

44. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С.299-321.

45. Иконникова Н. К. Человек в мире вещей: проблема присвоения вещной среды // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 344-354.

46. Инс К. Орлан. Операции как переодевание: тело и пределы его возможностей // Теория моды. 2012. 23. С.153-174.

47. Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.

48. История тела: В 3 т. / Под редакцией Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны / Перевод с французского О. Аверьянова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 384 с.: ил.

49. История тела: В 3 т. Под редакцией Алена Корбена, Жан-Жака Куртина, Жоржа Вигарелло. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. Перевод с французского М. Неклюдовой, А. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 480 с.

50. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. – 301 с.

51. Клингсайс К. Власть гламура в современном российском обществе. Значение одежды и внешности в городской культуре. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 1. С.171-177.

52. Кон И. С. Мужское тело в истории культуры. — М.: Слово/Slovo, 2003. — 432 с.

53. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 251–280.

54. Коннелл Р.У. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. 2012. №3(83). С.11-41.

55. Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. Москва: ИЭА РАН, 2004. — 358 с.

56. Кроули С.Л., Броуд К.Л. Конструирование пола и сексуальностей // Гендерные исследования. 2010. №20-21. С. 12–50.

57. Крупец Я. Н., Нартова Н. А. «Худой значит нормальный»: управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 523-538.

58. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность, 1997. №4. С. 143-151.

59. Круткин В.Л. Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. №2(73). С.167-179.

60. Куракин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа. // Социологическое обозрение. 2011. 10 (1-2). С. 56-74.

61. Литвина Д., Остроухова П. Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13. No.1.

62. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 608 с.

63. Мид Дж.Г. Генезис Я и социальный контроль // Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 218-236.

64. Мид Дж.Г. Физическая вещь // Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С.162-181.

65. Михель Д.В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. №1. С.92-106.

66. Михель Д.В. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 204 с

67. Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. – 172 с.

68. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А.Б.Гофмана. М.: КДУ, 2011. – 416 с.

69. Николаев В.Г. Джордж Герберт Мид и его «Философия настоящего» // Мид Дж.Г. Философия настоящего / Пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузминова (доп. Очерк IV). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 237-271.

70. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

71. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992-1994 годов. М.: Ad Marginem. 1995. – 339 с.

72. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетейя, 2008. - 495 с.

73. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. – 606 с.

74. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012 – 381, [3] с.

75. Романов П., Ярская-Смирнова Е.Р. Методы прикладных социальных исследований. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, при участии ООО «Норт Медиа», 2008. – 215 с.

76. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 115-137.

77. Романовский Н.В. Тело человека – новые горизонты социального познания? // Социологические исследования. 2006. № 4. С.16-25.

78. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.

79. Руднев В.П.. Полифоническое тело: Реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис. 2010. — 400 с.

80. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2004. – 639 с.

81. Симонова О. А. Чэндлер Э. Членовредительство в отношении себя как телесная эмоциональная работа: Управление разумом, эмоциями и телом // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2014. Т. -. № 1. С. 70-79.

82. Смит Д.Е. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.29-63.

83. Соколов А.Б. История тела. Предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. 2009. № 26. С. 190-211.

84. Сохань И. В. Императив худого тела в современном массовом обществе и актуальные гастрономические стратегии // В кн.: XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 4 / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 554-564.

85. Сохань И.В. Производство женской телесности в современном массовом обществе — культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 68-77.

86. Станковская Е. Б. "Моё чужое тело": формы современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 4. С. 112-119.

87. Станковская Е. Б. Области проблематизации женской телесности // Вопросы гуманитарных наук. 2010. № 6. С. 107-109.

88. Станковская Е. Б. Специфика современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Вопросы гуманитарных наук. 2010. № 5. С.110-114.

89. Станковская Е.Б.: Структура и типы отношения женщины к себе в аспекте телесности: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. Москва, 2011 - 231 с.ил.

90. Стил В. Фетиш: мода, секс и власть. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 224 с.

91. Тартаковская И.Н. Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С.267-279.

92. Темкина А.А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С.7-24.

93. Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994, вып. 6. С.137-167.

94. Ушакин С.А. Культура пола // Социо-культурный анализ гендерных отношений / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Изд-во Сарат. Университета, 1998. – 208 с.

95. Ушакин С.А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007. С.94-110.

96. Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.193–218.

97. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996. – 448 с.

98. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Том 3. Киев: Дух и Литера. 1998. – 282 с.

99. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Том 2. СПб.: Академический проект. 2004. – 432 с.

100. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. – 504 с.

101. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. №2(65). С. 96-122.

102. Шелер. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс. 1988. С. 31-95.

103. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №2. С.60-70.

104. Щурко Т.А. Фокусируясь на женской телесности: медики, социологи и женские Интернет сообщества о проблеме «нарушений пищевого поведения» // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 381-404.

105. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. М.: Университетская книга. 2001. – 336 с.

106. Эльштайн Дж.Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С.64-88.

107. Энтуисл Дж. Мода и плоть: одежда как воплощенная телесная практика // Теория моды. 2007. №6 (4). С. 95-130.

108. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Границы тела: биовласть публичной анатомии // Теория моды: одежда, тело, культура. 2013. № 30. С.137-159.

109. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С.38-61.

110. Aalten A. Listening to the dancer’s body // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / под ред. C. Shilling. Oxford: Blackwells, 2007. P. 109-125.

111. Aalten A. Performing the body, creating culture // European Journal of Women’s Studies. 1997. Vol.4. No.2. P. 197-215.

112. ASPS 2012 Quick Facts. Cosmetic Plastic Surgery Demographic Trends // 2012 Plastic Surgery Statisitcs Report [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2012-Plastic-Surgery-Statistics/demographic-trends-quick-facts.pdf (дата обращения 31.03.2014)

113. ASPS 2013 Cosmetic Plastic Surgery Statistics. Cosmetic Procedure Trends // 2013 Plastic Surgery Statisitcs Report [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2013-statistics/cosmetic-procedures-national-trends-2013.pdf (дата обращения 31.03.2014)

114. Baker-Sperry L., Grauerholz L. The pervasiveness and persistence of the feminine beauty ideal in children's fairy tales // Gender & Society. 2003. Vol. 17. No. 5. P.711-726.

115. Balsamo A. Technologies of the Gendered Body. Reading Cyborg Women. Durham and London: Duke University Press. 1996. – 232 pp.

116. Bartky S.L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power // Weitz R. (ed.) The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. P.25-45.

117. Bauman Z. Survival as a Social Construct // Theory, Culture & Society. 1992. Vol.9. P. 1-36.

118. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: SAGE Publications Ltd, 2002. – 222 pp.

119. Bell M. Re/Forming the Anorexic "Prisoner": Inpatient Medical Treatment as the Return to Panoptic Femininity // Cultural Studies <=> Critical Methodologies. 2006. vol. 6. no. 2. P.282-307.

120. Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences. Third edition – London: Routlede, 1998. – 176 pp.

121. Body/Embodiment: Symbolic Interaction and the Sociology of the Body / ed. by Waskul D.D., Vanini P. Ashgate, 2006. — 312 p.

122. Bohemen S. van, Zoonen L. van, Aupers S. Performing the 'fun' self: How members of the Red Hat Society negotiate cultural discourses of femininity and ageing // European Journal of Cultural Studies. 2013. vol. 16. no. 4. P. 424-439.

123. Bordo S. Bringing body to theory // Body and Flesh: A Philosophical Reader. Oxford: Blackwell. 1998. P. 84–97.

124. Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, Ltd, 1995. – 361 pp.

125. Brook B. Feminist Perspectives on the Body. London and New York: Longman, 1999. – 183 pp.

126. Bruce T. Reflections on Communication and Sport On Women and Femininities // Communication & Sport. 2013. vol. 1. no. 1-2. P. 125-137

127. Budgeon S. Identity as an Embodied Event // Body & Society. 2003. 9 (1). P. 35-55.

128. Burkitt L. Bodies of Thought: Embodiment, Identity and Modernity. London: Sage. 1999. – 176 p.

129. Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”. New York and London: Routledge. 1993. – 288 pp.

130. Butler, J. Undoing Gender. New York and London: Routledge. 2004. – 288 pp.

131. Calogero R.M. A Test of Objectification Theory: The Effect of the Male Gaze on Appearance Concerns in College Women // Psychology of Women Quarterly. 2004. Vol.28. No.1. P. 16-21.

132. Chambers S.A. «Sex» and the Problem of the Body: Reconstructing Judith Butler’s Theory of Sex/Gender // Body & Society. 2007. 13. P. 47–75.

133. Chernin K. The Obsession: Reflections on the Tyranny of Slenderness. New York: Harper & Row, 1981.

134. Cooky C., Dycus R. and Dworkin S.L. «What Makes a Woman a Woman?» Versus «Our First Lady of Sport»: A Comparative Analysis of the United States and the South African Media Coverage of Caster Semenya // Journal of Sport and Social Issues. 2013. 37(1). P. 31–56.

135. Crawford R. Cultural Influences on Prevention and the Emergence of a New Health Consciousness // Taking Care: Understanding and Encouraging Self-Protective Behavior / под ред. N.D. Weinstein. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 95-113.

136. Crawford R. Health as a meaningful social practice // Health. 2006. 10 (4). P. 401-420.

137. Cregan K. The Sociology of the Body: Mapping the Abstraction of Embodiment. London: SAGE Publications Ltd, 2006. – 224 pp.

138. Critical Realism: Essential Readings / ed. M. Archer, R. Bhaskar, A. Colleir, T. Lawson and A. Norrie. – London: Routledge, 1998. – 784 pp.

139. Crossley N. Body techniques, agency and intercorporeality: on Goffman's Relations in Public // Sociology. 1995. Vol.29(1). P. 133-149.

140. Crossley N. Mapping reflexive body techniques: On body modification and maintenance // Body & Society. 2005. 11(1). P.1-35.

141. Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol.1. No.1. P.43-63.

142. Crossley N. Reflexive embodiment in contemporary society. Berkshire: Open University Press. 2006. – 172 pp.

143. Crossley N. The Social Body: Habit, Identity and Desire. London: Sage Publications Ltd. 2001. – 176 pp.

144. Cvajner M. Hyper-femininity as decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // Ethnography. 2011. vol. 12. no. 3. P.356-374.

145. Davis K. 'My Body is My Art': Cosmetic Surgery as Feminist Utopia? // Davis K. (ed.) Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body. London: Sage Publications Ltd. 1997. P.168-181.

146. Davis K. Reshaping the Female body. London: Routledge, 1995. – 224 pp.

147. Delphy C. Rethinking Sex and Gender. // Sex in Question: French materialist feminism / ed by. Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. P. 31–42.

148. Douglas M. Natural Symbols: Exploration in Cosmology. Third edition. London and New York: Routledge, 2003. – 240 p.

149. Dozier R. Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world // Gender & Society. 2005. Vol.19. No.3. P. 297–316.

150. Elias N. Civilisation and psychosomatics // Essays III. On Sociology and Humanities. The Collected works of Norbert Elias. Dublin: University College Dublin Press. 2009. P. 180-186.

151. Evans J. Book Review: The Body in Culture, Technology and Society // Acta Sociologica. 2005. 48. P. 93-95.

152. Evans M., Lee E. (ed.) Real Bodies: A Sociological Introduction. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2002. – 240 pp.

153. Eyre S.L, Guzman R., Donovan A.A., Boissiere C. «Hormones is not magic wands» Ethnography of a transgender scene in Oakland, California. // Ethnography. 2004. Vol.5. No.2. P. 147–172.

154. Fausto-Sterling A. Sexing the body: gender politics and the construction of sexuality. New York: Basic Books, 2000. – 496 pp.

155. Fausto-Sterling A. The Five Sexes: Why Male and Female Are Not Enough // The Sciences. 1993. March/April. P. 20–24.

156. Featherstone M. The Body in Consumer Culture // Theory, Culture & Society. 1982. 1 (2). P. 18-33.

157. Friedman A. Toward a Sociology of Perception: Sight, Sex, and Gender. // Cultural Sociology. 2011. 5(2). P. 187–206.

158. Frost L. Young Women and the Body. A Feminist Sociology. Basingstoke and New York: Palgrave, 2001. – 224 pp.

159. Gatens M. A critique of the sex/gender distinction. // A Reader in Feminist Knowledge. London: Routledge. 1991. P. 139–157

160. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press 1991. – 264 pp.

161. Gill R.C. Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and 'Choice' for Feminism: A Reply to Duits and van Zoonen // European Journal of Women's Studies. 2007. Vol.14. No.1. P.69-80.

162. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New Brunswick: Aldine Transaction, 2007. – 410 pp.

163. Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. New York: The Free Press. 1966. – 248 pp.

164. Goffman E. The Arrangement between the Sexes // Theory and Society. 1977. Vol.4 (3). P. 301–331.

165. Griffin C., Szmigin I., Bengry-Howell A., Hackley C., Mistral W. Inhabiting the contradictions: Hypersexual femininity and the culture of intoxication among young women in the UK // Feminism & Psychology. 2013. vol. 23. no. 2. P.184-206.

166. Grosz E. Notes Towards a Corporeal Feminism // Australian Feminist Studies. 1987. Vol.2. No.5. P. 1–16.

167. Harris J., Clayton B.. Femininity, Masculinity, Physicality and the English Tabloid Press: The Case of Anna Kournikova // International Review for the Sociology of Sport. 2002. vol. 37. no. 3-4. P.397-413.

168. Hines S. Intimate Transitions: Transgender Practices of Partnering and Parenting // Sociology. 2006. Vol.40. No.2. P. 353–371.

169. Holland J., Ramazanoglu C., Sharpe S., Thomson R. The Male in the Head. London: The Tufnell Press, 1998. – 232 pp.

170. Howie G. Between Feminism and Materialism: A Question of Method. New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 280 pp.

171. Howson A. Embodying Gender. London: Routledge, 2005. – 177 pp.

172. Howson A., Inglis D. The body in sociology: tensions inside and outside sociological thought // The Sociological Review. 2001. 49 (4). P.297-317.

173. Huppatz K. Reworking Bourdieu's `Capital': Feminine and Female Capitals in the Field of Paid Caring Work // Sociology. 2009. vol. 43. no. 1. P. 45-66.

174. ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2010 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.isaps.org/files/html-contents/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202010.pdf (дата обращения 31.03.2014)

175. ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2011 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.isaps.org/files/html-contents/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202011.pdf (дата обращения 31.03.2014)

176. ISAPS Quick Facts: Highlights of the ISAPS 2013 Statistics of Cosmetic Surgery [Эл. ресурс] Режим доступа:

http://www.isaps.org/Media/Default/Current%20News/ISAPS%20Quick%20Facts%20Highlight%20Sheet%20Final.pdf (дата обращения 20.12.2014)

177. Jeffreys S. ‘Body Art’ and Social Status: Cutting, Tattooing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism & Psychology. 2000. Vol.10. No.4. P. 409-429.

178. Jonvallen P. Sex differentiation and body fat: Local biologies and gender transgressions // European Journal of Women's Studies. 2010. Vol.17. No.4. P. 379–391.

179. Klesse C. ‘Modern Primitivism’: Non-Mainstream Body Modification and Racialized Representation // Body & Society. 1999. 5(2-3). P.15-38.

180. Lafrance M. Skin and the Self: Cultural Theory and Anglo-American Psychoanalysis // Body and Society. 2009. Vol. 15 No. 3. P. 3-24.

181. Lande B. Breathing like a soldier: culture incarnate // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / под ред. C. Shilling. Oxford: Blackwells, 2007. P. 95-108.

182. Laqueur T. Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud. Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 328 pp.

183. Le Breton, D. Genetic Fundamentalism or the Cult of the Gene // Body & Society. 2004. 10(4). P.1-20.

184. Leder D. The Absent Body. Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 229 pp.

185. Lirola M.M., Chovanec J. The dream of a perfect body come true: Multimodality in cosmetic surgery advertising // Discourse & Society. 2012. Vol. 23. No. 5. P. 487-507.

186. Lupton D. The digitally engaged patient: Self-monitoring and self-care in the digital health era // Social Theory & Health. 2013. 11. P. 256–270.

187. Martin K.A., Kazyak E. Hetero-romantic love and heterosexiness in children’s G-rated films // Gender & Society. 2009. Vol. 23. No. 3. P. 315-336.

188. Martin L.St., Gavey N. Women's Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity's Recuperation? // Body & Society. 1996. Vol.2. No.4. P. 45-57.

189. Mellor P.A., Shilling C. Body pedagogics and the religious habitus: A new direction for the sociological study of religion // Religion. 2010. 40(1). P. 27-38.

190. Moi T. What Is a Woman?: And Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 2001. – 544 pp.

191. Moore S.E.H. Is the Healthy Body Gendered? Toward a Feminist Critique of the New Paradigm of Health // Body & Society. 2010. 16 (2): 95-118.

192. Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6. № 3. P.25-53.

193. Negrin L. Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity // Body and Society. 2002. 8(4). P. 21-42.

194. Nettleton S. Sociology of Health and Illness. Third edition. Cambridge: Polity Press, 2013. – 344 pp.

195. Nicholson L. Interpreting gender // Signs. 1994. Vol. 20. No. 1. P. 79–105.

196. Nielson J. M., Walden G., Kunkel C.A. Gendered Heteronormativity: Empirical Illustrations in Everyday Life // The Sociological Quarterly. 2000. Vol. 41. № 2. P. 283-296

197. Orlan on becoming-Orlan. 'I do not want to look like…' // Fraser M., Greco M. (eds.) The Body: A Reader. London and New York: Routledge. 2005. P. 312-315.

198. Oudshoorn N. Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones. London: Routledge. 1994. – 208 pp.

199. Pro Тело: Молодежный контекст / под ред. Е.Омельченко, Н.Нартовой. СПб: Алетейя, 2013. – 288 с.

200. Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. 1980. Vol. 5. № 4. P. 631-660.

201. Roberts C. A matter of embodied fact: sex hormones and the history of bodies // Feminist Theory. 2002. Vol.3. No.1. P. 7–26.

202. Scheibelhofer E. A Reflection Upon Interpretive Research Techniques: The Problem- Centred Interview as a Method for Biographic Research // Narrative, Memory & Everyday Life. Huddersfield: University of Huddersfield, 2005. P.19-32.

203. Schorn A. The "Theme-centered Interview". A Method to Decode Manifest and Latent Aspects of Subjective Realities // FORUM. 2000. Vol. 1, No. 2, Art. 23.

204. Shilling C. Changing bodies: habit, crisis and creativity. London: SAGE Publications Ltd. – 216 pp.

205. Shilling C. Culture, the 'sick role' and the consumption of health // The British Journal of Sociology. 2002. Vol. 53, № 4. P.621-638.

206. Shilling C. Foreword: Body pedagogics, society and schooling // Education, Disordered Eating and Obesity Discourse / ed. by J. Evans, E. Rich, B. Davies, and R. Allwood. London: Routledge. P.IX-XV.

207. Shilling C. Sociology and the body: Classical traditions and new agendas // Embodying Sociology. Retrospect, Progress and Prospects / под ред. C. Shilling. Oxford: Blackwell, 2007. P.1-18.

208. Shilling C. The Body and Social Theory. Second Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2003. – 248 pp.

209. Shilling C. The Body and Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2013. – 336 pp.

210. Shilling C. The Body in Culture, Technology and Society. London: SAGE Publications Ltd. 2005. – 242 pp.

211. Shilling C. The Undersocialised Conception of the Embodied Agent in Modern Sociology // Sociology. 1997. 31 (4). P. 737-754.

212. Shilling C., Mellor P.A. Embodiment, structuration theory and modernity: Mind/Body Dualism and the Repression of Sensuality // Body & Society. 1996. Vol.2. No.4. P. 1-15.

213. Shilling C., Mellor P.A. Saved from pain or saved through pain? Modernity, Instrumentalization and the religious use of pain as a body technique // European Journal of Social Theory. 2010. 13(4). P. 521-537.

214. Soley-Beltran P. Modelling Femininity // European Journal of Women's Studies. 2004. Vol.11. No.3. P. 309-326.

215. Stuart A., Donaghue N. Choosing to conform: The discursive complexities of choice in relation to feminine beauty practices // Feminism and Psychology. 2012. 22 (1). P. 98-121.

216. Turner B.S. Regulating bodies. Essays in medical sociology. New York and London: Routledge, 1992. – 288 pp.

217. Turner B.S. The Body and Society: Explorations in Social Theory. Third Edition. London: SAGE Publications Ltd, 2008. – 296 pp.

218. Urla J., Swedlund A.C. The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // Shiebinger L. (ed.) Feminism and the Body. New York: Oxford University Press, 2000. P. 397-428.

219. Vannini A., Fornssler B. Girl, Interrupted: Interpreting Semenya's Body, Gender Verification Testing, and Public Discourse // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. 2011. 11(3). P. 243–257.

220. Wackwitz L.A. Verifying the myth: Olympic sex testing and the category «woman» // Women's Studies International Forum. 2003. 26(6). P. 553–560.

221. Ward J., Schneider B. The Reaches of Heteronormativity: An Introduction// Gender and Society. 2009. Vol. 23. № 4. P. 433-439.

222. West C. Goffman in Feminist Perspective // Sociological Perspectives. 1996. Vol.39. No.3. P. 353-369.

223. Williams S.J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. London: Routledge, 1998. – 274 pp.

224. Witz A. Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // Body and Society. 2000. 6 (2). P. 1-24.

225. Young I. M. Female Body Experience: "Throwing Like a Girl" and Other Essays. Oxford and New York: Oxford University Press. 2005. – 188 pp.

226. Young I.M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity // Ratio. 2002. Vol.15. № 4. P.410-428.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК УЧАСТНИЦ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

№ ИНТЕРВЬЮ	ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРВЬЮ	ВОЗРАСТ	ТЕЛЕСНЫЕ ПРАКТИКИ И ОПЫТ	СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	ДЕТИ	ОБРАЗОВАНИЕ	ЗАНЯТОСТЬ
Интервью 1	83:21	42	Диета (индивидуальная система самоограничения); Занятия танцами (электро дэнс, хаус дэнс, стрип пластика) Регулярный уход за лицом и телом дома и в салоне; Прием витаминов; Косметологические процедуры (мезотерапия, инъекции ботокса); Увеличение груди. В прошлом голодание, опыт анорексии.	Совместное проживание с отцом ребенка, муж - бизнесмен	+ Сын старшеклассник	Высшее медицинское (стоматологический факультет)	Стоматолог в частной клинике, работает два раза в неделю
Интервью 2	49:58	32	Диета (подсчет калорий); Инъекции ботокса (с 26-27 лет); Липосакция подбородка (химическая); Сауна и массажи; Уход за лицом и телом.	Не замужем	–	Высшее, двойное: математик-экономист (немецкий вуз)	Глава проекта по автоматизации и роботизации в машиностроительном холдинге
Интервью 3	84:54	26	Диета (разработана индивидуально); Тренажерный зал;	Второй брак	–	Высшее политологическое	Специалист по связям с общественностью и пиар в медиа-компании

			Уход за лицом и телом; В прошлом: обертывания тела водорослями, массажи, инъекции озона.				
Интервью 4	44:49	29	Массажи; Обертывания тела; Мезотерапия бедер; Сауна, хаммам, бассейн; Занятия на беговой дорожке в тренажерном зале.	Разведена. Помолвлена.	–	Высшее экономическое	Руководитель департамента аналитики экономики в крупной компании
Интервью 5	51:45	28	Контроль объема и типа пищи; Физические упражнения, бег; Антивозрастной уход за лицом.	Разведена	–	Высшее	Специалист в области продвижения продукции в дистрибьюторе парфюмерно-косметической продукции класса люкс
Интервью 6	78:64	29	Диета (ограничение пищи, принятие пищи до 18.00); Тренажерный зал и групповые занятия, йога, бассейн; Антивозрастной уход за лицом, спа-процедуры, пилинги. В прошлом спорт (лыжи).	Не замужем	–	Два высших: финансовое и лингвистическое	Офис, работа с клиентами
Интервью 7	52:59	35	Йога; В прошлом тренажерный зал, бассейн, спорт (роликовые	Разведена. В отношениях	–	«Два с половиной» высших	Тренер по медиа-коммуникациям

			коньки).				
Интервью 8	50:15	27	Диета (модифицированная диета П. Дюкана); Тренажерный зал и фитнес (тай-бо); Гидромассаж; Уход за лицом и телом; В прошлом теннис.	Не замужем	–	Несколько высших образований (философия, политология и юриспруденция)	Юрист
Интервью 9	49:16	26	Тренажерный зал (в прошлом с личным тренером); Контроль объема и типа пищи; Спорт (сёрфинг, велосипедные туры). В прошлом балетный класс.	В отношениях	–	Высшее (международное право). Дополнительное образование в области моды.	Юрист (международная юриспруденция в сфере финансирования) в авиакомпании.
Интервью 10	64.09	28	Йога; Бассейн; Ношение трекер-браслета (Jawbone Up). В прошлом хореографические и танцевальные классы, спорт.	Замужем	+ Дочь грудного возраста	Два высших: филология и связи с общественностью	Фрилансер и домохозяйка в декрете
Интервью 11	79:54	25	Диета (разработана личным диетологом); Тренажерный зал; Регулярные медицинские тесты; В прошлом диета П. Дюкана.	Не замужем, помолвлена	–	Высшее	Специалист по связям с общественностью в международной корпорации. Блогер

Интервью 12	35.34	32	Диета (разработана личным диетологом); Тренажерный зал; Программа детокса (комплексного очищения организма), разработанная косметологами.	Не замужем	+ Сын ясельного возраста	Высшее	Владелец своего бизнеса в области продвижения компаний и услуг, одновременно в декрете в крупной компании.
Интервью 13	67:30	28	Контроль объема и типа пищи; Эксперименты с вегетарианством; Фитнес-йога; Уход за лицом и телом.	Не замужем	–	Высшее	Менеджер в сфере пиар в холдинге стратегических коммуникаций
Интервью 14	85:47	28	Йога (аштанга виньяса); Танцы (клубная латина, сальса. в прошлом модерн, джаз); Система питания, разработанная диетологом (на основании мед. тестов); Ведение электронного блокнота сочетаний одежды, меню; Ведение электронной медицинской карты; Уход за телом и лицом.	Не замужем. В отношениях	–	Высшее в сфере дизайна	Проектирование и дизайн интерьеров
Интервью 15	108:42	34	Контроль объема и типа пищи; Уход за лицом и телом; В прошлом тренажерный зал, карате, йога, жесткая диета.	Не замужем. В отношениях	–	Высшее, дипломированный экономист	Работает в PR-агентстве, пиарщик